

П. Смирновскій.

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ II.

Карамзинъ въ Александровскую эпоху.

Цена 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ изданія въ Петербургскомъ Учебномъ Магази́нѣ. Петербургская Сторона, Большой пр., д. 7.
1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Жизнь и литературная дѣятельность Карамзина въ Александровскую эпоху.

I. Черты Александровской эпохи.

	СТР.
1. Лагарпъ, какъ воспитатель императора Александра	1
2. Факты, свидѣтельствующіе о либеральныхъ стремленіяхъ императора Александра	3
3. Другая сторона личности императора Александра	14
4. Черты жизни русскаго общества въ Александровскую эпоху:	
а) Черты, касающіяся вопроса о просвѣщеніи	16
б) Черты, касающіяся вопроса о народномъ самоознаніи.	27
в) Черты, касающіяся вопроса о томъ, какъ отнеслось русское общество къ политическимъ планамъ императора Александра	33

II. Какъ встрѣтилъ Карамзинъ новую эпоху.

1. Взглядъ Карамзина на правленіе Павла и двѣ его оды Александру.	37
2. Историческое похвальное слово императрицѣ Екатеринѣ II	42

III. Продолженіе біографическихъ свѣдѣній о Карамзинѣ.

1. Московскій періодъ его жизни (1801—1815)	52
2. Петербургскій періодъ (1816—1826)	67

IV. „Вѣстникъ Европы“

1. Статьи политическія	93
2. Статьи публицистическія	96
3. Статьи историческія	126
4. Статьи литературныя	130
5. Дополнительный очеркъ „Вѣстника Европы“	151
6. Заключение	153

V. „Исторія государства Россійскаго“.

1. Первоначальныя предположенія автора „Исторіи“ и его работа надъ нею. —Взгляды прежней критики и новѣйшей. —Выводъ. —Предисловіе къ „Исторіи“	154
2. „Исторія государства Россійскаго“, какъ литературное произведеніе	172
3. „Исторія государства Россійскаго“, какъ научное сочиненіе	192
4. Значеніе „Исторіи государства Россійскаго“ и отношеніе къ ней современниковъ.	196

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Жизнь и литературная дѣятельность Карамзина въ Александровскую эпоху.

I. Черты Александровской эпохи.

	СТР.
1. Лагарпъ, какъ воспитатель императора Александра	1
2. Факты, свидѣтельствующіе о либеральныхъ стремленіяхъ импера- тора Александра	3
3. Другая сторона личности императора Александра	14
4. Черты жизни русскаго общества въ Александровскую эпоху:	
а) Черты, касающіяся вопроса о просвѣщеніи	16
б) Черты, касающіяся вопроса о народномъ самоознаніи.	27
в) Черты, касающіяся вопроса о томъ, какъ отнеслось русское общество къ политическимъ планамъ императора Александра	33

II. Какъ встрѣтилъ Карамзинъ новую эпоху.

1. Взглядъ Карамзина на правленіе Павла и двѣ его оды Александру.	37
2. Историческое похвальное слово императрицѣ Екатеринѣ II	42

III. Продолженіе біографическихъ свѣдѣній о Карамзинѣ.

1. Московскій періодъ его жизни (1801—1815)	52
2. Петербургскій періодъ (1816—1826)	67

IV. „Вѣстникъ Европы“

1. Статьи политическія	93
2. Статьи публицистическія	96
3. Статьи историческія	126
4. Статьи литературныя	130
5. Дополнительный очеркъ „Вѣстника Европы“	151
6. Заключение	153

V. „Исторія государства Россійскаго“.

1. Первоначальныя предположенія автора „Исторіи“ и его работа надъ нею. —Взгляды прежней критики и новѣйшей. —Выводъ. —Предисло- віе къ „Исторіи“	154
2. „Исторія государства Россійскаго“, какъ литературное произведеніе	172
3. „Исторія государства Россійскаго“, какъ научное сочиненіе	192
4. Значеніе „Исторіи государства Россійскаго“ и отношеніе къ ней со- временниковъ.	196

VI. Записка о древней и новой Россіи.

1. Записка, какъ дополненіе къ „Исторіи государства Россійскаго . . . 200
2. Записка, какъ критика того, что совершалось въ правленіе импера-
тора Александра I 209

**VII. Характеръ и значеніе Карамзина, какъ литературнаго дѣя-
теля въ Александровскую эпоху 222**

VIII. Преобразование Карамзинымъ нашего литературнаго языка 232

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:		Читай:
Стр. 17 строка 12 св.	Галицына	Голицына
26 "	5 св. Галицына	Голицына
34 "	9 св. Миттерниха	Меттерниха
64 "	2 св. И дѣйствительно Карамзинъ, чѣмъ больше	И дѣйствительно, чѣмъ больше Ка- рамзинъ
89 "	9 св. Галицынымъ	Голицынымъ
96 "	24 св. настроеніе	настроеніе,
203 "	8 св. Страсть	„Страсть
208 "	6 св. жизни	жизни“.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Жизнь и литературная дѣятельность Карамзина въ Александровскую эпоху.

I. Черты Александровской эпохи.

1. Лагарпъ, какъ воспитатель императора Александра.

Въ то время, когда императрицѣ Екатеринѣ пришлось начать заботы о воспитаніи своего внука, она была горячей поклонницей либеральныхъ западно-европейскихъ идей, и желала воспитать будущаго императора именно въ духѣ этихъ идей. Потому-то она и выбрала въ воспитатели ему швейцарскаго гражданина Фридриха-Цезаря Лагарпа, чловѣка неподкупной честности и независимаго характера, а по убѣжденіямъ — республиканца „преисполненнаго гуманными идеями XVIII-го вѣка“. Лагарпъ, несомнѣнно, имѣлъ благотворное вліяніе на своего питомца: онъ внушалъ ему высокія понятія о добродѣтеляхъ чловѣка и гражданина, но вмѣстѣ съ тѣмъ критика указываетъ и на недостатки его воспитательной системы, заключавшіеся въ ея отвлеченности. Такъ напр. историкъ Надлеръ, упрекая систему Лагарпа въ отсутствіи въ ней религіознаго и народнаго элемента, замѣчаетъ слѣдующее: „Современная просвѣтительная литература казалась Лагарпу послѣднимъ и высочайшимъ откровеніемъ чловѣческаго разума. Гуманныя, но притомъ чисто отвлеченныя понятія добродѣтели, свободы, равенства, братства — идеи, поясняемыя и подтверждаемыя примѣрами изъ подслащеннаго Плутарха, должны были повліять, по его мнѣнію, исключительно на развитіе ума и характера будущаго самодержца. Лагарпъ придавалъ также боль-

шое значеніе тѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ общественнаго развитія, которыя онъ вычиталъ у Гиббона, Сидни, Мабли и Руссо. Какъ истый теоретикъ-французъ XVIII вѣка, онъ приписывалъ этимъ теоріямъ абсолютное значеніе, почиталъ ихъ безусловно примѣнимыми ко всякой жизни и обществу“¹⁾. И дѣйствительно, гуманная и космополитическая философія Лагарпа имѣла отвлеченный характеръ — и потому, облагораживая сердце воспитанника, сильно развивала въ немъ и мечтательность. Съ этимъ соглашаются и другіе критики воспитательной системы Лагарпа. Даже Пыпинъ, имѣющій въ виду обратить вниманіе своего читателя главнымъ образомъ на свѣтлыя стороны Лагарпа, какъ педагога, тѣмъ не менѣе замѣчаетъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что его (Лагарпа) независимый характеръ, строгая выдержанность понятій, нравственное достоинство оказывали на Александра самое благотворное дѣйствіе; Лагарпъ былъ человѣкъ, способный стать нравственнымъ авторитетомъ; но едва ли сомнительно также, что его философское воспитаніе содѣйствовало развитію мечтательности“²⁾.

Эта мечтательность усиливалась еще тѣмъ, что „Лагарпъ и другой воспитатель Александра—Михаилъ Никитичъ Муравьевъ—старались привить своему питомцу и ту сентиментальную чувствительность, то умиленіе красотами природы, то восхищеніе идеалами человѣчества, ту афектацію, которыя были въ ихъ глазахъ обязательною принадлежностью каждаго философски образованнаго человѣка. Сама Екатерина поощряла это направленіе. Еще въ дѣтскіе годы Александръ долженъ былъ упиваться чтеніемъ трогательныхъ исторій о добродѣтельныхъ царевичахъ, присутствовать при домашнихъ представленіяхъ сентиментальныхъ драмъ и оперетокъ. Идилліи Геснера сдѣлались въ послѣдствіи его любимымъ чтеніемъ. Какъ благоговѣль онъ даже въ позднѣйшіе годы своей жизни передъ памятью скромнаго, забытаго уже почти всѣмъ міромъ поэта! Среди неслыханнаго блеска своихъ побѣдъ, на высотѣ своей славы, онъ мечталъ о тихой, безмятежной жизни поселанина, о его идиллическомъ счастіи. Возвращаясь въ 1815 г. изъ Парижа черезъ Швейцарію, онъ отправился на поклоненіе къ могилѣ любимаго пѣвца. Въ Богеміи, въ годовщину Лейпцигскаго боя, онъ собственноручно пахалъ поле, и вызвалъ тѣмъ взрывъ умиленія и восторга у присутствовавшихъ лицъ. Красивый деревенскій видъ, простая обстановка крестьянскаго жилища приводили его всегда въ умиленіе“³⁾.

Императоръ Александръ былъ идеалистомъ, какъ и воспитатель его Лагарпъ. Послѣдній впрочемъ и самъ сознавалъ свой

идеализмъ, и называлъ себя „теоретикомъ, знакомымъ больше съ книгами, нежели съ людьми“. „Только впоследствии“,—говоритъ Шильдеръ,—„по окончаніи воспитанія Александра, когда Лагарпъ, по возвращеніи въ отечество, столкнувшись на политическомъ поприщѣ съ жизнью и съ страстями человѣческими, приобрѣлъ недостававшую ему жизненную, практическую опытность, онъ отказался отъ многихъ своихъ прежнихъ теоретическихъ умозаключеній. Поэтому, будучи въ 1801 г. вторично призванъ въ Россію тогда уже своимъ вѣнценоснымъ воспитанникомъ, онъ началъ даже усматривать величайшее благо въ разумномъ самодержавіи, и въ этомъ новомъ духѣ преподавалъ Александру наставленія, предостерегая его при каждомъ удобномъ случаѣ отъ увлеченія и слишкомъ поспѣшныхъ мѣропріятій“⁴⁾).

Если трудно опредѣлить, въ какой именно мѣрѣ вліялъ Лагарпъ на императора въ этомъ новомъ своемъ консервативномъ направленіи,—то зато можно указать многое, въ чемъ съ 1801 г. стали обнаруживаться результаты того либеральнаго духа, который Лагарпъ прививалъ своему питомцу еще до восшествія его на престолъ.

2. Факты, свидѣтельствующіе о либеральныхъ стремленіяхъ императора Александра.

Еще въ юности, охваченный идеями Лагарпа, Александръ восторженно бесѣдовалъ въ царскосельскихъ садахъ съ своимъ другомъ Адамомъ Чарторижскимъ о свободѣ, о счастіи и добродѣтели, посвящалъ въ свои смѣлые планы свою юную супругу и говорилъ имъ о своемъ твердомъ намѣреніи облагодѣтельствовать Россію. День 12-го марта 1801 г. былъ днемъ, съ котораго Александръ могъ начать приводить свои планы въ исполненіе.

Заявивъ въ своемъ манифестѣ при восшествіи на престолъ, что онъ намѣренъ править Россіей „по законамъ и по сердцу императрицы Екатерины“, и желая этимъ заявленіемъ указать на свое несочувствіе политикѣ Павла, юный императоръ тотчасъ же приступилъ къ цѣлому ряду мѣръ и преобразованій, бывшихъ слѣдствіемъ его либеральныхъ стремленій.

Снявъ опалу съ огромнаго числа лицъ, подвергшихся гнѣву покойнаго государя, Александръ уничтожилъ пытку и Тайную экспедицію. По поводу уничтоженія послѣдней Шильдеръ говоритъ:⁵⁾ „Духъ и направленіе воцарившагося императора въ особенности ярко выступаютъ въ манифестѣ объ уничтоженіи

Тайной экспедиціи, въ которомъ государь говоритъ, что въ благоустроенномъ государствѣ *«всѣ преступленія должны быть объемы, судимы и наказуемы общею силою закона»*, и потому признаетъ за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе Тайной экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла, въ оной бывшія, отдать въ государственный архивъ къ вѣчному забвенію“.

31-го марта 1801 г. государь отмѣнилъ распоряженіе императора Павла, запрещавшее ввозить къ намъ изъ-за границы не только какія-либо книги, но даже и музыкальныя ноты; повелѣлъ распечатать частныя типографіи, закрытыя указомъ 5-го іюня 1800 года, и дозволилъ имъ печатать книги и журналы. Вмѣстѣ съ этимъ государь позаботился и объ ослабленіи тѣхъ цензурныхъ строгостей, которыя такъ чувствовались въ предшествовавшее царствованіе, и еще въ 1803 г. поручилъ свѣдущимъ людямъ выработать новый цензурный уставъ. Проектъ цензурныхъ постановленій составленъ былъ академиками Озерецковскимъ и Фусомъ и послужилъ главнымъ основаніемъ для новаго цензурнаго устава, утвержденного 9-го іюля 1804 г. Уставъ отличался „духомъ терпимости и любви къ просвѣщенію“. Въ немъ предоставлена была свобода изслѣдованіямъ въ области наукъ, обнимающихъ какъ природу, такъ и человѣка, и принимались мѣры къ огражденію писателя отъ придирокъ цензора, обязаннаго становиться въ сомнительныхъ случаяхъ не врагомъ, а защитникомъ автора.

У академика Сухомлинова, занимавшагося изслѣдованіемъ вопроса о цензурѣ въ царствованіе императора Александра, читаемъ объ этомъ новомъ цензурномъ уставѣ между прочимъ слѣдующее: ⁶⁾ „на цензуру смотрѣли, какъ на печальную необходимость, стараясь избѣгать требованій, стѣснительныхъ для развитія наукъ и литературы... Главная цѣль разсматриванія—доставить обществу книги и сочиненія, способствующія истинному просвѣщенію и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію (§ 2). Цензоры не должны были задерживать рукописей, присылаемыхъ на разсмотрѣніе, особливо же журналовъ и другихъ періодическихъ изданій, которыя должны выходить въ срочное время, и теряютъ цѣну новости, если издаются позже (§ 23). Цензурному комитету и каждому цензору въ отдѣльности вмѣнено было въ обязанность наблюдать, чтобы въ произведеніяхъ печати не было ничего противнаго закону Божію, правительству, нравственности и личной чести гражда-

нина (§ 15). Если же встрѣчались въ рукописи подобныя мѣста, то цензоръ долженъ былъ возвращать ее издателю для исправленія, не дозволяя себѣ никакихъ въ ней поправокъ (§ 16). Если въ цензуру поступала рукопись, наполненная мыслями и выраженіями, оскорбляющими личную честь гражданина, благопристойность и нравственность,—то цензурный комитетъ, отказавъ въ печатаніи такого сочиненія, объявлялъ причины запрещенія владельцу рукописи, а самое сочиненіе удерживалъ у себя (§ 18). Цензурный комитетъ предавалъ автора въ руки правосудія только въ такомъ случаѣ, когда въ своемъ сочиненіи авторъ явно отвергалъ бытіе Божіе, вооружался противъ вѣры и законовъ отечества, оскорблялъ верховную власть и высказывалъ мысли, совершенно противныя духу общественнаго порядка и спокойствія (§ 19). Но, преслѣдуя злоупотребленіе, уставъ не преграждалъ пути для успѣшнаго развитія наукъ и добросовѣстной оцѣнки государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины,—сказано въ уставѣ,—относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательства, государственнаго управленія или какой бы то ни было отрасли правительства, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется *совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія*». (§ 22). Основнымъ началомъ, которымъ цензоръ долженъ руководствоваться при запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій, уставъ полагалъ благоразумное снисхожденіе, чуждое пристрастнаго объясненія мѣстъ, кажущихся опасными: «Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать» (§ 21)“.

Уставъ 1804 года высоко оцѣнивается критикою, тѣмъ болѣе, что онъ „явился въ такую пору, когда во многихъ странахъ Европы литература поставлена была въ самыя неблагопріятныя условія. Французскіе писатели бросились изъ одной крайности въ другую: выхваляли блаженное состояніе невѣжества и быстрыми шагами отступали къ четырнадцатому вѣку; южная Германія и всѣ итальянскія государства, по долгу зависимости отъ Франціи и соображаясь съ модою лицемѣрной набожности, господствовавшей при дворѣ Наполеономъ, шли по слѣдамъ своей путеводительницы; въ Испаніи инквизиція истребляла творенія великихъ писателей, а въ Австріи запрещенъ ввозъ *всѣхъ* иностранныхъ сочиненій“ 7).

Удаленный изъ Россіи въ царствованіе императора Павла и въ 1801 г. снова призванный своимъ воспитанникомъ, Лагарпъ твердилъ ему: „Первая потребность вашего народа—миръ, вторая—просвѣщеніе, третья—судопроизводство, которое доставило бы жителямъ имперіи существенныя блага гражданской свободы“.

Цензурный уставъ 1804 г. былъ уже важною мѣрою къ развитію просвѣщенія. Но еще важнѣе было утвержденіе 24 января 1803 г. „Новаго плана народнаго просвѣщенія въ Россіи“, въ которомъ возвѣщалось, что для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія, опредѣляется четыре рода училищъ, а именно: 1) училища приходскія, 2) уѣздныя, 3) губернскія, или гимназіи, и 4) университеты. Приходское училище должно быть при каждомъ приходѣ, уѣздное—въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гимназіи—въ каждомъ губернскомъ городѣ. Въ округахъ же учреждаются университеты для преподаванія наукъ въ высшей степени. Кромѣ существовавшихъ уже трехъ университетовъ—въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ (нынѣ Юрьевѣ), постановлено было открыть еще три: въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, а впоследствии и въ Кіевѣ, Тобольскѣ, Устюгѣ-Великомъ и въ другихъ городахъ, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными. Но изъ проектируемыхъ въ то время университетовъ были учреждены только въ Казани и Харьковѣ (1804 г.); Петербургскій же университетъ открылся лишь въ 1819 г., а пока основанъ былъ вмѣсто него Педагогическій институтъ, предназначенный для подготовленія юношества къ учительской должности. Университеты Московскій, Виленскій и Дерптскій были преобразованы (въ томъ же 1804 г.).

Университетамъ даны были права высшей учебной инстанціи: университетъ вѣдалъ дѣла всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній своего округа, принадлежавшихъ къ министерству народнаго просвѣщенія. Онъ надзиралъ за ученіемъ и воспитаніемъ въ нихъ, долженъ былъ освѣдомляться о самомъ образѣ ученія, о качествахъ учителей и даже о зданіи училища и его матеріальныхъ средствахъ; онъ долженъ былъ внимательно всматриваться въ мѣстный образъ жизни и родъ промышленности, „чтобы къ ихъ усовершенствованію можно было склонять и приноравливать самое ученье въ тамошнихъ школахъ“; долженъ былъ „вникать въ способы, какъ скорѣе и удобнѣе завести сельскія школы, по крайней мѣрѣ по нѣскольку въ уѣздѣ, которыя служили бы примѣромъ и поощреніемъ къ заведенію другихъ“⁸⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ университетамъ былъ предоставленъ и судъ надъ подчиненными ему лицами и мѣстами, и апелляція на приговоръ университетскаго совѣта могла идти только въ Сенатъ.

„Свобода преподаванія признана живительнымъ началомъ ученой дѣятельности университета. Въ «Планѣ» говорится, что профессора «не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ: *свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ*, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо». Университеты имѣли собственную цензуру, а профессора могли пользоваться всѣми рукописями и печатными книгами, не стѣсняясь цензурными запрещеніями“.

„Доступъ въ университетъ открытъ былъ для всѣхъ любителей наукъ, для студентовъ и постороннихъ слушателей, безъ различія лѣтъ и сословія. Свобода поступленія въ университетъ тѣмъ замѣчательнѣе, что застарѣлый предразсудокъ, державшійся нѣсколько вѣковъ въ университетахъ различныхъ странъ Европы, полагалъ рѣзкое различіе между сословіями. Во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ студенты изъ высшаго дворянства пользовались преимуществами не только между своими товарищами, но и передъ наставниками. Молодые князья, графы и бароны избираемы были въ ректоры...; студенты знатнаго происхожденія вписывались въ особую книгу съ изображеніемъ ихъ герба, въ судѣ имѣли право сидѣть, между тѣмъ какъ товарищи ихъ стояли, и т. п.“.

Съ цѣлію способствовать развитію учено-литературной дѣятельности, университетамъ даровано было право открывать ученые общества и вызывать на ученые труды посредствомъ задачи премій за лучшія сочиненія.

Предоставивъ профессорамъ полную свободу преподаванія, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣняло имъ въ обязанность поставить его въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки, и потому всякое вмѣшательство въ ихъ преподаваніе лицъ менѣе компетентныхъ было устранено.

Прибавимъ, что, кромѣ университетовъ, въ царствованіе императора Александра I основаны были и другія высшія учебныя заведенія—лицей: въ Ярославлѣ (1805), Нѣжинѣ (1805) и Царскомъ селѣ (1811).

Еще 27 сентября 1797 г. цесаревичъ Александръ, излагая Лагарпу свою откровенную политическую исповѣдь (о которой

у насъ будетъ еще рѣчь впереди), писалъ между прочимъ слѣдующее: „Мы“ (т.-е. цесаревичъ, Новосильцевъ, графъ Строгановъ и князь Адамъ Чарторижскій) „намѣреваемся въ теченіе настоящаго царствованія поручить перевести на русскій языкъ столько полезныхъ книгъ, какъ это только окажется возможнымъ; но выходить въ печати будутъ только тѣ изъ нихъ, печатаніе которыхъ окажется возможнымъ, а остальные мы прибережемъ для будущаго; такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, положимъ начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ“. И указанное намѣреніе цесаревича приводилось въ исполненіе: по порученію вышеназванныхъ лицъ переведены были книги: „Recherches sur l'économie politique“ Стюарта, „Bibliothèque de l'homme publique“ par Condorcet и „Economie politique“ par Verri. Впослѣдствіи по высочайшему повелѣнію изданъ былъ переводъ сочиненій: юриста Бентама—„Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи“ (1805) и Делольма—„Конституція Англіи, или состояніе англійскаго правленія, сравнительно съ республиканскою формою и съ другими европейскими монархіями“ (1806). „Выборъ книгъ“,—какъ замѣчаетъ Пыпинъ ⁹⁾,—„показываетъ, что хотѣли внушить интересъ именно къ общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ, и дать по этимъ предметамъ серьезное чтеніе“.

Покровительствуя этой спеціальной отрасли знаній, государь покровительствовалъ и литературѣ вообще. Академикъ Шторхъ, современникъ описываемыхъ событій, въ своемъ изданіи: „Russland unter Alexander dem Ersten“, говоритъ: „Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ императоръ Александръ. Замѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія императора, не рѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли, русскіе писатели не всегда могутъ рассчитывать на приличный гонорарій за большія серьезныя сочиненія... Въ такихъ случаяхъ императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи императору, и если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онѣ велитъ печатать ихъ на счетъ кабинета, и затѣмъ дарить обыкновенно все изданіе авторамъ... Почти всѣ извѣстные писатели, находящіеся на службѣ, получили орденъ св. Анны 2-й

степени,... и въ рескриптахъ, съ которыми присылались орденскіе знаки, императоръ почти въ каждомъ случаѣ именно объявляетъ, что онъ жалуетъ эти отличія полезнымъ литературнымъ заслугамъ“. Шторхъ указываетъ и цифры денежныхъ пособій, которыя государь давалъ авторамъ на изданіе ихъ трудовъ, если признавалъ ихъ полезными. Такъ нѣкому Лебедеву онъ далъ 10.000 р. на изданіе его путевыхъ замѣтокъ по Европѣ и Азіи; московскому профессору Страхову на изданіе перевода „Путешествія молодого Анахарсиса“ Бартеlemi — 6.000 р.; Политковскому на изданіе Адама Смита—5.000 р. и др. „Множество русскихъ писателей, представлявшихъ императору свои сочиненія, награждаемы были перстнями, табакерками и другими цѣнными подарками“¹⁰⁾.

Къ заботамъ государя о просвѣщеніи надо отнести и основаніе имъ въ Петербургѣ Императорской публичной библіотеки, открытой въ 1812 году.

Лежалъ на сердцѣ молодого государя и крестьянскій вопросъ. Хотя онъ и не разрѣшилъ его и не уничтожилъ крѣпостного права, тѣмъ не менѣе, благодаря заботамъ Александра объ улучшеніи положенія крестьянъ, мысль объ уничтоженіи рабства все-таки до извѣстной степени проникла въ общество, хотя съ другой стороны она въ томъ же обществѣ встрѣтила себѣ и сильное противодѣйствіе. Этимъ противодѣйствіемъ и объясняется въ значительной степени, почему императоръ Александръ даже въ первое время своего царствованія, т.-е. въ эпоху самага пламеннаго стремленія къ либеральнымъ преобразованіямъ, принималъ къ улучшенію положенія крестьянъ лишь очень немногія мѣры, да и то съ большою осторожностью. Первою изъ такихъ мѣръ было запрещеніе (1801) продавать крестьянъ безъ земли. Затѣмъ (1803) послѣдовалъ указъ о свободныхъ земледѣльцахъ. Этимъ указомъ разрѣшалось всѣмъ помѣщикамъ, кто пожелаетъ, увольнять своихъ крестьянъ, цѣлыми селеніями или отдѣльно, съ землею, по заключеніи условій, основанныхъ на обоюдномъ согласіи. Кромѣ того, императоръ Александръ прекратилъ раздачу крѣпостныхъ въ награду за заслуги—раздачу, доходившую до огромныхъ размѣровъ при Екатеринѣ и Павлѣ.

По словамъ Чарторижскаго, Александръ, еще будучи великимъ княземъ, заявлялъ ему въ искренней бесѣдѣ, что онъ „ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ;

что онъ любить свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди; что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціею; что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ“. ¹¹⁾ По отзыву Чарторижскаго, мнѣнія Александра соотвѣтствовали взглядамъ воспитанника 89-го года, который желалъ бы всюду видѣть республику. Чарторижскій оспаривалъ своего собесѣдника, указывалъ на Польшу, какъ на доказательство того, что республика сама по себѣ еще не есть гарантія блага, и говорилъ о томъ, какъ мало Россія способна и подготовлена къ желаемому великимъ княземъ порядку. Александръ не сдавался—и продолжалъ обдумывать планъ будущаго. Въ знаменитомъ письмѣ къ Лагарпу, отъ 27 сентября 1797 г., цесаревичъ писалъ своему бывшему наставнику, что онъ передумалъ о многомъ и подѣлился своими мыслями „съ людьми просвѣщенными“, т.-е. съ Новосильцевымъ, Строгановымъ и Чарторижскимъ, и что главное желаніе его—постараться, когда придетъ его чередъ царствовать, образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію, послѣ чего его власть совершенно прекратилась бы, и онъ удалился бы въ какой-нибудь уголокъ и жилъ бы тамъ, счастливый и довольный, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь имъ ¹²⁾.—Тутъ, вмѣстѣ съ идеалистическими стремленіями Александра, видна и его мечтательность, его идилличность.

Съ восшествіемъ на престолъ молодой императоръ и началъ свои заботы о „процвѣтаніи отечества“. Какъ бы слѣдуя совѣту Лагарпа, указывавшаго на необходимость для Россіи *мира, просвѣщенія и судопроизводства*, государь поспѣшилъ установить мирныя отношенія съ европейскими державами, началъ заботиться, какъ уже знаемъ, о просвѣщеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ стремиться водворить повсюду законъ и справедливость. Въ виду этой послѣдней цѣли императоръ 5-го іюня 1801 г. далъ указъ объ устройствѣ комиссіи составленія законовъ, которая поручена была гр. Завадовскому. Въ особомъ рескриптѣ на имя этого сановника слѣдующимъ образомъ опредѣлены основныя начала, которыми руководствовался государь, поручая ему управленіе комиссіею: „Поставляя въ *единомъ законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но *одинъ законъ* можетъ утвердить ихъ навѣки,—въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обзорѣнн

государственнаго управленія призналъ я необходимымъ удосто-
вѣриться въ настоящемъ части сей положеніи. Я всегда зналъ,
что съ самаго изданія Уложенія до дней нашихъ, т.-е. въ теченіе
почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законо-
дательной власти различными и часто противоположными путями,
и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ госу-
дарственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между
собою, ни единства въ ихъ, намѣреніяхъ, ни постоянности въ
ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанно-
стей каждаго, мракъ, облажащій равно судью и подсудимаго,
безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнить ихъ
по первому движенію прихоти или самовластія“. По поводу этого
рескрипта Шильдеръ замѣчаетъ: ¹³⁾ „желаніе государя выдвинуть
на первый планъ законъ, проявляется съ такою ясностью, что не
можетъ быть подвергнуто никакому сомнѣнію или превратному
толкованію. Эта мысль господствовала тогда въ умѣ Александра,
не будучи еще ограничена соображеніями противоположнаго свой-
ства. «Какъ скоро я себѣ дозволю нарушить законы, кто тогда
почтетъ за обязанность наблюдать ихъ?» писалъ въ то время го-
сударь ¹⁴⁾. «Быть выше ихъ, если бы я могъ, но конечно бы не
захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, кото-
рая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обя-
заннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его, и даже
въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я
могу быть только правосуднымъ». Нельзя не признать, что такія
мысли не были до тѣхъ поръ высказаны ни однимъ русскимъ са-
модержцемъ. Онѣ всецѣло принадлежатъ Александру Первому“.

Тѣмъ же желаніемъ водворить повсюду порядокъ и закон-
ность и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить закону и самого себя, вызваны
и два указа его отъ 8 сентября 1802 года: указъ о расширеніи
правъ Сената и указъ объ учрежденіи министерствъ. Цѣль учреж-
денія послѣднихъ состояла въ томъ, чтобы, какъ говорилось въ
манифестѣ, „раздѣлить государственныя дѣла на разныя части,
сообразно естественной ихъ связи между собою“, и придать те-
ченію дѣлъ болѣшую благоуспѣшность. За законностью же веде-
нія дѣлъ въ министерствахъ поручалось смотрѣть Сенату, куда
министры должны были представлять свои отчеты. Въ указѣ о
расширеніи правъ Сената это учрежденіе названо „хранителемъ
законовъ“; ему вмѣнялось въ обязанность заботиться „о повсе-
мѣстномъ наблюденіи правосудія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ давалось
право представлять государю о такихъ указахъ, которые въ испол-

нені сопряжены съ великими неудобствами, или несогласны съ прочими узаконеніями, или же неясны.

Наконецъ „въ іюнѣ 1804 г.“—разсказываетъ Шильдеръ—¹⁵⁾ „министръ юстиціи, князь Лопухинъ, на котораго возложено было также съ 21 октября 1803 г. управление Комиссіею составленія законовъ, призвавъ къ себѣ секретаря и перваго референдарія этой Комиссіи—барона Розенкампа, объявилъ, что ему поручается, по высочайшей волѣ, написать проектъ конституціи. Напрасно Розенкампъ, едва вѣря слышанному, возражалъ, что не сдѣлано еще никакихъ подготовительныхъ работъ; что въ такомъ дѣлѣ невозможно руководствоваться одною теоріею, не изучивъ прежде въ точности прошедшаго и исторической связи племенъ, составляющихъ Россію; что для прочной конституціи мало однихъ поверхностныхъ очерковъ или набора громкихъ, не исчерпывающихъ предмета словъ, а нужны глубокія изысканія, основательное изученіе частей. Но всѣ эти возраженія были оставлены безъ вниманія, и данное повелѣніе было вновь подтверждено. Тогда Розенкампъ нашелся вынужденнымъ представить *кадръ конституціи*, со многими однако пробѣлами, въ особенности для низшаго класса народа, относительно котораго дѣлалась лишь ссылка, на имѣющія впредь послѣдовать положенія. Кадръ Розенкампа былъ переданъ Новосильцеву и Чарторижскому; они выработали полный проектъ, который не получилъ дальнѣйшаго движенія вслѣдствіе внѣшнихъ усложненій, сопровождавшихся двумя кровопролитными войнами (1805, 1806, 1807 годовъ), и распаденія бывшаго тріумвирата...¹⁶⁾ На сцену явился Сперанскій“.

Ему-то въ 1808 г. и поручилъ императоръ выработать „планъ государственнаго преобразованія“. Сперанскій работалъ быстро и неутомимо: въ октябрѣ 1809 г. весь планъ уже лежалъ на столѣ государя. По словамъ автора, планъ этотъ былъ не чѣмъ инымъ какъ приведеніемъ въ систему тѣхъ идей, которыя занимали Александра съ 1801 г. Въ основу его были, какъ очевидно, положены начала, руководившія французскими событіями 1789 г., т.-е. тѣ начала, которыя высказалъ Руссо въ своемъ „*Contrat social*“¹⁷⁾. Развивая эти начала, Сперанскій говоритъ о необходимости составленія *основныхъ законовъ*, т.-е. такихъ, которые ограничиваютъ правящую власть, и заявляетъ, что составить эти законы должна сама нація. Далѣе у Сперанскаго читаемъ:

„Такъ какъ весь народъ въ цѣлости не можетъ блюсти за тѣмъ, чтобы правительство оставалось въ предѣлахъ, предписанныхъ закономъ, то совершенно необходимо, чтобы было сословіе,

которое, становясь между имъ и правительствомъ, было достаточно просвѣщено, чтобы понимать, какіе должны быть истинные предѣлы власти; достаточно независимо, чтобы не бояться ея, и достаточно связано интересами съ народомъ, чтобы никогда не имѣть искушенія измѣнить ему. Отсюда слѣдуетъ, что въ ограниченной монархіи нужно установить два большіе отдѣла: высшій классъ, обязанный блюсти за исполненіемъ законовъ, и низшій классъ, отдѣленный отъ перваго по имени и по наружности, но тождественный съ нимъ по своимъ интересамъ“.

Въ устройствѣ высшаго класса Сперанскій взялъ образцомъ англійскую аристократію съ ея майоратомъ.

Затѣмъ у Сперанскаго слѣдуетъ самое построеніе государственнаго зданія на новыхъ началахъ. Во главѣ всѣхъ учреждений онъ ставитъ Государственный совѣтъ; за нимъ идутъ: Государственная дума, Сенатъ, министерства. Государственная дума занимается законодательствомъ, Сенатъ—судебной частью, министерства—администраціей. Дѣйствія этихъ трехъ учреждений соединяются въ Государственномъ совѣтѣ и чрезъ него восходятъ къ престолу, такъ какъ Государственный совѣтъ долженъ былъ разсматривать всѣ законы, уставы и учрежденія „въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ“ и представлять на утвержденіе государя, а также и разсматривать отчеты министровъ. Сверхъ того, каждое изъ этихъ трехъ учреждений имѣетъ соотвѣтствующія низшія, а именно: 1) думы: волостныя, уѣздныя, губернскія; 2) суды: волостные, уѣздные, губернскіе; 3) управленія: волостныя, уѣздныя, губернскія. Дума волостная посылаетъ своихъ депутатовъ въ уѣздную, уѣздная—въ губернскую, губернская—въ государственную. Такимъ образомъ устраивается народное представительство.

Но и планъ Сперанскаго осуществленъ не былъ: измѣненія по его идеѣ коснулись лишь Государственнаго совѣта (1810) и министерствъ. Въ послѣднихъ было сдѣлано новое распредѣленіе подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ (1810).

Это порученіе Розенкампу и Сперанскому писать проекты конституцій, равно какъ и всѣ вышеуказанныя мѣропріятія императора Александра ясно обнаруживаютъ въ немъ личность, отличающуюся либеральными и гуманными стремленіями, при чемъ эти стремленія носили нерѣдко до того идеалистическій характеръ, что даже получили у новѣйшаго его біографа названіе государственной романтики, политической идилличности, въ противоположность государственному эгоизму императрицы Екатерины —

эгоизму, который, по указанию того же биографа, такъ высоко цѣнилъ Бисмаркъ, названный у Шильдера „неподражаемымъ политическимъ учителемъ новѣйшаго времени“¹⁸⁾. Къ фактамъ государственной романтики Шильдеръ относитъ колебаніе Александра, согласиться или нѣтъ на добровольное предложеніе Грузіи присоединиться къ Россіи, такъ какъ онъ, императоръ, почитаетъ *несправедливымъ присвоеніе чужой земли*; неоднократныя его мысли возстановить Польшу — и притомъ не только въ предѣлахъ 1772 года, но такъ, чтобы границами ея были Двина, Березина и Днѣпръ; отторженіе Выборгской губерніи и присоединеніе ея къ Финляндіи, между тѣмъ какъ она уже сто лѣтъ принадлежала имперіи; наконецъ заботы Александра о благѣ Европы, о благѣ всего человѣчества, его стремленіе спасти народы отъ варварства и тираниі Наполеона.

Но либеральныя стремленія составляли только одну сторону личности императора Александра: въ немъ была и другая.

3. Другая сторона личности императора Александра.

Еще въ 1790 г. императрица Екатерина, сообщая Гримму свои наблюденія надъ Александромъ, писала ему между прочимъ, что „мальчикъ этотъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей“¹⁹⁾. Эта замѣчательная черта личности Александра не исчезла и впослѣдствіи, и объясняется она, конечно, противоположностью самыхъ тѣхъ элементовъ, которые вліяли на его впечатлительную натуру. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что Лагарпъ былъ не единственнымъ воспитателемъ Александра: были при немъ и другіе, старавшіеся парализовать вліяніе наставника-республиканца. Съ другой стороны, и самъ Лагарпъ, какъ уже знаемъ, со времени второго своего приѣзда въ Петербургъ былъ уже не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде. Кромѣ этого, нельзя забывать и вліянія Гатчинскаго двора, гдѣ ко всему тому, что дѣлалось при дворѣ императрицы Екатерины, вовсе не относились сочувственно. Само собою разумѣется, что такія противоположныя вліянія должны были пораждать во впечатлительной душѣ и противоположныя порывы. Правда, Александръ до конца дней своихъ не переставалъ проявлять въ себѣ воспитанника свободолюбиваго Лагарпа; но зато и въ молодые еще годы онъ иногда какъ бы забывалъ свой либерализмъ, а впослѣдствіи возвращался къ нему все рѣже и рѣже.

Вотъ факты, свидѣтельствующіе о порывахъ, противополож-

ныхъ порывамъ либеральнымъ. Давъ въ 1802 г. Сенату право представлять государю объ указахъ, несогласныхъ съ прочими узаконеніями, Александръ былъ очень недоволенъ, когда въ 1803 г. Сенатъ, по инициативѣ графа Северина Потоцкаго, этимъ правомъ воспользовался ²⁰). Уничтоживъ въ 1801 г. Тайную экспедицію и рѣзко осудивъ въ своемъ манифестѣ установившійся по этой части прежній порядокъ,—въ 1805 г. Александръ издалъ повелѣніе о возобновленіи ея. Окруживъ себя такими свободомыслящими людьми, какъ Новосильцевъ, Строгановъ и Чарторижскій, государь еще въ 1803 г. приблизилъ къ себѣ Аракчеева. Поручая Розенкампу и Сперанскому писать проекты конституцій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнилъ и самодержавіе, а въ 1812 г. высказалъ мысль, что онъ не считаетъ себя въ правѣ самовольно измѣнять образъ правленія ²¹), хотя въ бытность свою въ Лондонѣ въ 1814 г. восхищался, что тамъ есть оппозиція, и сказалъ, что озаботится вызвать въ Россіи къ жизни „un foyer d'opposition“ ²²).

Наконецъ явились обстоятельства, въ силу которыхъ императоръ Александръ сталъ все рѣже и рѣже возвращаться къ прежнимъ своимъ либеральнымъ идеямъ. Роковыя событія 1812-го года повліяли на Александра и пробудили въ немъ религіозное чувство. Выступивъ на религіозную почву, онъ,—какъ говоритъ Шильдеръ,—„по свойству своего характера, и здѣсь руководствовался идеальными стремленіями“ ²³), которыя выразились въ его идеѣ „священнаго союза“. Государи, его заключившіе, должны были управлять своими народами и войсками въ духѣ братства, какъ отцы семействами, а народамъ совѣтовалось ежедневно упражняться и укрѣпляться въ обязанностяхъ христіанина. Впрочемъ чувства, приведшія къ священному союзу, жили не въ одной только душѣ императора Александра: они охватывали тогда цѣлыя общества, какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ. „Роковыя событія, совершавшіяся въ Россіи и въ западной Европѣ въ началѣ XIX-го вѣка, 1812-й годъ, трагическая судьба Наполеона, ожиданіе новыхъ бѣдъ и общее потрясеніе Европы сильно подѣйствовали на умы, подорвали вѣру въ прочность земного величія и обратили мысли къ религіи. Такое настроеніе первоначально было довольно неопредѣленно, но ему отдавались со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ прозелитовъ... Въ разныхъ кругахъ общества заговорили о всеобщемъ братствѣ, о союзѣ народовъ, о царствѣ истины и любви“ ²⁴). Актъ священнаго союза и былъ историческимъ памятникомъ этого настроенія. Но съ нимъ связана значительная перемѣна въ отношеніи императора Александра къ либераль-

нымъ идеямъ, переменна, имѣвшая значеніе реакціи тому, что дѣлалось имъ же самимъ въ первые годы его царствованія, хотя реакція эта и не была рѣшительной—и государь отъ времени до времени возвращался къ своему прежнему либерализму, что доказываетъ, напримѣръ, его рѣчь, произнесенная имъ въ 1818 г. при открытіи варшавскаго сейма.

4. Черты жизни русскаго общества въ Александровскую эпоху.

а) Черты, касающіяся вопроса о просвѣщеніи.

Переживъ режимъ правленія Павла, русское общество съ восторгомъ встрѣтило восшествіе Александра, и восторгъ этотъ отразился въ литературѣ: юнаго императора привѣтствовали дружнымъ хоромъ торжественныхъ одъ. Даже Державинъ, вовсе не бывший сторонникомъ либерализма, и тотъ, высказавъ въ своей одѣ на восшествіе нѣсколько намековъ на предыдущее царствованіе въ такихъ стихахъ, какъ напр. слѣдующіе:

- 1) Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
- 2) О власти сильныя, и вы!
Внемлите—и тѣснить блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ,—

указалъ на Александра, какъ на свѣтлую личность:

Нѣтъ, ангель кротости и мира,
Любимый сынъ благихъ Небесъ!
Ты не таковъ: твоя порфира,
Отъ благодарныхъ нашихъ слезъ,
Какъ роза, окропясь росой,
Прекраснѣйшій раскинетъ цвѣтъ и пр.

Въ извѣстной части общества этотъ восторгъ не былъ вызванъ только чувствомъ того облегченія, которое испытывали всѣ, кому приходилось подчиняться такимъ мелочнымъ требованіямъ Павла, какъ напр. приказаніе носить косички и букли, запрещеніе круглыхъ шляпъ и сапогъ съ отворотами и т. п.: нѣтъ, онъ былъ вызванъ сочувствіемъ къ просвѣтительнымъ стремленіямъ новаго императора, что и не замедлило тотчасъ же сказаться. Едва обнародованъ былъ „Новый планъ народнаго просвѣщенія“, какъ начались пожертвованія на образовательныя нужды, и очень даже щедрыя. „Особенное впечатлѣніе произвело тогда одно пожертвованіе Демидова, простиравшееся цѣлностью до милліона рублей—деньгами, имѣньемъ (представлявшимъ капи-

талъ въ 450 тысячъ р.), библіотекой и нѣсколькими кабинетами, и предназначенное для Московскаго университета и для будущихъ университетовъ, объ открытіи которыхъ шла тогда рѣчь, и для основанія высшаго учебнаго заведенія въ Ярославлѣ (Демидовскій лицей). Въ письмѣ къ гр. Завадовскому ²⁵⁾ (въ мартѣ 1803), гдѣ онъ дѣлаетъ первое предложеніе объ этомъ пожертвованіи, онъ именно заявляетъ, что живое стремленіе быть полезнымъ для отечественнаго просвѣщенія явилось у него отъ глубокаго удовольствія, съ какимъ онъ читалъ только что вышедшій планъ общаго образованія въ Россіи“ ²⁶⁾. Такими же чувствами вызваны были крупныя пожертвованія въ пользу университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній—Галицына, Дашковой и Безбородко. Послѣдній далъ деньги и землю для Нѣжинскаго лицея. Румянцевъ пожертвовалъ „на благое просвѣщеніе“ свой драгоцѣнный музей, впоследствии перенесенный въ Москву. Дворянство Харьковской губерніи сдѣлало пожертвованіе въ 400 тысячъ р. на заведеніе Харьковскаго университета. Были и другія болѣе или менѣе крупныя пожертвованія, служившія выраженіемъ сочувствія заботамъ императора о просвѣщеніи.

Сочувственно встрѣченъ былъ и цензурный уставъ 1804 года. Профессоръ Каченовскій, приведя въ статьѣ своей о книжной цензурѣ въ Россіи 21-й и 22-й параграфы устава, „утверждалъ, что никогда не были приняты лучшія и надежнѣйшія мѣры для успѣховъ народнаго просвѣщенія, и пророчилъ русской словесности скорое обогащеніе памятниками изящнаго вкуса и учености“ ²⁷⁾.

Пророчество Каченовскаго, какъ показали факты, не было ошибочнымъ, равно какъ не были напрасны и заботы общества объ университетахъ. Эти учрежденія, какъ сейчасъ увидимъ, принесли не малую долю пользы нашему просвѣщенію.

Въ тогдашнихъ университетахъ преподавались науки нравственныя и политическія, физическія и математическія, медицинскія и словесныя. Преподавалась между прочимъ и философія—и притомъ въ полномъ объемѣ: читали логику, метафизику, нравственную философію, психологію, исторію философіи. „Въ преподаваніи многихъ наукъ“—пишетъ академикъ Сухомлиновъ—„господствовало философское направленіе. Оно принесено было въ наши аудиторіи изъ университетовъ протестантской Германіи, въ которыхъ выработалось самою жизнью, историческимъ разви-

тіемъ наукъ и духовными особенностями націи. Занесенная въ чужой міръ, говорившая чужимъ языкомъ, философія скоро обжи- лась въ своемъ новомъ пріютѣ; ее полюбило русское молодое поколѣніе; ея таинственный языкъ нашелъ сочувственный отзывъ въ воспріимчивыхъ умахъ, въ которыхъ первыя университетскія лекціи успѣли заронить искру знанія и любви къ наукѣ. По самой сущности своей, философія владѣла привлекательной силой: затрогивая общіе и важные вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, философія вводила въ новую и высшую сферу, чуждую пошлостей и пред- разсудковъ, располагала къ умственному труду и приучала цѣнить и уважать его. Для того, чтобы отдаться вполнѣ умственной работѣ, чтобы посвятить себя, въ обществѣ полуобразованномъ, ученому труду и изслѣдованіямъ, надо было дѣлать усилія, выдер- жать борьбу, и на эту трудную, но славную борьбу вызывала философія своимъ ученіемъ о противорѣчій идеала и дѣйстви- тельности, о достоинствѣ и правахъ человѣческаго духа. Духъ составляетъ истинное величіе и отдѣльнаго лица и цѣлаго народа; духъ есть лучшее благо народа и создаетъ его народность; онъ долженъ оживотворить собою и русскій народъ, имѣющій неоспо- римыя права на умственную самостоятельность и цивилизацію— утверждалъ одинъ изъ почитателей философіи (въ Харьковскомъ университетѣ въ 1812 г.), показывая различіе между восточною и западною образованностію. Духовныя особенности русскаго народа,—говорилось съ университетскихъ кафедръ,—должны выра- батываться подъ вліяніемъ началъ, которыми неизбежно прони- кается цивилизація новыхъ народовъ. Древній міръ съ его классическою литературою долженъ служить существенною основою; исключительное господство французской литературы подавляетъ абсолютизмомъ ея условныхъ правилъ и мертвящимъ владычествомъ авторитетовъ; противодѣйствіе ей надо искать въ нѣмецкой литературѣ, которой отличительныя черты—естествен- ность и всѣми признанная многосторонность. Зараждающаяся русская словесность должна претворить германскія и романскія начала въ гармоническое, самостоятельное цѣлое“.

„Проникнутыя философскимъ ученіемъ Германіи, востор- женныя рѣчи профессоровъ о свободной волѣ, о правахъ разума, о духѣ и силахъ природы—не всѣми и не вполнѣ были усвоены и надлежащимъ образомъ оцѣнены. Дѣйствіе университетскихъ лекцій на нѣкоторыхъ изъ неприготовленныхъ слушателей можно сравнить съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое выносили наши туристы

изъ Геттингена, пантеона нѣмецкой учености, и которое выражено Пушкинымъ въ слѣдующихъ словахъ въ Евгени Онѣгинѣ:

Съ душою прямо геттингенской,
Поклонникъ Канта и поэтъ,
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь...

Но у многихъ изъ слушателей философское ученіе профессоръ укладывалось въ опредѣленныя формы, повело къ основательному изученію избраннаго предмета и значительно подняло уровень умственного и нравственного развитія. Отъ философіи вообще переходили къ изученію правъ, а впоследствии отъ теоретическаго изученія переходили къ практической дѣятельности на служебномъ поприщѣ, внося долю свѣта въ тогдашнюю администрацію“²⁸).

Но философское направленіе было не единственнымъ. Оно господствовало на факультетахъ философскомъ и юридическомъ— и главнымъ свѣтиломъ, предъ которымъ тамъ преклонялись, былъ Кантъ съ его критикой чистаго разума. На факультетѣ же математическомъ господствовало реальное направленіе, представителемъ котораго былъ профессоръ математики въ Харьковскомъ ун. Осиповскій, не терпѣвшій никакихъ теорій а ріогі и опровергавшій Канта и его ученіе о пространствѣ и времени.

Но какъ бы ни были противоположны эти два направленія, во всякомъ случаѣ университеты того времени, благотворно вліяли на своихъ питомцевъ. „Воспоминанія лицъ, прославившихъ себя впоследствии честнымъ служеніемъ обществу и литературными заслугами, вводятъ насъ во внутреннюю жизнь первыхъ нашихъ студентовъ, раскрываютъ ихъ душу, озаряемую новымъ для нея свѣтомъ науки. По свидѣтельству одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей, бывшаго студентомъ въ началѣ XIX-го вѣка, въ студентскомъ кругу того времени «царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему чистому и высокому, хотя бы и безразсудному»“— говоритъ Сухомлиновъ, приводя слова изъ „Семейной хроники“ С. Т. Аксакова²⁹).

Вліяніе университетовъ не ограничивалось ихъ стѣнами: оно распространялось и на общество. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ указать на тѣ рѣчи профессоровъ, которыя произносились ими на университетскихъ актахъ. Эти рѣчи показы-

вають характеръ просвѣтительной дѣятельности тогдашнихъ университетовъ и ихъ чуткость къ потребностямъ времени. „Для рѣчей выбирались предметы, признаваемые полезными или въ общеобразовательномъ смыслѣ, или по отношенію къ Россіи, къ познанію ея исторической судьбы и естественныхъ богатствъ, или же по пригодности въ житейскомъ быту. На университетскихъ актахъ читались подобнаго рода разсужденія: О верховной цѣли челоуѣка. О преимуществѣ и силѣ истиннаго просвѣщенія. О вліяніи университетовъ на образованіе и благосостояніе народовъ. О возрожденіи наукъ и о перевѣсѣ, который онѣ дали Европѣ передъ прочими частями свѣта. О состояніи военныхъ силъ въ Россіи до Петра Великаго. Объ успѣхахъ, которые русскіе натуралисты сдѣлали въ изслѣдованіи естественныхъ произведеній Россіи. О физическомъ воспитаніи дѣтей и вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ. О причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ предохранить его отъ порчи, и т. д.“³⁰⁾

Профессора университетовъ принимали живое участіе и въ періодической литературѣ. Такъ напр. они принимали участіе въ изданіи „Казанскихъ извѣстій“, „Казанскаго вѣстника“, „Украинскаго журнала“ и др.

Для усиленія и распространенія учено-литературной дѣятельности, при университетахъ учреждались ученые общества. Такъ при Московскомъ ун. были открыты „Общество исторіи и древностей россійскихъ“, „Общество испытателей природы“, „Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ“ и „Общество любителей россійской словесности“, издавшее 27 частей своихъ „Трудовъ“ (1812—1828), въ которыхъ принимали участіе извѣстнѣйшіе тогда литераторы и ученые. При Харьковскомъ ун. учреждено было общество наукъ съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и естественныхъ наукъ. Основывались общества и помимо университетовъ, напр. въ Петербургѣ еще въ 1801 г. основалось „Общество любителей россійской словесности, наукъ и художествъ“, задавшееся цѣлью содѣйствовать желающимъ совершенствоваться въ этихъ предметахъ; въ 1815 г. возникло литературное общество „Арзамасъ“, имѣвшее въ виду противодѣйствовать другому литературному обществу—„Бесѣдѣ любителей русскаго слова“, гдѣ главными руководителями были Державинъ и Шишковъ, не хотѣвшіе признать заслугъ Карамзина въ области нашего литературнаго языка. Стремленіе къ образованію литературныхъ обществъ и къ изданію въ свѣтъ сочиненій и пе-

реводовъ было и въ молодомъ поколѣніи университетскихъ слушателей. Такъ, въ Казани студенты перваго выпуска составили литературное общество, впоследствии [получившее официальное существованіе подъ названіемъ „Общества любителей русской словесности при Казанскомъ университетѣ“; общество студентовъ-любителей отечественной словесности было и при Харьковскомъ ун. Подобное же общество (содружество) составили и воспитанники Ришельевского лица въ Одессѣ.

Кромѣ обществъ болѣе или менѣе официальныхъ, въ Александровскую эпоху были частные кружки, группировавшіеся около той или другой образованной личности, кружки, преслѣдовавшіе просвѣтительныя цѣли. Одинъ изъ такихъ кружковъ группировался около *Алексѣя Николаевича Оленина*, директора Публичной бібліотеки, человека весьма образованнаго, археолога и любителя художествъ. Его домъ былъ центромъ, куда собирались люди, господствующими интересами которыхъ были наука, искусство и литература; здѣсь читали свои произведенія Озеровъ, Гнѣдичъ и Крыловъ; здѣсь можно было услышать всѣ новости, касавшіяся театра, книгъ, картинъ; здѣсь можно было послушать бесѣды Муравьева-Апостола, Уварова, Востокова—словомъ, домъ Оленина тоже представлялъ собою „общество“ людей, движимыхъ любовью къ просвѣщенію, хотя и смотрѣвшихъ на него не одинаково. Подобнымъ же центромъ былъ и домъ *Михаила Никитича Муравьева*, товарища министра народнаго просвѣщенія. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ ученыхъ и образованныхъ людей, которымъ онъ оказывалъ всякую помощь. Въ Москвѣ славился домъ *Ивана Петровича Тургенева*, того самаго, который увезъ Карамзина изъ Симбирска и познакомилъ его съ Новиковымъ. Много онъ воспиталъ полезныхъ дѣятелей, которые всю жизнь почитали его, какъ родного отца. Изъ четырехъ сыновей его особенно замѣчательнъ Александръ Ивановичъ, страстный любитель наукъ и искусствъ.

Вопросы общественные, политическіе и политико-экономическіе также занимали не одно только правительство, но и общество. Сочиненія по этимъ вопросамъ переводились не только по инициативѣ императора, но и частныхъ лицъ. Такъ, были переведены у насъ сочиненія: юриста Беккари—„О преступленіяхъ и наказаніяхъ“; Монтескье—„О существѣ законовъ“ (*L'esprit des*

lois); англійскаго политико-экономиста Адама Смита— „Изслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ“; геттингенскаго профессора Серториуса— „Основанія народнаго богатства“ и др. Вышеуказаннаго рода вопросами занимались и многія изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій. Особенно интересовали общество вопросы политико-экономическіе. Харьковскій ун. даже предложилъ въ 1811 г. публикѣ задачу на соисканіе преміи. Она состояла въ слѣдующемъ: „Защищаемая Адамомъ Смитомъ неограниченная свобода въ производствѣ ремеслъ дѣйствительно ли есть единственное средство, которымъ можетъ обезпечиться продолжительное и возрастающее благосостояніе народа? Если же свобода производствъ ремеслъ должна быть ограничена, то объяснить: на какомъ основаніи и въ какомъ объемѣ можетъ быть допущено это ограниченіе?“ За удовлетворительный отвѣтъ назначено вознагражденіе въ сто р. серебромъ ³¹).

Однако вышеуказанное сочувственное отношеніе къ просвѣщенію было лишь у нѣкоторой только части русскаго общества Александровской эпохи; большинство же относилось иначе: среди этой части общества встрѣчалось не только полное равнодушіе къ просвѣщенію, но часто даже и прямо враждебное къ нему отношеніе. Вотъ факты ³²).—Посылаемые на ревизію университетскіе профессора выслушивали откровенное признаніе мѣстныхъ жителей въ томъ, что они учатъ дѣтей своихъ изъ подражанія другимъ, а сами не видятъ отъ наукъ никакой существенной пользы. Учебныя заведенія далеко не были переполнены, и малое число учениковъ директора объясняли тѣмъ, что „невѣжественные родители, отдавъ дѣтей своихъ въ училище, желаютъ, чтобы ихъ научили только читать и писать по-русски, послѣ чего оставляютъ ихъ при себѣ для пособія въ производимой промышленности“, а „дворяне стараются имѣть у себя домашнихъ учителей, не отдавая своихъ дѣтей въ училище, въ которомъ они имѣли бы товарищей изъ купческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго званія, и могли бы усвоить себѣ ихъ обращеніе и навыки“. Учителя Тамбовскаго народнаго училища доносили, что „каждый ремесленникъ, купецъ и чиновникъ ожидаютъ только того, чтобы сынъ его научился чтенію и письму и поставляютъ высшую степень образованности въ знаніи первыхъ правилъ ариѳметики“. „Столь ограниченныя виды родителей въ познаніяхъ дѣтей своихъ имѣли слѣдствіемъ то,—говорили эти учителя,—что дѣти, едва начавши курсъ ученія, выбывали изъ училища, не окончивши даже и предметовъ перваго

и второго класса“. Попечитель Харьковскаго округа гр. Северинъ Потоцкій жаловался министру, что мѣстные жители наукъ „недолюбливають“, и старался ослабить эту нелюбовь путемъ разъясненія имъ важности и значенія образованія. Правительство съ своей стороны тоже принимало мѣры, побуждавшія учиться: въ 1809 г. былъ изданъ еще въ 1803 г. общанный указъ, по которому никто не могъ быть произведенъ въ чинъ коллежскаго асессора и статскаго совѣтника, не представивъ свидѣтельства о томъ, что онъ обучался въ университетѣ наукамъ, свойственнымъ гражданской службѣ, или не выдержалъ университетскій экзаменъ. Появленіе этого указа станетъ еще болѣе понятнымъ, если съ нимъ сопоставить современныя ему жалобы училищнаго начальства, доносившаго, что „чиновники, болѣе достаточные, спѣшатъ поскорѣе пристроить дѣтей своихъ къ должности, не ожидая окончанія ихъ ученія, и не столько для полученія жалованья, сколько для ранней заслуги чиновъ“.

Говоря о враждебномъ отношеніи къ просвѣщенію, надо упомянуть и о той партіи, которая, будучи напугана событіями французской революціи и послѣдовавшимъ за нею броженіемъ умовъ, была недовольна разрѣшеніемъ свободы печати и свободы преподаванія въ университетахъ, и смотрѣла на эти послѣдніе, какъ на гнѣздилища опасныхъ ученій. Такое возрѣніе было не только у насъ, но и въ западной Европѣ. У насъ, пока императоръ Александръ горячо проявлялъ свои либеральныя стремленія, люди этой партіи не чувствовали въ себѣ силы; но послѣ заключенія священнаго союза, они, воспользовавшись его актомъ, стали энергично дѣйствовать въ желаемомъ ими направленіи. Дѣйствія этой партіи облегчались тѣмъ обстоятельствомъ, что и самъ императоръ Александръ, заключивши союзъ съ такими державами (съ Австріей и Пруссіей), въ которыхъ, благодаря дипломату Меттерниху, началась сильная реакція всему либеральному, поддавался вліянію этого реакціоннаго движенія, и, подобно тому, какъ прежде онъ выбиралъ министровъ народнаго просвѣщенія, сочувствовавшихъ его просвѣтительнымъ мѣропріятіямъ— Завадовскаго и Разумовскаго: такъ теперь выбралъ онъ на этотъ постъ князя Александра Николаевича Голицына, человѣка, оказавшагося способнымъ поддерживать реакцію. Голицынъ окружилъ себя людьми, которые начали перестраивать общественное воспитаніе. Между этими людьми особенно выдавались попечитель Казанскаго учебнаго округа Магницкій и Петербургскаго—Руничъ.

Какъ смотрѣла реакціонная партія на тогдашніе университеты и на свободу печати—видно изъ слѣдующихъ строкъ, помѣщенныхъ въ книгѣ Сухомлинова ³³).

„Въ Ученомъ комитетѣ обсуживался составленный Магницкимъ проектъ о новомъ учрежденіи цензуры, въ которомъ идетъ рѣчь и объ университетахъ въ связи со всѣми ужасами революціи. «Тотъ самый духъ»,—говоритъ Магницкій,—«который у Юсифа II подъ личиною филантропіи; у Фридерика, Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ подъ скромнымъ плащомъ философізма; въ царствованіе Робеспьера подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула и, наконецъ, въ коронѣ императорской,—искалъ овладѣть вселенною, низвергнуть алтари Господни и престолы законныхъ государей, спустить съ цѣпи всѣ страсти падшаго человѣка и преобразить землю во адъ,—тотъ самый духъ нынѣ, съ трактатами философіи и съ хартіями конституцій въ рукѣ, поставилъ престолъ свой на Западѣ, и хочетъ быть равенъ Богу... Прочь алтари, прочь государи; смерть и адъ надобны!—вопіють уже во многихъ странахъ Европы. Какъ не узнать, чей это голосъ? Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его закрывавшая, и, вѣроятно, скоро уже расторгнется. Послѣднее сіе, можетъ быть, его нападеніе на насъ есть ужаснѣйшее, ибо оно духовное. Отъ одного конца міра до другого сообщается оно невидимо и быстро, какъ ударъ электрической, и неожиданно все приводитъ въ потрясеніе. Слово человеческое есть проводникъ сей адской силы, книгопечатаніе—орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ»... На это мѣсто одинъ изъ членовъ, Фусъ, сдѣлалъ такое примѣчаніе: «Здѣсь говорится о безбожныхъ университетахъ; но такъ какъ таковыхъ нигдѣ нѣтъ, хотя между профессорами того или другого университета могутъ быть вольнодумцы,—то мѣсто это надлежитъ перемѣнить, ибо простая справедливость и любовь христіанская запрещаетъ—безъ убѣдительныхъ причинъ и ясныхъ доказательствъ называть безбожными цѣлыя сословія и осуждать невинныхъ съ виновными». — «Итакъ» — продолжаетъ Магницкій—«безъ преувеличенія и положительно заключить можно, что вся Европа въ величайшей опасности отъ развращеннаго образа мыслей; что, оглянувшись за два года назадъ и судя по быстрому ходу гибельныхъ происшествій, страшно подумать, что будетъ черезъ два года впередъ. Счастлива была бы Россія,

ежели бы можно было такъ оградить ее отъ Европы, чтобъ и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ не достигалъ до нея. Настоящую войну духа злобы не могутъ остановить арміи, ибо противъ духовныхъ нападеній нужна и оборона духовная. Благо-разумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ»“.

Преобразованію въ новомъ духѣ больше всего подвергся Казанскій университетъ, гдѣ попечителемъ былъ самъ Магницкій. О характерѣ этихъ преобразованій можно судить уже по слѣдующимъ фактамъ. Геологія изъ Казанскаго университета была изгнана; изгнаніе мотивировано тѣмъ, что наука эта, въ нынѣшнихъ ея системахъ вулканистовъ и нептунистовъ, противна св. Писанію. Философія, основаніемъ для которой, по требованію Магницкаго, должны служить посланія апостола Павла къ колоссянамъ и къ Тимоѳею, какъ предметъ преподаванія, дѣлилась на два отдѣла: положительную и отрицательную; долгъ первой—научить мудрствовать небесная; долгъ второй—*отучить* мудрствовать земная. Историческій очеркъ философскихъ системъ долженъ былъ имѣть предметомъ своимъ—ихъ *обличеніе*. Въ курсѣ древнихъ языковъ слѣдовало читать со студентами преимущественно христіанскихъ писателей: св. Василия, Аѳанасія, Іоанна Златоуста. На лекціяхъ словесности первое мѣсто должна была занимать Библия, какъ величайшій образецъ литературнаго совершенства. Начала политическихъ наукъ профессора должны были извлекать изъ Моисея, Давида, Соломона, отчасти изъ Платона и Аристотеля. Вообще Магницкій и другіе преобразователи настаивали на необходимости соединять „вѣдѣніе съ вѣрою“; но дѣлали они свое дѣло неумѣлыми руками. Такъ напр. „профессору анатоміи предписано было находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образу и подобию своему, т.-е. другими словами—признавать, подобно раскольникамъ, въ тѣлѣ человѣческомъ образъ и подобіе Божіе, противъ чего вооружались многіе духовные писатели отъ Аѳанасія Александрійскаго до св. Димитрія Ростовскаго, сочиненія которыхъ предлагаемы были Ученымъ комитетомъ въ руководство по разнымъ предметамъ“³⁴).

Неумѣлыя руки сказались и въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія: требовали религіозности, благочестія, смиренія—и за кажущуюся наличность этихъ качествъ награждали, тогда какъ одно только подозрѣніе въ ихъ отсутствіи навлекало преслѣдованія.

Слѣдствіемъ такого порядка, который тогда коснулся болѣе или менѣе всѣхъ учебныхъ заведеній, были: „упадокъ религіознаго чувства и нравственности, застои въ области умственной и научной, лицемеріе и раболѣпство. По словамъ министра Шишкова (смѣнившаго собою Галицына въ 1824 г.), «нравственный развратъ росъ и усиливался; ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человеколюбія, умѣло вползати въ сердца и заражати ихъ ядомъ; подъ видомъ распространенія христіанства стремились поколебати православную вѣру». Императоръ Александръ вполне согласился съ Шишковымъ. Истинные ревнители православія и русской народности возмущены были обращеніемъ русскихъ юношей въ питомцевъ іезуитскихъ школъ и развитіемъ ханжества... Увлекаясь піэтизмомъ, фанатики придумывали программы и методы, лишаящія науки ихъ существеннаго содержанія; запрещали преподаваніе предметовъ, которые высшею духовною властію признаны необходимыми не только для академій, но и для среднихъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства. Вопреки идеѣ, завѣщанной Ломоносовымъ—о родствѣ религіи и науки, ихъ ставили во враждебное отношеніе, и, отвергая то, что составляетъ жизнь и душу науки, вредили этимъ и религіознымъ убѣжденіямъ юношей, видѣвшихъ, что ради религіи, ложно понимаемой, имъ излагаются предметы не въ своемъ настоящемъ видѣ, а въ произвольной передѣлкѣ и искаженіи. Поголовное удаленіе преподавателей, въ которыхъ такъ нуждались наши учебныя заведенія, и назначеніе на кафедры людей малосвѣдущихъ, но прикинувшихся благонамѣренными, понизило уровень научнаго образованія. Раболѣпство и лицемеріе, противъ котораго ратовали первые просвѣтители русскаго народа, проникли и въ ученое сословіе. Разсуждая о способѣ заниматься науками, ораторъ восклицаетъ: «да будетъ началомъ моего слова Всеблагій Богъ; да будетъ началомъ моего слова могущественный Александръ, исполненный толикими доблестями, сколько оныхъ цѣлая вселенная вмѣщать въ себѣ когда-либо можетъ; да приметъ начало слово мое отъ соизволенія знаменитѣйшаго нашего попечителя, который съ чрезвычайнымъ нѣкимъ тщаніемъ трудится для возвышенія наукъ и, соображая всѣ свои дѣянія съ божественными заповѣдями, подаетъ намъ примѣры, достойнѣйшіе подражанія» и т. д. Такое сопоставленіе Божества съ Магницкимъ наглядно говоритъ о неискренности религіознаго воодушевленія... Умственный застой и нравственное паденіе въ высшихъ училищахъ, призванныхъ служить разсадни-

ками образованности, замѣчено людьми, посланными правительствомъ для узнанія истины, для всесторонняго изслѣдованія дѣла, возбудившаго сильное сомнѣніе. Сомнѣніе кончилось полнымъ разочарованіемъ: стало ясно, что вмѣсто религіозности дѣйствовалъ фанатизмъ, вмѣсто христіанства — іезуитскій духъ и вражда къ просвѣщенію. Все зло состояло въ томъ, что чистую и святую идею религіи употребляли во зло... Въ этомъ заключается разгадка непрочности и несостоятельности системы, основанной на религіи только повидимому, а не въ дѣйствительности. Въ паденіи этой системы люди, въ душѣ которыхъ не умеръ Богъ—по выраженію поэта, видѣли не гибель, а торжество религіознаго начала, не терпящаго лжи и притворства“³⁵).

Во времена Магницкаго и Рунича и цензура особенно бдительно слѣдила за „нравственностью“. Такъ напр. она года два не позволяла напечатать балладу Жуковскаго: „Замокъ Смальгольмъ“, находя это произведеніе вреднымъ для чистоты нравовъ³⁶).

б) Черты, касающіяся вопроса о народномъ самосознаніи.

Изложивъ черты жизни русскаго общества въ Александровскую эпоху, насколько онѣ касаются вопроса о просвѣщеніи, перейдемъ теперь къ чертамъ, касающимся вопроса о *народномъ самосознаніи*.

Если вести рѣчь о положеніи русской народной массы, то можно сказать словами профессора Надлера, что оно „напоминало во многихъ отношеніяхъ положеніе массы испанской. Народъ русскій былъ такъ же необразованъ и грубъ, какъ народъ испанскій; онъ страдалъ также подъ ярмомъ учрежденій, отжившихъ свой вѣкъ въ другихъ странахъ: но онъ сохранилъ всецѣло свою народную самобытность“³⁷). Не таково было положеніе высшихъ, такъ называемыхъ образованныхъ классовъ общества. Эти классы, напротивъ, стремились приблизить себя къ западно-европейскимъ народамъ, стремились какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе взять у опередившаго насъ въ цивилизаціи Запада все, что имъ казалось лучшимъ. И заимствованіе это, какъ замѣчаетъ нашъ историкъ Соловьевъ, „дѣлалось очень легко, безо всякой внутренней, нравственной тяжести, безо всякаго нравственнаго приниженія. Напротивъ того, русскій человѣкъ высоко поднималъ голову, чувствуя свою силу, свое превсходство. Передъ нимъ возвышался небывалый образъ историческаго дѣятеля—образъ

Петра Великаго; народная гордость питалась значеніемъ европейской дѣятельности дочери Петра, удачею и блескомъ плановъ Екатерины II³⁸).

Сближеніе съ Западомъ имѣло два послѣдствія: съ одной стороны оно сильно способствовало развитію образованности, а съ другой—оно отдаляло образованные классы отъ русской жизни и порождало галломанію, англomanію, космополитизмъ. Эти явленія особенно усилились въ Александровскую эпоху. Самъ императоръ Александръ, будучи поклонникомъ Запада, очень долгое время не зналъ Россіи. „Внушая ему любовь къ человѣчеству, ставя ему такія высокія задачи, какъ освобожденіе, просвѣщеніе народа русскаго, его воспитатели“,—говоритъ Надлеръ,—„не въ состояніи были дать ему самыхъ элементарныхъ понятій объ этомъ народѣ, объ его бытѣ, характерѣ, о его нравственномъ и религіозномъ міровоззрѣніи. Столь же мало познакомили они Александра и съ исторіею русскаго народа, съ особенностями русскаго государственнаго и общественнаго строя; но зато они познакомили его, до послѣднихъ тонкостей, съ республиканскими учрежденіями Швейцаріи и съ парламентарнымъ устройствомъ Англіи“³⁹). Многие близкіе къ Александру люди, стоявшіе во главѣ государственнаго управленія, получили аристократическое воспитаніе того времени, законченное путешествіемъ и жизнью за границей, и были извѣстны своей либо англomanіей, либо галломаніей. Такъ, Новосильцевъ прожилъ четыре года въ Англіи и увлекался англійской жизнью и учрежденіями. Кочубей воспитывался въ Женевѣ и Лондонѣ, гдѣ изучалъ политическія науки—и былъ великимъ англomanомъ. Такимъ же былъ и адмиралъ Чичаговъ, тотъ самый, котораго, подъ видомъ шуки, осмѣялъ Крыловъ въ своей баснѣ. Графъ Павелъ Строгановъ получилъ воспитаніе у француза Ромма, впоследствии извѣстнаго монтаньяра временъ конвента⁴⁰). Но не одинъ Строгановъ: у воспитателей французовъ получили свое образованіе множество тогдашнихъ русскихъ людей—и люди эти не только говорили, писали, но и думали по-французски. Но и этого мало: нѣкоторыя русскія женщины, вовсе не будучи католичками, молились Богу на французскомъ языкѣ. Такъ дѣлала, какъ извѣстно, мать нашего знаменитаго романиста—И. С. Тургенева. Галломанія высшаго класса скоро перешла къ зажиточнымъ дворянамъ, а наконецъ и къ помѣщикамъ мелкимъ.

У многихъ, даже образованнѣйшихъ, людей того времени уваженіе къ европейскому просвѣщенію соединялось съ презри-

тельнымъ отношеніемъ ко всему русскому. Такъ, на примѣръ, поэтъ Батюшковъ въ 1809 г. писалъ Гнѣдичу: „Отъ одного слова *русские*, не кстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ... Глинка называетъ „Вѣстникъ“ свой *русскимъ*, какъ будто пишетъ въ Китаѣ для миссіонеровъ или пекинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжатъ, нашептываютъ: *русское, русское, русское...* а я потерялъ вовсе терпѣніе!“ Въ 1811 г. онъ тому же Гнѣдичу жаловался на русскій языкъ говоря, что онъ „плоховать, грубенекъ, пахнетъ татарщиной“. „Что за *ы*, что за *и*? что за *и*, *и*и, *и*и, *при*, *тры*? О варвары!“ восклицалъ нашъ поэтъ. Понятно, что послѣ такого отзыва о русскомъ языкѣ надо было ожидать еще горшаго о славянскомъ. И дѣйствительно, въ 1816 г. Батюшковъ, по поводу разсужденія Каченовскаго о церковномъ языкѣ, заявилъ—все тому же Гнѣдичу—о своихъ симпатіяхъ къ этому языку: „Нѣтъ“,—писалъ онъ: „никогда я не имѣлъ такой ненависти къ этому мандаринному, рабскому, татарско-словенскому языку, какъ теперя!... Когда переведутъ св. Писаніе на языкъ человѣческій?“ Свое недовольство русскимъ языкомъ Батюшковъ въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ жалуется на наши *и*и и *и*и, оправдываетъ вотъ чѣмъ: „Извини“,—говоритъ онъ,—„что я сержусь на русскій народъ и его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго — что слово, то блаженство“ ⁴¹⁾. Русскую исторію Батюшковъ считалъ интересною только со временъ Петра Великаго ⁴²⁾. Такого же взгляда былъ и графъ Завадовскій, писавшій въ 1800 г. къ Воронцову: „исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, если черпать оную хотимъ глубже, а не отъ временъ Петра В. Для просвѣщающагося вѣка пріятнѣе повѣсть отъ начала просвѣщенія и отъ имени виновника онаго. Когда ты занимаешься Плу-тархомъ, то сравни умъ и силу его израженій противъ святыхъ и мірскихъ нашихъ писателей, и увидишь всю жалкую бѣдность сихъ послѣднихъ. По моему мнѣнію, только та исторія и пріятна и полезна, которую или философы или политики писали. Но еще наши науки и нашъ языкъ еще не достигнули до того, то и *лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ржавчиною*“ ⁴³⁾. Если въ этихъ словахъ Завадовскаго и есть доля правды, то во всякомъ случаѣ онъ обнаруживалъ полное непониманіе значенія до-Петровской Руси, когда говорилъ, что „писателю просвѣщенному довольно было бы *одной страницы, чтобы наши всѣ матеріалы на времена до Петра I вмѣстить въ оную*“.

Не рѣдко бывали случаи, что люди Александровской эпохи чуждались не только отечественнаго языка, исторіи, но чуждались и православной вѣры. Россія при Александрѣ была, по выраженію Надлера, обѣтованною страной іезуитовъ. „Самъ государь“—говоритъ этотъ историкъ—„усматривалъ въ іезуитскомъ ордѣнѣ прекрасное и годное орудіе для просвѣщенія и цивилизованія Россіи... Богатство, сила и вліяніе іезуитскаго ордена въ Россіи возрастали быстро и непрерывно во всю первую половину царствованія императора Александра. Сѣть іезуитской пропаганды раскинута была по всѣмъ областямъ имперіи; центромъ ея служилъ не далекій и бѣдный Полоцкъ, а сама столица государства—Петербургъ. Тутъ основанъ былъ іезуитскій институтъ для воспитанія знатнаго русскаго юношества; тутъ получали свое образованіе дѣти нашихъ аристократовъ—сыновья князей Юсуповыхъ, Голицыныхъ, графовъ Орловыхъ; тутъ учились молодые Нарышкины, Гагарины, Меншиковы, Плещеевы, Бенкендорфы, Волконскіе, Полтарацкіе, Дмитріевы и др. Всѣ эти юноши, предназначенные впослѣдствіи къ занятію высшихъ государственныхъ должностей, проникались здѣсь принципами и духомъ іезуитскаго ордена, воспитывали въ себѣ чувство пренебреженія и равнодушія, если не вражды, къ своей родной національности и къ вѣрѣ своихъ предковъ, своего народа. На глазахъ высшаго правительства іезуиты сумѣли превратить въ своемъ институтѣ преподаваніе Закона Божія православнымъ дѣтямъ въ орудіе искаженія православія и насмѣшки надъ нимъ“—насмѣшки надъ той силой,—добавимъ отъ себя,—изъ которой русская народная масса черпала всю свою духовную и нравственную жизнь. „Работая такимъ успѣшнымъ образомъ въ Петербургѣ“,—говоритъ Надлеръ далѣе, — „іезуиты учреждали въ то же время миссіи повсюду, гдѣ представлялась къ этому хотя какая-нибудь возможность“⁴⁴). Не удивительно послѣ этого, что въ образованномъ обществѣ замѣтна была религіозная расшатанность, которой немало помогали и переселявшіеся къ намъ послѣ революціи французскіе эмигранты и эмигрантки, нерѣдко совращавшіе, особенно женщинъ, въ католичество.

Помимо влеченія русскихъ людей къ западной цивилизаціи; помимо ихъ галломаніи, англomanіи и даже итальяноманіи, въ умахъ той эпохи носилась идея космополитизма. Идея эта распространялась какъ современной философіей, такъ и все еще продолжавшимъ существовать масонствомъ. Самъ императоръ

Александръ нерѣдко думалъ не столько о Россіи, сколько о чело-
вѣчествѣ вообще, и думалъ о немъ не только въ первые годы
своего царствованія, но и во время заключенія священнаго со-
юза и послѣ него. Космополитическими идеями руководились
даже основанныя для распространенія въ народѣ св. Писанія и
грамотности „библейскія общества“. Эти общества большею частью
„оставались въ сферѣ идеальной, жили космополитическими иде-
ями и стремленіемъ къ благу челоѣчества вообще. Въ распро-
страненіи книгъ св. Писанія видѣли дѣйствительнѣйшее средство
къ тому, чтобы привести всѣ народы къ братскому единству, об-
разовать изъ нихъ единую семью небеснаго Отца. Увлекаясь за-
манчивою надеждою положить конецъ враждѣ и распрямъ и ви-
дѣть водвореніе царства всеобъемлющей любви и мира, пыта-
лись устранить всѣ преграды къ достиженію желанной цѣли,
*разрушить всѣ препятствія, созданныя историческою судьбою на-
родовъ и ихъ физическими и духовными особенностями.* Мечтали
даже о введеніи всеобщаго языка, какъ общечеловѣческаго ору-
дія для выраженія духа, сливающего всѣ народы въ единую семью
челоѣчества“⁴⁵). Конечно, идея о братствѣ всего челоѣчества
есть высокая идея, выработанная просвѣщеніемъ; но космополи-
тизмъ, не примиренный съ національностью, можетъ осуждаться
съ патріотической и государственной точки зрѣнія.

Событія отечественной войны измѣнили на время картину
жизни той части русскаго общества, которая представляла собою
галломановъ, англomanовъ, космополитовъ. Когда въ 1812 г. пат-
ріотическое чувство охватило всѣ слои общества и всю народ-
ную массу,—ему поддались и высшіе классы. Они, какъ говоритъ
Надлеръ, „внезапно переродились; изъ французовъ и космополи-
товъ они вдругъ превратились въ русскихъ. Дамы и свѣтскіе ка-
валеры вдругъ отказались отъ французскаго языка. Они начали
говорить по-русски и съ удивленіемъ замѣчали, что говорить на
родномъ языкѣ для нихъ легче, и что русскій языкъ совершенно
удобенъ для употребленія въ гостиныхъ. Французская мода так-
же подверглась всеобщему гоненію. Многія дамы поспѣшили на-
рядиться въ сарафаны, кокошники и повязки; мужчины начали
носить сѣрые ополченскіе кафтаны. Въ Петербургѣ никто не хо-
тѣлъ болѣе слышать французскихъ актеровъ“⁴⁶). Впрочемъ не
всѣ „переродились“: есть свидѣтельства, что многіе москвичи,
даже пострадавшіе отъ Наполеонова нашествія, не могли отдѣ-
латься отъ усвоеннаго ими съ дѣтства французскаго воспитанія:

они проклинали французовъ, но проклинали ихъ все-таки на французскомъ языкѣ 47).

Но проклятія были непродолжительны: когда окончилась отечественная война, въ особенности, когда наши войска вернулись изъ заграничнаго похода, галломанія явилась снова—и даже еще въ большихъ размѣрахъ. Кажется, справедливо замѣчаетъ Надлеръ, что русскій человѣкъ въ важную и рѣшительную минуту сбрасываетъ съ себя все чуждое и напускное и проявляетъ горячую любовь къ родинѣ; въ обычное же, будничное время онъ „способенъ поразить любого наблюдателя своимъ безпримѣрнымъ добродушіемъ, своею терпимостью, даже своимъ пристрастіемъ ко всему чужому, иноземному, своимъ, если хотите, легкомысленнымъ космополитизмомъ“ 48).

Конечно, не все образованное русское общество Александровской эпохи цѣликомъ было заражено галломаніей: были люди и проникнутые глубокимъ чувствомъ народности, были горячіе патріоты. Недаромъ же сердился Батюшковъ, что ему „жужжать, нашептываютъ: *русское, русское, русское*“. Многие изъ этихъ людей работали на литературномъ поприщѣ—и намъ придется впоследствии говорить о нихъ, а пока ограничимся лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ. О многихъ изъ этихъ дѣятелей нерѣдко отзываются, какъ о людяхъ съ ограниченнымъ кругозоромъ, какъ объ узкихъ патріотахъ. Правда, они не носили въ себѣ высокихъ космополитическихъ идей о единствѣ и братствѣ всего человѣчества, не увлекались вопросомъ о его счастіи и свободѣ; но зато они были представителями чисто-русской мысли и выразителями чувствъ большинства русскаго народа. Если *народное* имѣетъ такое же право на уваженіе, какъ и *общечеловѣческое*, и если народы въ своемъ постепенномъ развитіи должны придти наконецъ къ однимъ и тѣмъ же общечеловѣческимъ идеаламъ и въ то же время не утратить своей индивидуальности,—то, воздавая должное тѣмъ силамъ, которыя движутъ данный народъ по пути прогресса, мы не имѣемъ основанія умалять значеніе и тѣхъ силъ, которыя стремятся удержать его въ предѣлахъ народности.

Александровская эпоха была временемъ усиленнаго стремленія примѣнить къ русской жизни европейскія идеи; она же была и временемъ усиленнаго охраненія русской народности. Крайности и увлеченія, конечно, могли быть и на той и на другой сторонѣ; но и та и другая была одинаково важна.

в) Черты, касающіяся вопроса о томъ, какъ отнеслось русское общество къ политическимъ планамъ императора Александра.

Подъ этими планами мы разумѣемъ мечты императора Александра о перемѣнѣ правленія, о возстановленіи Польши въ ея древнихъ предѣлахъ и объ освобожденіи крестьянъ. Сперва коснемся отношенія общества къ мечтамъ Александра о перемѣнѣ правленія.

Конечно, были люди, которые не только къ этимъ мечтамъ императора Александра, но и вообще ко всѣмъ либеральнымъ его стремленіямъ отнеслись крайне враждебно. Они, словно сочувствуя суровому режиму Павла, называли всѣ мѣропріятія новаго императора „коверканьемъ“ начинаній его предшественника,⁴⁹⁾ а гуманность Александра отождествляли съ распущенностью. Таковою казалась эта гуманность уже извѣстному намъ обскуранту Руничу, который въ своихъ запискахъ высказывалъ, на примѣръ, такія странныя сужденія: „При вступленіи на престолъ Александръ объявилъ о своемъ намѣреніи царствовать по примѣру своей бабки Екатерины II. Только и было разговоровъ, что о манифестѣ, содержащемъ *эту пошлую и смѣшную фразу*... Запрещеніе носить круглыя шляпы и панталоны возбудило ненависть къ Павлу... Разрѣшеніе наряжаться шутами, обмѣнъ рукопожатій, болтовня безъ удержа заставили полюбить Александра“⁵⁰⁾. Но такихъ крайнихъ обскурантовъ сравнительно было немного. Полную противоположность имъ представляла та часть общества, которая восторженно отнеслась къ рѣчамъ Александра о свободѣ. Это были люди, воспитанные въ тѣхъ же идеяхъ, которыя Лагарпъ преподавалъ Александру. Они жаждали свободы, ждали конституціоннаго порядка—и когда обманулись въ своихъ надеждахъ, прибѣгли къ составленію тайныхъ обществъ, изъ которыхъ впоследствии вышли декабристы. Но возбужденіе тогдашнихъ умовъ вызывалось не только вліяніемъ одной философіи: оно въ значительной мѣрѣ поддерживалось самимъ императоромъ, который съ одной стороны увлекалъ умы своими либеральными рѣчами, а съ другой—раздражалъ ихъ, не приводя въ исполненіе того, на что онъ самъ же подавалъ надежду. Для разъясненія приводимъ слѣдующее мѣсто изъ книги Пыпина⁵¹⁾: „Одинъ, свидѣтель и участникъ тѣхъ событій, припоминая обстоятельства, «побудившія къ возмечтанію о реформахъ въ Россіи», указываетъ, какое сильное впечатлѣніе производили тогда дѣйствія самого императора Александра... «Слѣдуетъ упомянуть о надеждѣ на дарованіе политическихъ правъ, возбужденной либеральною поли-

тикой императора Александра Павловича, неоднократно имъ заявленной. О ней свидѣтельствуется воззваніе его къ германскимъ народамъ въ 1813 году; затѣмъ въ 1814 году, при первомъ его свиданіи съ Людовикомъ XVIII и Рамбулье, всѣмъ стало извѣстно высказанное имъ убѣжденіе о необходимости, при вступленіи короля на престолъ, учредить во Франціи представительное правительство. Въ слѣдующемъ году, на Вѣнскомъ конгрессѣ, онъ, отстаивая либеральныя учрежденія, оспаривалъ ретроградную политику Миттерниха и Талейрана и, вопреки ихъ мнѣнію, даровалъ Польшѣ конституціонное правленіе. Наконецъ, при открытіи варшавскаго сейма, произнесъ рѣчь, возбуждившую неописанный восторгъ во всей молодежи»⁵²⁾. Правда, и въ эти первые годы послѣ Вѣнскаго конгресса не всѣ дѣйствія русскаго правительства могли питать подобныя ожиданія; его настроеніе было слишкомъ нерѣшительное и колеблющееся, но либеральныя заявленія однако не прекращались и дѣйствовали на умы, безъ того возбужденные“.

Но и либеральная партія далеко не составляла большинства тогдашняго общества. Большинство стояло за самодержавіе: оно отнюдь не понимало самодержавія въ смыслѣ восточнаго деспотизма, но и не желало видѣть верховную власть ограниченной конституціонными учрежденіями. Какъ на выразителя такого взгляда, можно указать на князя Безбородко, записка котораго еще въ 1799 г. была въ рукахъ Александра. Записка начиналась словами: „*Россія должна быть государствомъ самодержавнымъ. Малѣйшее ослабленіе самодержавія повлекло бы за собою отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія. Но государь самодержавный, если онъ одаренъ качествами, сана его достойными, чувствовать долженъ, что власть дана ему безпредѣльная не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобъ держать въ почтеніи и исполненіи законы предковъ своихъ и самимъ имъ установленные; словомъ, изрекши законъ свой, онъ, такъ сказать, самъ первый его чтить и ему повинуются, дабы другіе и помыслить не смѣли, что они того уклониться или избѣжать могутъ*“. Графъ Строгановъ, одинъ изъ членовъ „тріумвирата“, находилъ, что записка кн. Безбородко „*est un chef d'oeuvre et est le canevas de tout ce qu'il y aurait à faire*“⁵³⁾. Но съ особенной подробностью были раскритикованы стремленія либеральной партіи въ письмѣ, написанномъ кѣмъ-то въ 1824 г. Имя автора осталось не извѣстнымъ, но самое письмо напечатано въ воспоминаніяхъ Сушкова („Вѣстн.

Евр.“ 1867 г., июнь, 193—200). Основная мысль автора письма та, что для Россіи не конституція нужна, а просвѣщеніе.

„Дайте“—говоритъ авторъ—„эскимосамъ или киргизамъ какія хотите формы гражданскаго общества, возьмите грифель у Мудрости и имъ начертите для нихъ Уложеніе. Что жъ, думаете ли, что совершили великое дѣло политики и законодательства? Нѣтъ! гражданское общество должно состоять изъ гражданъ; законы должны имѣть исполнителей; а ни тѣми ни другими не могутъ быть ни дикія ни полудикія дѣти природы. И вотъ почему въ Россіи незачѣмъ еще думать о раздѣленіи власти, о системѣ правленія въ формѣ вѣка и духѣ народовъ просвѣщенныхъ. Не говорите мнѣ о побѣдахъ, о военной славѣ! И монголы и турки побѣждали. Но военные успѣхи не имѣютъ, къ несчастію, ничего общаго съ успѣхами разума... Какая, на примѣръ, мнѣ выгода въ судѣ присяжныхъ, когда они будутъ судить меня безсовѣстнѣе неприсяжныхъ, не понимая святости клятвъ и продавая свою присягу моему обвинителю?... Кто будутъ у насъ представители, кто избираемые и избиратели? Гдѣ среднее состояніе? Екатерина дала намъ право избирать своихъ судей и полицейскихъ агентовъ: какъ пользуемся мы симъ правомъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ? Кого выбираемъ?—Гдѣ же возьмемъ депутатовъ въ палату? гдѣ наследственныя дарованія будущихъ перовъ? Къ чему готовятся и какъ воспитываются дѣти нашихъ бояръ и богатыхъ дворянъ?“

Указавъ далѣе на то, что привилегированный классъ общества зараженъ пороками; что въ немъ „стремленіе къ роскоши, праздность и предразсудки замѣняютъ гражданскія добродѣтели“; что въ немъ „даже умы, сіяющіе блесками превосходства надъ другими, не болѣе суть, какъ *полу-умы* по недостатку здравыхъ политическихъ истинъ, методы въ изученіи ихъ и опытности въ соображеніи“,—авторъ письма говоритъ: „Воспитаніе—вотъ все, что имъ нужно и полезно; и слѣдственно необходима не власть ограниченная, а власть дѣятельнаго учителя, который съ отеческою заботливостію и съ принужденіемъ, когда нужно, обратилъ бы ихъ на путь, съ котораго они совращаться могутъ. Однимъ словомъ, намъ потребенъ *другой Петръ I*, со всѣмъ его самодержавіемъ, а не Вильгельмъ III, не Людовикъ XVIII съ ихъ конституціями; даже не Франклинъ и не Вашингтонъ съ ихъ добродѣтелями“.

Далѣе авторъ замѣчаетъ, что раньше, чѣмъ говорить о конституціи, надо позаботиться объ ограниченіи правъ помѣщиковъ надъ дѣйствительными рабами—надъ крѣпостными. Намъ,—гово-

ритель онъ,—надо желать не *основныхъ законовъ*, въ смыслѣ конституціи, а „болѣе любви къ просвѣщенію и справедливости, болѣе нравственныхъ успѣховъ, болѣе чистоты въ исполненіи законовъ“... „Время есть лучшей лѣкаръ болѣзней... Россія, юная, сильная, богатая, полная жизни, далека отъ паденія: младенческій возрастъ ея пройдетъ, силы и разумъ окрѣпнутъ... тогда сами цари даруютъ ей основные законы“⁵⁴).

Въ конечной цѣли своихъ желаній обѣ партіи — какъ либеральная, такъ и та, которая стояла за самодержавіе,—сходились: обѣ онѣ желали порядка, законности, справедливости. Но одна изъ нихъ полагала, что для достиженія желаемыхъ цѣлей нужно измѣненіе правленія, а другая утверждала, что цѣли эти могутъ быть достигнуты въ Россіи только при существованіи въ ней самодержавной власти, и при этомъ указывала на отрицательныя послѣдствія примѣненія къ Россіи европейскихъ политическихъ теорій. Нельзя также не обратить вниманія и на то, что самодержавіе отстаивала не незначительная часть русскаго общества, а громадное большинство его. „Датскій посланникъ въ Петербургѣ—Бломе, сообщая своему двору извѣстіе о ссылкѣ Сперанскаго, пишетъ: „Произошло явленіе необычайное: общество противится усиліямъ государя, желающаго лишить себя значительной доли своей власти, тогда какъ вездѣ въ другихъ странахъ это стремленіе къ преобразованіямъ обнаруживается въ совершенно противоположномъ духѣ“⁵⁵).

Если отношеніе къ нѣкоторымъ вопросамъ раздѣляло русское общество Александровской эпохи на партіи, то зато отношеніе къ польскому вопросу соединяло его въ единомысленный народъ. Слухъ о намѣреніи государя присоединить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ губерній одинаково сильно взволновалъ какъ консерваторовъ, такъ и либераловъ—и полнымъ и смѣлымъ выразителемъ этого взволнованнаго чувства былъ, какъ послѣ увидимъ, Карамзинъ. Впрочемъ, одновременно съ Карамзинымъ и подобно ему, выразителемъ охватившаго тогда русское общество чувства былъ и директоръ Царскосельскаго лицея Энгельгардтъ⁵⁶). Источникомъ этого общественнаго волненія было *ревнивое чувство цѣлости Россіи*.

Но въ крестьянскомъ вопросѣ общество опять расходилось. Самъ императоръ былъ на сторонѣ освобожденія и надѣялся совершить его: будучи въ Парижѣ въ 1814 г. онъ говорилъ: „съ Божьею помощью, крѣпостное право будетъ уничтожено еще въ

мое царствованіе“⁵⁷). Желаніе государя раздѣлялось многими. Однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ освобожденія былъ Н. И. Тургеневъ. За освобожденіе раздавались и голоса въ періодической печати, на примѣръ, въ „Сынъ отечества“. Но зато огромное большинство общества относилось къ крестьянскому вопросу отрицательно. Большая часть членовъ этого большинства руководилась, конечно, эгоистическими соображеніями; но были и такія лица, которыя идеалистически смотрѣли на крѣпостное право. Такъ смотрѣлъ на него, на примѣръ, Шишковъ, полагавшій, что право это основано на обоюдной пользѣ крестьянъ и помѣщиковъ, и что отношенія между тѣми и другими уподобляются отношеніямъ семейнымъ.

Таковы важнѣйшія черты Александровской эпохи. Теперь перейдемъ къ вопросу о томъ, какъ встрѣтилъ ее Карамзинъ.

II. Какъ встрѣтилъ Карамзинъ новую эпоху.

1. Взглядъ Карамзина на правленіе Павла и двѣ его оды Александру.

Прежде чѣмъ говорить о томъ, какъ встрѣтилъ Карамзинъ новую эпоху, укажемъ взглядъ его на правленіе Павла, высказанный имъ въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“.

„По жалкому заблужденію ума“ — пишетъ Карамзинъ — „и вслѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ (Павелъ) хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но россияне имѣли уже Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому изумленію россиянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами... Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иностранцевъ, россияне боялись даже и мыслить... Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца“.

Изъ этого отрывка мы видимъ, во-первыхъ, что Карамзинъ отнюдь не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые, называя мѣ-

ропріятія Александра „коверканьемъ“ начинаній Павла, выражали этимъ какъ бы свое сочувствіе предшествовавшему четырехлѣтнему правленію, а во-вторыхъ, что Карамзинъ, подобно множеству своихъ современниковъ, долженъ былъ встрѣтить новое царствованіе съ искреннимъ восторгомъ. Восторгъ этотъ онъ выразилъ въ двухъ своихъ одахъ: одна—на восшествіе на престоль, другая—на коронованіе юнаго императора. Вотъ мысли и чувства автора, выраженные въ этихъ одахъ.

Въ одѣ на восшествіе, высказавъ свой восторгъ по поводу даннаго въ манифестѣ обѣщанія возвратить Россіи золотой вѣкъ Екатерины, авторъ, какъ бы предугадывая характеръ Александровской эпохи, восклицаетъ:

Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ воспріялъ;
Еще ихъ много въ ней хранится.
И духъ мой сладко веселится,
Предвидя ихъ блестящій рядъ!

Далѣе авторъ занятъ раскрытіемъ того, что онъ разумѣетъ подъ выраженіемъ: „блестящій рядъ великихъ дѣлъ“. Оказывается, что Карамзинъ указываетъ молодому императору на тѣ же потребности времени, на которыя указывалъ ему и Лагарпъ: на необходимость *мира, просвѣщенія и законовъ* ⁵⁸),—и выражаетъ надежду на удовлетвореніе этимъ потребностямъ.

Уже военной нашей славы
Исполненъ весь обширный свѣтъ;
Предъ нами падали державы;
Екатерининыхъ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянуть...

Монархъ! довольно лавровъ, славы,
Довольно ужасовъ войны!
Бразды Россійскія державы
Тебѣ для счастья вручены.
Ты будешь гениемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возьми — не мечъ — вѣсы Темеиды —
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъ златой.

Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
Когда же въ смыслѣ не согласны,
Ты ихъ премудро согласишь.

Законъ быть долженъ, какъ зеркало,
Гдѣ бь солнце истины сіяло
Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ, какъ Богъ, законодатель;
Онъ мирныхъ обществъ основатель.
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.

Монархъ! еще другія славы
Достоинъ Твой пресвѣтлый тронъ:
Да царствуютъ благіе нравы!..

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой счастливъ человекъ —
И блескомъ Твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се музы, къ трону приступа
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждуть!
Онѣ сердца людей смягчаютъ,
Онѣ жизнь нашу услаждаютъ,
И добраго царя поютъ!

Въ этомъ же стихотвореніи Карамзинъ предостерегаетъ юнаго государя отъ рода людей, которымъ имя — хитрые льстецы. Они

Снаружи ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны
И въ козняхъ адскихъ—мудрецы.
Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и царей,
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть—ихъ богъ: лишь служатъ ей.

Авторъ однако предполагаетъ, что царь льстецовъ къ себѣ и не допуститъ: онъ будетъ окруженъ „друзьями, Россіи лучшими сынами“. А такіе найдутся:

Довольно патриотовъ вѣрныхъ,
Готовыхъ жизнь ему (отечеству) отдать,
Друзей добра нелицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказать!
У насъ *Пожарскіе* сіяли,
И *Долгорукіе* дерзали
Петру отъ сердца говорить;
Великій соглашался съ ними —
И звалъ ихъ братьями своими.
Монархъ! ты будешь насъ любить!

Новый государь уже въ первые 6 мѣсяцевъ своего царствованія успѣлъ издать много такихъ указовъ, которые свидѣтельствовали о его гуманности и о его заботахъ о просвѣщеніи и

водвореніи справедливости ⁵⁹). Такимъ образомъ ко дню коронаціи (т.-е. къ 12 сент. 1801 г.) характеръ новаго царствованія уже успѣлъ обнаружиться, и Карамзинъ еще 20 августа писалъ къ брату своему Василю: „Государь *расположенъ ко всякому добру*, и мы при немъ *отдохнули*. Главное то, что можемъ жить *спокойно*“ ⁶⁰). Объ этой возможности „жить спокойно“ Карамзинъ говоритъ и въ своей одѣ на коронаваніе:

Покой — стихія челоѣка:
И Ты успѣлъ намъ дать его!
Ахъ! многіе цари, полѣка
Владѣвъ, не сдѣлали того.

Этому покою Карамзинъ противопоставляетъ тѣ непокойныя чувства, съ которыми переживалось предшествовавшее правленіе, когда, по извѣстнымъ уже намъ словамъ того же Карамзина, царь видѣлъ въ своемъ народѣ не подданныхъ, а рабовъ, и правилъ ими, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти. Сопоставленіе обоихъ царствованій изложено въ одѣ слѣдующими стихами:

Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвластныхъ зреть—рабовъ;
Но Ты, душою просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ;
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ несовмѣстна;
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.

Свободу однако Карамзинъ понимаетъ не въ республиканскомъ и не въ конституціонномъ смыслѣ, а лишь въ смыслѣ всеобщаго подчиненія законамъ и отсутствія деспотизма со стороны правящей власти.

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!

На пониманіе свободы въ указанномъ смыслѣ намекаютъ и два послѣдніе стиха этого куплета:

Свобода мудрая свята,
Но равенство—одна мечта.

Послѣднія слова клали рѣзкую грань между Карамзинымъ и послѣдователями „Contrat social“.

Но для наличности этой „мудрой свободы“ Карамзинъ, подобно кн. Безбородко, требуетъ, чтобы цари сами повиновались законамъ, требуетъ, чтобы они исполняли, какъ онъ выразился въ Запискѣ, „завѣтъ власти съ повиновеніемъ“.

Сколь трудно править самовластно,
И небу лишь отчетъ давать!
Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу подражать!
Его велѣньямъ нѣтъ препоны:
Но Онъ, творя, благодворить;
Онъ можетъ все, но свято чтить
Его жъ премудрости законы—
И Фебъ въ сіяніи своемъ
Течетъ всегда однимъ путемъ.

Затѣмъ авторъ оды, основываясь на добрыхъ начинаніяхъ новаго царя, пророчитъ Россіи блестящее будущее и, обращаясь къ Александру, говоритъ:

Трудись!... давай уставы намъ—
И будешь *первый* по дѣламъ.

На основаніи этихъ двухъ одъ мы видимъ, что Карамзинъ, отнюдь не будучи обскурантомъ, не принадлежалъ также и къ той либеральной партіи, которая, вмѣстѣ съ самимъ императоромъ, задавалась вопросомъ объ ограниченіи верховной власти не только добровольнымъ ея повиновеніемъ законамъ, но и измѣненіемъ самой формы правленія. Мысли автора оды на коронованіе болѣе всего сходились съ указанными уже нами мыслями кн. Безбородко ⁶¹⁾.

Сравнивая мысли и чувства, высказанныя въ двухъ разсмотрѣнныхъ одахъ, съ тѣми, которыя высказывались Карамзинымъ въ до-Александровскую эпоху, мы узнаемъ въ немъ того же энтузіаста просвѣщенія, смотрящаго на него, какъ на источникъ счастья; того же проповѣдника преуспѣванія *мирнаго*; того же защитника свободы, которую онъ понимаетъ въ томъ же смыслѣ, какъ понималъ ее и авторъ стихотворенія: „Къ Милости“; видимъ у него то же требованіе, чтобы правленіе было основано на справедливости, какъ того требовалъ и авторъ извѣстнаго письма изъ Лондона ⁶²⁾, и наконецъ видимъ то же недовѣрчивое

отношеніе къ республикѣ. Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, что не представляетъ еще Карамзина въ новомъ свѣтѣ, мы находимъ въ одѣ на коронованіе уже высокій взглядъ на Россію, какъ на обширное и могучее государство. Россію Карамзинъ называетъ тутъ „вѣнцомъ земныхъ царствъ, почтеннымъ и величавымъ колоссомъ“. На это могущество Россіи онъ въ послѣдствіи будетъ ссылаться, какъ на одно изъ доказательствъ необходимости для нея самодержавія.

2. Историческое похвальное слово императрицѣ Екатеринѣ II.

На разсмотрѣнныя двѣ оды Карамзина надо смотрѣть не только, какъ на выраженіе его восторга, но и какъ на голосъ публициста, принадлежавшаго къ одной изъ существовавшихъ у насъ тогда партій. Но рамки такой литературной формы, какъ ода, не позволяли Карамзину выразить свои мысли подробно—и онъ задумалъ для этой цѣли „Историческое похвальное слово императрицѣ Екатеринѣ II“. Такимъ образомъ „Слово“ это было обращеніемъ автора къ молодому государю съ цѣлю яснѣе выразить свои мысли о желаемомъ имъ правленіи. Авторъ умышленно останавливается на *свѣтлыхъ* лишь сторонахъ царствованія императрицы Екатерины, съ тѣмъ, *чтобы*, какъ сказалъ Погодинъ ⁶³), *ея преемникъ выразумилъ основательно ея достоинства, и вмыслилъ себѣ въ обязанность идти по слѣдамъ ея*. Смѣлость этого обращенія основывалась, конечно, на духѣ перваго манифеста новаго государя, гласившаго, что онъ будетъ править по законамъ и по сердцу своей августѣйшей бабки. „Слово“ написано было въ 1801 г. и представлено императору министромъ удѣловъ Д. П. Трощинскимъ.

Почему Карамзинъ, желая преподать совѣтъ молодому монарху, остановился на правленіи императрицы Екатерины—это понятно. Онъ, сочувствуя гуманнымъ идеямъ XVIII вѣка, не сходился съ представителями этихъ идей во взглядѣ на форму правленія. Императрица Екатерина удовлетворяла его именно тѣмъ, что представлялась ему монархиней, тоже „расположенной ко всякому добру“ и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко державшей знамя самодержавной власти. Къ тому же Карамзинъ усматривалъ въ этой государынѣ великую правительственную мудрость, заключавшуюся въ умѣнїи все дѣлать въ пору и въ мѣру.

Но правъ ли былъ Карамзинъ, избирая своимъ идеаломъ правленіе этой императрицы?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ

дать лишь наши компетентные историки. Академикъ Бестужевъ-Рюминъ, касаясь въ одной изъ своихъ статей занимающаго теперь насъ „Похвальнаго слова“, говоритъ: „Идеальное представленіе образа Екатерины въ этомъ сочиненіи уже свидѣтельствуешь о высокомъ историческомъ талантѣ Карамзина, и хотя позднѣе, въ «Запискѣ о древней и новой Россіи», онъ прибавилъ нѣсколько темныхъ штриховъ къ облитой яркимъ свѣтомъ картинѣ ея царствованія, но въ цѣломъ онъ остался вѣренъ этому пониманію—и былъ правъ“⁶⁴). А Кояловичъ („Исторія русскаго самосознанія“, 163) въ данномъ случаѣ и вовсе не считаетъ важнымъ вопросъ о томъ, вѣрно или невѣрно изобразилъ Карамзинъ въ своемъ „Словѣ“ царствованіе Екатерины: онъ считаетъ важнымъ то, что авторъ „Слова“ указалъ „на общечеловѣческія права русскаго человѣка“ и стоялъ за просвѣщеніе.

Перейдемъ теперь къ самому „Слову“. Указавъ во вступленіи, что „Екатерина безсмертна своими *побѣдами, мудрыми законами и благотѣтельными учрежденіями*, авторъ, соотвѣтственно этимъ тремъ видамъ „дѣлъ“ Екатерины, раздѣляетъ и „Слово“ свое на три части.

Первая часть въ картинномъ изложеніи изображаетъ военную славу Екатерины—побѣды Румянцева, Орлова, Потемкина, Суворова—и заканчивается такимъ замѣчаніемъ: „Не только благо нашего отечества, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стѣнамъ вѣнскимъ? Новый Магометъ II могъ быть новымъ истребителемъ государствъ европейскіхъ: сколь же бѣдственны успѣхи оттоманскаго оружія для человѣчества и просвѣщенія? Теперь варвары уже не опасны для Европы... И сія безопасность есть дѣло Великой Екатерины, которая потрясла и отчасти разрушила сей колоссъ ужасный“.

Въ виду того, что мы въ свое время обратили вниманіе читателя на взглядъ на войну автора „Писемъ р. путешественника“⁶⁵), замѣтимъ теперь взглядъ на нее автора „Слова“. Приступая къ изображенію военной славы Екатерины, онъ говоритъ: „Сколь часто поэзія, краснорѣчіе и *мнимая* философія гремятъ противъ славолюбія завоевателей! сколь часто укоряютъ ихъ безчисленными жертвами сей грозной страсти! Но *истинный* философъ различаетъ, судить—и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта всемірнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда мечтою? Правило народовъ и го-

сударей не есть правило частныхъ людей; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣшней безопасности: а безопасность есть—могущество! Слабый народъ трепещетъ; сильный, подъ эгидою величія, свободно наслаждается политическимъ бытіемъ. Сія истина раждаетъ правила для монарховъ. Исчезни память кровожадныхъ Аттилъ, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти имя героевъ, которые разили враговъ отечества, и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе!“

Вторая часть „Слова“ посвящена обзорѣнню законодательной дѣятельности Екатерины. Еще во вступленіи Карамзинъ изобразилъ императрицу „облокотившеюся священной рукою на бессмертныя страницы «Духа законовъ» и раскрывающею въ умѣ своемъ идеи о народномъ счастіи“, и такимъ образомъ указалъ на источникъ ея гуманныхъ взглядовъ. Теперь вторую часть своего „Слова“ онъ начинаетъ общей характеристикой этихъ взглядовъ и изъ нихъ выводитъ основной духъ законовъ Екатерины. Онъ говоритъ: „Означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всѣ другія и всѣмъ другимъ изъясняется; означимъ, такъ сказать, *священный корень* нашего блаженства во дни ея—сію печать, сей духъ всѣхъ ея законовъ. *Она уважила въ подданномъ санъ челоуѣка*, нравственнаго существа, *созданнаго для счастія въ гражданской жизни*. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей; Екатерина хотѣла обходиться съ нами, какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ одинаго слѣпого повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ—гремитъ, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая возрѣть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ Россійскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Счастливые россияне нашего вѣка! вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать вѣнценосца; но имя Екатерины, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ;

всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! читай въ сердцахъ нашихъ; мы не боимся, ибо мы любимъ тебя»!... Въ царствованіе Екатерины одни преступники или явные враги ея, слѣдственно враги общаго благоденствія, страшились пустынь сибирскихъ; для однихъ изверговъ отверзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія, и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства: ибо она знала, что личная безопасность есть первое для чловѣка благо, и что безъ нея жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ счастья и наслажденія, есть вѣчное мучительное безпокойство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство ея любви и самаго почтенія къ чловѣчеству, долженствоваль быть и главнымъ характеромъ уставовъ ея“.

Затѣмъ авторъ „Слова“ исчисляеть и оцѣниваетъ различныя законодательныя мѣры императрицы и особенно подробно останавливается на ея „Наказѣ“. Прежде всего онъ указываетъ взглядъ „Наказа“ на форму правленія. „Монархиня опредѣляетъ образъ правленія въ Россіи—самодержавный; не довольствуется единымъ всемогущимъ изреченіемъ, но доказываетъ необходимость сего правленія для неизмѣримой имперіи. Только единая, нераздѣльная, державная воля можетъ блюсти порядокъ и согласіе между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Волѣ, управляющей вселенной; только она можетъ имѣть сіе быстрое, свободное исполненіе, необходимое для пресѣченія всѣхъ возможныхъ беспорядковъ; всякая медленность произвела бы несчастныя слѣдствія (9, 10, 11 *). Здѣсь примѣры служатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ“, говоритъ Карамзинъ ужъ отъ себя. „Сограждане! Римъ, котораго именемъ цѣлый міръ назывался, въ единомъ самодержавіи Августа нашель успокоеніе послѣ всѣхъ ужасныхъ мятежей и бѣдствій своихъ. Что видѣли мы въ наше время? Народъ многочисленный на развалинахъ трона хотѣль повелѣвать самъ собою: прекрасное зданіе общественнаго благоустройства разрушилось; неописанныя несчастія были жребіемъ Франціи, и сей гордый народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, проклиная десятилѣтнее заблужденіе, для спасенія политическаго бытія своего вручаетъ самовластіе счастливому корсиканскому воину. Не затѣмъ оставилъ чловѣкъ дикіе лѣса и пустыни; не затѣмъ построилъ великолѣпныя грады и

*) Сіи числа означаютъ отдѣленія „Наказа“. (Примѣч. Карамз.).

цвѣтуція села, чтобы жить въ нихъ опять, какъ въ дикихъ лѣсахъ, не знать покоя и вѣчно ратоборствовать не только со внѣшними непріятелями, но и съ согражданами: что же другое представляетъ намъ исторія республикъ? Видимъ ли на семъ бурномъ морѣ хотя единый мирный и счастливый островъ? Мое сердце не менѣе другихъ воспламеняется добродѣтелю великихъ республиканцевъ,—но сколь кратковременны блестящія эпохи ея! Сколь часто именемъ свободы пользовалось тиранство, и великодушныхъ друзей ея заключало въ узы!.. Или людямъ надлежитъ быть ангелами, или всякое многосложное правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ волей, будетъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ нечастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей... Сограждане! признаемъ во глубинѣ сердецъ благодѣтельность монархическаго правленія, и скажемъ съ Екатериною: «Лучше повиноваться законамъ подъ единымъ властелиномъ, нежели угождать многимъ» (12). «Предметъ самодержавія», вѣщаетъ она, «есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ величайшему благу» (13)“.

Еще прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію „Наказа“, Карамзинъ указалъ на заботы императрицы о правдѣ въ судахъ и о защитѣ собственности; теперь онъ, слѣдуя порядку изложенія въ самомъ „Наказѣ“, говоритъ о гуманномъ взглядѣ Екатерины на наказанія и о допущеніи ею значительной свободы печати, и такъ передаетъ 484 параграфъ „Наказа“: „излишняя строгость (цензуры) будетъ угнетеніемъ разума, производитъ невѣжество, отнимаетъ охоту писать и гаситъ дарованія ума“. Далѣе авторъ „Слова“ поддерживаетъ мысль „Наказа“ о необходимости простой и ясной редакціи законовъ, и затѣмъ останавливается на требованіи его предупредить преступленія. „Екатерина не довольствуется тѣмъ, чтобы всѣ возможныя преступленія въ обществѣ были судимы и наказываемы по ихъ истинной важности: она желаетъ отвратить зло. Солоны и Ликурги временъ грядущихъ! внимайте словамъ ея: «Хотите ли предупредить злодѣянія? сдѣлайте, чтобы законы благодворили равно всѣмъ гражданамъ; чтобы люди страшились только законовъ и ничего болѣе не страшились; чтобы законы уничтожали только бѣдственную свободу вредить ближнему; награждайте добродѣтель, просвѣщайте людей, усовершенствуйте воспитаніе!» (243—249)“. И Карамзинъ переходитъ къ изложенію взгляда Екатерины на воспитаніе. „Просвѣщеніе требуетъ хорошаго воспитанія (348). Оно должно быть дво-

якое: нравственное воспитаніе челоѣка, общее во всѣхъ странахъ, и политическое воспитаніе гражданина, различное по образу правленій. Религія, любовь къ добродѣтели, къ трудамъ, къ порядку, чувствительность къ несчастію ближнихъ, разсудительность или повиновеніе сердца уму—принадлежитъ къ первому; любовь къ отечеству, къ его учрежденіямъ и всѣ свойства, нужныя для ихъ цѣлости, входятъ во второе (351—352). Каждое особенное семейство должно быть управляемо примѣромъ большого семейства (349), которое есть государство. «Хотя въ пространной имперіи общественное или народное воспитаніе невозможно, однакожь законодатель долженъ предписать нѣкоторыя правила, которыя могли бы служить по крайней мѣрѣ совѣтомъ для родителей» (350)“.

Авторъ „Слова“ обращаетъ вниманіе и на статью „Наказа“ о налогахъ. „Монархія желаетъ облегчить сію необходимость для народа и предписываетъ законодателю искать новыхъ, удобнѣйшихъ способовъ для раздѣленія налоговъ, сравнивая ихъ съ легкими парусами, долженствующими ускорять плаваніе корабля, а не бременить его (601). Самое же вѣрнѣйшее средство умножить государственное богатство есть умножить народъ и привести въ цвѣтущее состояніе земледѣліе, ремесла, торговлю, художества, науки (603—618)“.

Далѣе Карамзинъ обращаетъ особенное вниманіе читателя его „Слова“ на слѣдующія мысли „Наказа“, называя ихъ „гласомъ судьбы, открывающей намъ причину государственныхъ бѣдствій“.

«Имперія близка къ своему паденію, какъ скоро повреждаются ея начальныя основанія; какъ скоро измѣняется духъ правленія, и вмѣсто равенства законовъ, которые составляютъ душу его, люди захотятъ личнаго равенства, несогласнаго съ духомъ законнаго повиновенія; какъ скоро перестанутъ чтить государя, начальниковъ, старцевъ, родителей. Тогда государственныя правила называются жестокостію, уставы—принужденіемъ, уваженіе—страхомъ... (502—566)... Самодержавство разрушается, когда государи думаютъ, что имъ надобно изъявлять власть свою не слѣдованіемъ порядку вещей, а премѣною онаго, и когда они собственныя мечты уважаютъ болѣе законовъ (510—511). Самое вышнее искусство монарха состоитъ въ томъ, чтобы знать, въ какихъ случаяхъ должно ему употребить власть свою: ибо благополучіе самодержавія есть отчасти кроткое и снисходительное правленіе. Надобно, чтобы государь только ободрялъ, и чтобы одни законы угрожали (513—515). Несчастливо то государство,

въ которомъ никто не дерзаетъ представить своего опасенія въ разсужденіи будущаго, не дерзаетъ *свободно объявить своего мнѣнія* (517). Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые безпрестанно твердятъ земнымъ владыкамъ, что народы для нихъ существуютъ. Но *Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы живемъ для нашего народа*. Сохрани Боже, чтобы по совершеніи сего законодательства, какой-нибудь народъ на землѣ былъ счастливѣе російскаго! Тогда не исполнилось бы намѣреніе нашихъ законовъ—несчастіе, до котораго Я дожить не желаю» (520) “.

Приведя эти слова императрицы, авторъ „Слова“ говоритъ: „Я лобызаю державную руку, которая, подѣ божественнымъ вдохновеніемъ души, начертала сіи священныя строки! Какой монархъ на тронѣ дерзнулъ—такъ, *дерзнулъ* объявить своему народу, что слава и власть вѣнценосца должны быть подчинены благу народному; что не подданные существуютъ для монарховъ, но монархи для подданныхъ?“ Затѣмъ Карамзинъ напоминаетъ, что „Наказъ“ долженъ былъ служить Аріадниною нитью для депутатовъ, но „Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства“ и „рѣшилась сама быть законодательницею Россіи“. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе и оцѣнка различныхъ мѣръ императрицы: Учрежденія для губерній, установленія судебного производства, Дворянской опеки, Сиротскаго суда, Устава благочинія, Городового положенія и др.

Третья часть „Слова“ исчисляетъ и оцѣниваетъ различныя „благодѣтельныя учрежденія“ Екатерины: воспитательныя и сиротскіе дома, институтъ при Воскресенскомъ монастырѣ, Академію художествъ, Медицинскую коллегію, оспопрививаніе, городскія училища и др. Авторъ „Слова“ не забылъ, конечно, указать и отношеніе императрицы къ словесности и писателямъ. „Словесность“—говоритъ онъ—„была предметомъ особеннаго благоволенія и покровительства Екатерины, ибо она знала ея сильное вліяніе на образованіе народа и счастіе жизни“. Екатерина, по выраженію Карамзина, была музою для русскихъ писателей ея времени, вдохновляла ихъ и указывала имъ новые предметы, вредные пороки общества, которые должны осмѣивать Таліи.— Тутъ нельзя не привести слѣдующей замѣтки Погодина, относящейся болѣе всего къ только что разсмотрѣнному мѣсту „Слова“: „Къ чести Карамзина надо припомнить, что онъ здѣсь (въ „Словѣ“) совершенно забылъ несправедливость покойной госу-

дарыни въ отношеніи къ нему самому, или объяснилъ ее безпристрастно естественностію ея подозрѣній, тѣми тревожными обстоятельствами и опасеніями, среди которыхъ она провела послѣдніе годы своей жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ умѣлъ возвыситься надъ личностями, частностями и мелочами“ ⁶⁶).

Исчисливъ „благодѣтельныя учрежденія“ императрицы, авторъ останавливается на чертахъ ея характера—и вотъ что онъ хвалитъ въ ней: „Геройская ревность къ добру соединялась въ Екатеринѣ съ рѣдкимъ проицаніемъ, которое представляло ей всякое дѣло, всякое начинаніе въ самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ... Она знала Россію, какъ только одни чрезвычайныя умы могутъ знать государство и народъ; знала даже мѣру своимъ благодѣяніямъ: ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа. Истина печальная, но опытомъ доказанная! Такъ, самое пламенное желаніе осчастливить народъ можетъ родить бѣдствія, если оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія... Душа Екатерины была тверда, мужественна, истинно геройская. Небо, какъ бы единственно для славы ея, нѣсколько разъ помрачало тучами горизонтъ Россіи въ царствованіе великой монархини, чтобы она, презирая бури и громы, могла указать народамъ крѣпость души своей“. Тутъ авторъ напоминаетъ о томъ времени, когда Россія „сражаясь съ сильнымъ внѣшнимъ непріателемъ, видѣла язву, смерть, волненіе въ стѣнахъ московскихъ, и скоро послѣ—безумный, яростный бунтъ“, и говоритъ, что все-таки рѣшительная твердость Екатерины „принудила всѣ кабинеты въ нѣкоторомъ смыслѣ зависѣть отъ нашей монархини“.—„Но великая въ герояхъ“—говоритъ онъ затѣмъ—„сохранила на тронѣ нѣжную чувствительность своего пола, которая вступалась за несчастныхъ, за самыхъ винныхъ; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала всѣ приговоры суда, и служила совершеннѣйшимъ образцомъ той высокой добродѣтели, которую могутъ имѣть одни Небеса и государи: милосердія!... Но Екатерина чувствительная вѣдала ту черту, которая отдѣляетъ небесную добродѣтель отъ слабости: не преступала ея, и царскимъ долгомъ побѣждала нѣжность своего сердца“.

Заканчивается „Слово“ такимъ обращеніемъ—сперва къ монархамъ, а затѣмъ къ согражданамъ: „О монархи міра! Екатерина и жизнь и смертью своею служила вамъ примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ! и, видя, съ какимъ умиленіемъ, съ какою трогательною любовію донинѣ говорятъ

россіяне о Великой, будьте увѣрены, что народы чувствительны и благодарны противъ царей добродѣтельныхъ, и что память ваша, если вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ вовѣкъ священной. И самаго недостойнаго государя хвалятъ, когда онъ держитъ въ рукѣ скипетръ: ибо его боятся; или гнусные льстецы хотятъ награды; но когда сей скипетръ изъ руки выпадетъ, когда монархъ платитъ дань общему року смертныхъ: тогда внимайте гласу истины, которая, повелѣвая умолкнуть страстямъ, надеждѣ и страху, опершись рукою на гробъ царя, произноситъ свое рѣшеніе: и вѣки повторяютъ его! Не въ чертогахъ царскихъ обнаруживается чувство народное: о всякомъ монархѣ кто-нибудь изъ царедворцевъ искренно проливаетъ слезы; нѣтъ, оно явно только на стогнахъ града, въ тихомъ жилищѣ семействъ, отъ двора удаленныхъ, и въ хижинѣ мирнаго трудолюбія: если въ нихъ сердечная признательность не оплакиваетъ смерти государя, то онъ не царствовалъ для народнаго счастья!

„Сограждане! Какимъ торжествомъ для добродѣтелей монархини и для вашей святой благодарности были первыя слова юнаго самодержца, который, восходя на престолъ Россіи, и желая объявить волю свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только: *Я буду царствовать по сердцу и законамъ Екатерины Великой!*... Великой! повторила вся Россія.—Симъ обѣтомъ онъ почтилъ и память ея, и вашу признательную къ ней любовь; вы разумѣли его—и утѣшились! Но благодворенія новыя не охлаждають въ сердцѣ нашемъ признательности къ дѣламъ Екатерины; мы воспоминаемъ ихъ съ любовію, читаемъ мудрые законы ея съ удивленіемъ, и въ восторгѣ чувствительности взираемъ на небо, гдѣ око смертнаго ищетъ всегда безсмертныхъ... Намъ кажется, что священный духъ монархини, въ образѣ генія хранителя Россіи, и тамъ не престаетъ заниматься нашимъ отечествомъ; намъ кажется, что мы внимаемъ небесному гласу Екатерины: «О россіяне! вы, которые были столь любезны моему сердцу; которыхъ счастье было моимъ счастьемъ; на которыхъ взирала Я съ радостію матери, видящей благоденствіе дѣтей своихъ! если Я обогатила Россію новыми предѣлами и народами, украсила чело ваше пальмою побѣды; гремѣла въ трехъ частяхъ міра и славилась вами: то слава моя была мнѣ залогомъ вашей силы и безопасности; желая, чтобы міръ васъ страшился, я хотѣла единственно того, чтобы вы могли никого не страшиться. Если мои законы ограничиваютъ природную вольность человѣка, то будьте увѣрены, что я пожертвовала частію свободы только единой цѣлости гражданскаго

порядка, и предпочла независимости вашей одно ваше благополучіе; не даровала вамъ тѣхъ однихъ правъ, которыя могли быть для васъ вредными. Я просвѣщала васъ, россияне! слѣдственно не хотѣла угнетать человѣчества. И если мое царствованіе не воз вело еще Россіи на высочайшую степень народнаго блаженства: то помните, что власть государя не есть всемогущество небесное, котораго воля есть уже совершеніе; помните, что имперіи цвѣтутъ вѣками, и что Провидѣніе требуетъ отъ царей только возможнаго блага. Но я указала вамъ великую цѣль: теките къ ней, осѣненные моими лаврами, путеводимые моими законами! И когда всѣ народы земли будутъ завидовать вашей долѣ; когда имя россиянина будетъ именемъ счастливѣйшаго гражданина въ мірѣ: тогда исполнятся тайные обѣты моего сердца; тогда вы узнаете, что я хотѣла, но чего не могла сдѣлать; и признательность ваша почтитъ равно и дѣла мои и мою волю: единая награда, къ которой добрые монархи могутъ быть чувствительны и по смерти своей!»

Не трудно замѣтить, что „Слово“ Карамзина имѣло прямою цѣлью—съ одной стороны—поддержать въ императорѣ Александрѣ его гуманныя и либеральныя стремленія; насколько они не касались вопроса о формѣ правленія, а съ другой—удержать его отъ желанія измѣнить завѣтъ Екатерины относительно самодержавія.

Мы уже говорили, что русское общество Александровской эпохи раздѣлялъ на партіи (хотя и далеко не равныя по величинѣ) между прочимъ именно вопросъ о формѣ правленія. Карамзинъ, какъ авторъ „Похвальнаго слова императрицѣ Екатеринѣ“, расходился съ тогдашними либералами какъ-разъ въ этомъ вопросѣ. Въ остальномъ онъ желалъ того же, чего и они желали. Послѣднее признается и тѣми его критиками, которые вообще не относятся къ нему дружелюбно. Такъ напр. Пыпинъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что Карамзинъ стоялъ за просвѣщеніе, за правленіе, основанное на законахъ, за свободу слова и печати,—говоритъ: „по тѣмъ общественно-политическимъ мнѣніямъ, которыя онъ хотѣлъ тутъ (въ „Словѣ“) высказать, мы находимъ у него тотъ же общій тонъ, какимъ говорили наиболѣе либеральные люди того времени, и какимъ говорили совѣтники Александра.“⁶⁷)—Что же касается до формы правленія, то Карамзинъ въ своемъ „Словѣ“ уже прямо и ясно высказывается за самодержавіе, но, подобно кн. Безбородко, понимаетъ его отнюдь не въ смыслѣ восточнаго деспотизма. Кояловичъ по этому поводу замѣчаетъ („Ист. рус. самосозн.“, 179): „Карамзинъ понималъ

самодержавіе не въ смыслѣ азіатскаго или папскаго абсолютизма, а въ той своеобразной формѣ, въ какой оно развивалось и развивается только въ Россіи. Онъ признавалъ его совмѣстимымъ и съ строгою законностію и съ широкою гражданскою свободою, и въ особенности съ свободою мнѣнія, слова“. Карамзинъ, очевидно, и написалъ свое „Слово“ для того, чтобы указать на возможность такой совмѣстимости.

Литературная сторона „Слова“ оцѣнена Погодинымъ такъ: „Лира настроена была Карамзинымъ на высокій ладъ, и языкъ его въ этомъ сочиненіи возвышается вмѣстѣ съ предметомъ. Это уже не языкъ „Писемъ р. путешественника“ и прочихъ произведеній его молодости: языкъ Похвального слова, вмѣстѣ съ Мареою Посадницею, составляетъ переходъ къ Исторіи, возбуждаетъ новыя надежды на развитіе автора и служитъ доказательствомъ его разнообразныхъ способностей. Вы слышите истиннаго оратора, который переходитъ отъ силы въ силу, и начинаетъ говорить со властію.—Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями. По этому простому и ясному чертежу Карамзинъ на нѣсколькихъ страницахъ представляетъ полное обозрѣніе ея царствованія въ картинѣ истинно великолѣпной. Надо удивляться его умѣнью выбирать главныя, существенныя черты изъ множества подробностей, его искусству представлять ихъ въ образахъ привлекательныхъ, соблюдать соразмѣрность въ частяхъ; первое отдѣленіе — о войнахъ — не представляло особыхъ трудностей для таланта, давая краски, такъ сказать, готовые; но второе и третье, по сухости предмета, по множеству составныхъ частей, ихъ относительной неизвѣстности, требовали усилій необыкновенныхъ: поддержать занимательность, упростить, сдѣлать доступнымъ для всѣхъ содержаніе—и авторъ вышелъ изъ своего труднаго положенія со славою“ ⁶⁸).

III. Продолженіе біографическихъ свѣдѣній о Карамзинѣ.

1. Московскій періодъ его жизни (1801-1815).

Карамзинъ продолжалъ жить въ Москвѣ. Мы уже знаемъ, каково было его настроеніе въ царствованіе Павла ⁶⁹). Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра оно измѣнилось. Всѣ ожили—ожилъ и Карамзинъ. Оживленію его не мало способствовала явившаяся возможность свободно дѣйствовать на

литературномъ поприщѣ. Онъ еще до этого момента, какъ тоже знаемъ, обращалъ вниманіе на Россію и интересовался ею. Теперь пробужденіе ея къ новой жизни заставило его еще больше заинтересоваться вопросами, касающимися Россіи—и вотъ онъ выражаетъ свои мысли и чувства сперва въ двухъ своихъ уже извѣстныхъ намъ одахъ, затѣмъ въ „Похвальномъ словѣ императрицѣ Екатеринѣ“, и вмѣстѣ съ этимъ задумываетъ приняться за изданіе журнала, но уже не исключительно литературнаго, а—литературно-политическаго, съ отдѣломъ и для публицистики. Журналъ этотъ—„Вѣстникъ Европы“. Цѣль и желанія издателя выражены имъ въ первой книгѣ журнала: „Сколь благородно, сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ россійскій, развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ со благомъ другихъ людей!“—„Вѣстникъ Европы“ издавался Карамзинымъ два года (1802—1803) и выпускался отдѣльными номерами, по два номера въ мѣсяцъ. Въ этомъ журналѣ издатель затрогивалъ много различныхъ современныхъ вопросовъ, какъ изъ области внутренней жизни Россіи, такъ и изъ области внѣшнихъ политическихъ событій. По общему почти отзыву критики, „Вѣстникъ Европы“ Карамзина вполне соответствовалъ той важной цѣли, съ какой было предпринято его изданіе. Важнѣйшими статьями были статьи самого издателя, много и неумоимо трудившагося для своего журнала.

Вмѣстѣ съ переменной настроенія произошла переменна и въ семейной жизни Карамзина: въ томъ же 1801 г. онъ женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, родной сестрѣ Н. И. Плещеевой, дѣвушкѣ, которую зналъ и любилъ нѣсколько лѣтъ—и теперь чувствовалъ себя довольнымъ и счастливымъ, о чемъ можно заключать по слѣдующимъ строкамъ стихотворенія: „Къ Эмилиі“ (1802), въ которомъ онъ обращается къ своей женѣ:

... душа моя полна
Любовію святой, блаженствомъ и тобою...

... сильнѣйшія слова

Не могутъ выразить сердечныхъ наслажденій,
Которыя во всемъ съ тобою нахожу.

Блаженство предо мной: я на тебя гляжу!

Считаю радости свои числомъ мгновеній...

Но счастье было непродолжительно.—Мы останавливаемся на этой семейной сторонѣ жизни Карамзина потому, что она

имѣла нѣкоторую долю вліянія на него, какъ писателя. Въ чемъ дѣло—сейчасъ увидимъ.

Въ 1802 г. (въ мартѣ) у Карамзина родилась дочь—Софья. Эта радость была вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ грядущаго горя: Елизавета Ивановна, слабая здоровьемъ и прежде, не могла поправиться—и въ апрѣлѣ скончалась. По письмамъ Карамзина къ брату ⁷⁰⁾ мы можемъ судить о степени его страданій во время болѣзни жены и о тоскѣ его послѣ ея смерти. Эти душевныя страданія произвели окончательный переворотъ въ философскихъ воззрѣніяхъ Карамзина: послѣдователь оптимизма становится его противникомъ. Подробное объясненіе происшедшаго переворота даетъ Галаховъ ⁷¹⁾; но, принимая его объясненіе въ цѣломъ, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ одной частности. Безспорно, что Карамзинъ былъ послѣдователемъ оптимизма потому, что эта гипотеза была въ его время распространена въ европейской литературѣ; безспорно, что онъ былъ послѣдователемъ оптимизма еще болѣе потому, что гипотеза эта, разрѣшая философскіе вопросы, увлекала его своею стройностью: она вѣдь объясняла всѣ явленія не только въ сферѣ жизни отдѣльной личности, но и въ сферѣ жизни всего міра физическаго и всего міра нравственнаго. Безспорно, конечно, и то, что оптимистическая гипотеза можетъ удовлетворять человѣка лишь въ томъ случаѣ, если его собственная, личная жизнь течетъ при благопріятныхъ, счастливыхъ условіяхъ: она можетъ плѣнять лишь счастливица, и слишкомъ сурова она для человѣка, переживающаго свои бѣды и горести. „Оптимизмъ“—говоритъ Галаховъ—„предполагаетъ всеобщую красоту и всеобщее благо при многочисленныхъ несовершенствахъ отдѣльныхъ явленій: онъ выступаетъ не только, какъ противорѣчіе личной жизни, но и какъ насмѣшка надъ ея страданіями въ минуты живѣйшей ея боли. Онъ одѣваетъ міръ въ праздничное платье, сшитое изъ траурныхъ одеждъ людей, живущихъ въ этомъ мірѣ. Онъ, подобно поэту, приглашаетъ равнодушную природу сіять вѣчною красотою предъ лицомъ могилъ; но человѣку живому нѣтъ возможности ни быть самому равнодушнымъ ни утѣшаться равнодушіемъ другихъ“. Вѣренъ, разумѣется, и сдѣланный Галаховымъ выводъ относительно Карамзина: гипотеза, какъ основное убѣжденіе, обнимающее собою всѣ явленія физическаго и нравственнаго міра, могла сохранять для него свою достовѣрность лишь до тѣхъ поръ, пока жизнь не потекла вопреки ей. Но едва ли можно согласиться съ авторомъ цитируемой статьи, когда онъ происшедшій въ Карамзинѣ переворотъ признаетъ

неожиданнымъ. Еще въ „Посланиі къ Дмитріеву“ Карамзинъ говорилъ, что „зло подь солнцемъ безконечно“, и свѣтъ называлъ „мрачнымъ“, а въ „Посланиі къ Плещееву“ называлъ его „жилищемъ немногихъ благъ и многихъ бѣдъ“. Устами Мелодора онъ сказалъ, что въ здѣшнемъ мірѣ—„капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ“. Правда, что это все-таки не мѣшало ему опять и опять обращаться за утѣшеніемъ къ оптимизму, какъ къ теоріи, которая была имъ усвоена при счастливыхъ обстоятельствахъ его юности, и которая съ перваго же раза такъ увлекла его, очаровала; но все же переживаемыя ощущенія личныхъ горестей должны были оставлять въ душѣ свой слѣдъ и постепенно готовить возможность разрушенія излюбленной гипотезы. Въ 1798 г. Карамзинъ, какъ мы видѣли, уже прямо жалуется на то, что „жизнь течетъ вопреки всѣмъ прекраснымъ теоріямъ мудрости“ ⁷²⁾. Нуженъ былъ еще одинъ сильный ударъ, чтобы въра въ принятую гипотезу разрушилась—и вотъ ударомъ этимъ явилась смерть любимой супруги. Карамзинъ отвернулся отъ оптимизма, и замѣнилъ его новымъ взглядомъ на жизнь. Этотъ новый взглядъ изложенъ имъ въ разсужденіи: „О счастливейшемъ времени жизни“ (1803).

Разсужденіе начинается рядомъ возраженій противъ оптимизма, возраженій, основанныхъ на тѣхъ данныхъ, которыя доставляетъ человѣку собственное его чувство, опытъ его личной жизни. На основаніи этихъ данныхъ Карамзинъ прежнее воззрѣніе, что люди сотворены ко счастью, что въ мірѣ все благо, замѣняетъ новымъ: *вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки, и здѣшній міръ есть училище терпѣнія*. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Карамзинъ:

„Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость ⁷³⁾; однакожь не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство“.

„Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія природы и всѣ феномены ея для насъ благотворны. Въ общемъ планѣ—можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума; философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для чело-вѣка снять завѣсы съ дѣлъ своихъ, и догадки наши никогда не

будутъ имѣть силы удостовѣренія.—Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, *здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія*. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе чловѣка есть его паденіе или наказаніе: *сіе преданіе основано на чувствѣ сердца*. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастье, столь рѣдкое, омрачается мыслию, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ. Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки“.

Но выводъ, къ которому Карамзинъ пришелъ на основаніи жизненнаго опыта, не привелъ его ни къ отчаянію ни къ унынію, такъ какъ выводъ этотъ не довелъ его до отрицанія возможности для чловѣка хорошо себя чувствовать и „въ училищѣ терпѣнія“. Въ этомъ училищѣ не все одного и того же качества: есть сравнительно и худшее и лучшее. Большая или меньшая доля лучшаго, удѣляемая чловѣку его судьбою, или обстоятельствами, опредѣляетъ его сравнительное же счастье. Эту мысль Карамзинъ выражаетъ слѣдующимъ сжатымъ образомъ:

„Однакожъ слова: *благо* и *счастье* справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другого—вотъ благо! одному лучше, нежели другому—вотъ счастье!“

Если счастье въ здѣшнемъ мірѣ лишь сравнительное, то самъ собою возникаетъ вопросъ: при какихъ же условіяхъ чловѣкъ наиболѣе счастливъ? А такъ какъ счастье, по новому взгляду Карамзина, опредѣляется большею или меньшею долею лучшаго, то вѣдь его можно опредѣлять и обратно: большею или меньшею долею худшаго. Слѣдовательно вопросъ о томъ, при какихъ обстоятельствахъ чловѣкъ бываетъ наиболѣе счастливъ, равносильнъ вопросу: при какихъ обстоятельствахъ онъ бываетъ наименѣе несчастливъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, Карамзинъ говоритъ, что чловѣкъ бываетъ наиболѣе счастливъ (или иначе: наименѣе несчастливъ) въ тѣ годы, когда тѣлесныя силы его еще не начали замѣтно слабѣть, а душевныя находятся въ періодѣ полной зрѣлости, вслѣдствіе чего жизнь его пріобрѣтаетъ „общій характеръ *благоразумія*“. Эту мысль Карамзинъ развиваетъ такъ:

„Какую же эпоху жизни можно назвать *счастливейшею по сравнению?*—Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человекъ не есть *только* животное), но—*последнюю степень физической зрѣлости*—время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ установленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашается съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій *характеръ благоразумія*. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе передъ началомъ увяданія“.

„Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человека. Если бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклонясь отъ путей природы,—то она не могла бы своими удовольствіями замѣнить для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнить ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человекъ за тридцать пять лѣтъ, безъ сомнѣнія, не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе“.

„Въ сіе время люди по большей части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; *живемъ дома*, живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности — обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе... Поля, нашими трудами обогащенныя, садикъ, нами обработанный, земледѣльцы, насъ благодарящіе, лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя—радуютъ мирную душу опытнаго человека болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ

лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина... Такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть природы; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія!... Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самага избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ: человекъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду“.

„Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній... Ясный взоръ на міръ открываетъ истину, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая справедлиное, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолубіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!“

Разсужденіе заканчивается заключеніемъ, исполненнымъ искреннимъ элегическимъ чувствомъ, вполне соответствующимъ основной мысли и указывающимъ на то горестное событіе въ жизни автора, которое вызвало окончательный переворотъ въ его философскихъ воззрѣніяхъ.

„Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастья: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ—но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановись!* если бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!*“

Но мы должны замѣтить, что утрата вѣры въ оптимистическую гипотезу, произведя переворотъ въ философскихъ воззрѣніяхъ Карамзина, нисколько не отозвалась ни на нравствен-

ныхъ ни на политическихъ его взглядахъ: разрушилась самая система оптимизма, но тотъ духъ, въ которомъ послѣдователи этого ученія воспитывали Карамзина совмѣстно съ Шаденомъ и Новиковскимъ кружкомъ, остался: Карамзинъ попрежнему говорилъ о добродѣтели, о просвѣщеніи, объ усовершенствованіи въ чело-вѣкѣ „человѣка“; попрежнему стоялъ за монархію и попрежнему не любилъ крутыхъ переворотовъ въ государственной жизни, предпочитая имъ мирный путь просвѣщенія. Съ политическими его взглядами намъ еще придется встрѣчаться; для характери-стики же нравственныхъ его воззрѣній и его душевнаго настро-енія приведемъ нѣсколько фактовъ теперь же.

Въ томъ же 1803 г. Карамзинъ написалъ стихотвореніе, въ которомъ, олицетворяя добродѣтель въ живомъ образѣ, онъ вы-сказываетъ свое отношеніе къ ней и выражаетъ пожеланіе, чтобы дочь его была воплощеніемъ добродѣтели—добродѣтели, которая и *безъ счастья* (понимаемаго уже въ смыслѣ, разъясненномъ въ разсужденіи: „О счастливейшемъ времени жизни“) можетъ быть для чело-вѣка *вѣрнымъ наслажденіемъ*. Стихотвореніе это такъ и названо: „Къ Добродѣтели“.

О Ты, которая была
 Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
 Душѣ моей всегда мила
 И сердцу съ юности извѣстна!
 Вхожу въ святилище Твое;
 Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
 Твой жертвенникъ уединенный!
 Одно усердіе мое
 Даетъ мнѣ право не чуждаться
 Твоихъ священныхъ алтарей,
 И въ пламенной душѣ моей
 Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!
 Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
 Не сыпалъ злата я на блѣдныхъ:
 Мнѣ злата не дано судьбой;
 Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
 Не могъ безъ грусти замѣчать;
 Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
 И жалобамъ его священнымъ
 Любилъ съ прискорбіемъ внимать;
 Любилъ суды правдивы Рока,
 Невинныхъ, добрыхъ торжество.
 „Есть гробъ, безсмертье, Божество!“
 Я мыслилъ, видя тронъ порока...
 Я былъ игралищемъ страстей,
 Родясь съ чувствительной душою:

Ихъ огонь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ Твой:
Прости!... Ахъ! лѣта заблужденій
Текутъ стезею огорченій:
Намъ страшень въ младости покой,
И терніемъ любезны розы!...
Я жертвой, не тираномъ былъ,
И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слезы!

Не совѣстью, одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Виновный только предъ собой,
Сквозь слезы часто улыбался!
Когда же, сердцемъ увлечень,
Не помнилъ я, въ восторгахъ страсти,
Твоей, о Добродѣтель, власти,
И, блескомъ счастья ослѣпленъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый:
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить Тебя—
И нарушать Твои уставы!

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мели;
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ отеческимъ брегамъ,
И взоръ его нетерпѣливый
Уже открылъ сей край счастливый;
Онъ мыслить радостно: „я тамъ!...“
Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнетъ—но въ слезахъ
Онъ нищимъ на берегъ выходитъ!

Вотъ жребій мой!... Ахъ! я мечталъ
О тихой пристани, покоѣ;
Но буря и свирѣпый валъ
Сокрыли счастье златое!
Пристанища въ семь мѣръ нѣтъ,
И насъ съ послѣднею волною,
Въ землѣ подъ гробовой доскою,
Къ себѣ червь кровоглавый ждетъ!...
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,
Или въ несчастьяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, Добродѣтель!...

Остатокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ

Къ Тебѣ дрожащими руками
Подъемлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшеньемъ,
Безъ счастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней Тебя,
Да гасну, васъ равно любя,
И милой милую вручая!

Въ письмахъ своихъ къ А. И. Тургеневу Карамзинъ высказывалъ такія мысли: ⁷⁴⁾

„Жить — есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику; все другое есть шелуха, не исключая и моихъ томовъ“.

„Чѣмъ болѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея“.

„Сухой, холодный, но умный Юмъ, въ минуту невольнаго живого чувства, написалъ: *douce paix de l'ame resignée aux ordres de la Providence!* — Даже Спиноза говоритъ о необходимости любви къ Вышнему для нашего благоденствія“.

„Мало разницы между мелочными и такъ называемыми *важными* занятіями; одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте, что и какъ можете, только любите добро, спрашивайте у совѣсти“.

„Хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ, хочу любить какъ можно болѣе; не мечтаю даже о *возрожденіи* нравственномъ: будемъ въ *середу* немного получше того, какъ мы были во *вторникъ*—и довольно для насъ лѣтнихъ“.

„Не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ найдется дѣятельность полезная. Чѣмъ менѣе другіе требуютъ ее отъ насъ, тѣмъ болѣе мы должны требовать ее отъ себя, какъ существа нравственныя“.

Въ этихъ же письмахъ къ Тургеневу встрѣчаются и такія мысли, которыя прямо противоположны прежнимъ философскимъ воззрѣніямъ Карамзина, и которыя замѣнили собою идеи разрушившагося оптимизма. Такъ напр. вмѣсто прежняго взгляда на страсти, какъ на источникъ счастья (см. „Разговоръ о счастіи“), Карамзинъ говоритъ теперь:

„Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу“.

Намъ уже извѣстно, что Карамзинъ еще въ дѣтствѣ заинтересовался исторіей: воображеніе его занимали тогда не одни

Селимы и Мирамонды, но и Сципионы и Ганнибалы. Позднѣе—въ авторѣ „Писемъ р. путешественника“ мы уже видимъ человѣка, въ значительной степени начитаннаго какъ во всеобщей, такъ и въ русской исторіи. Съ послѣдней онъ началъ знакомиться еще въ Дружескомъ обществѣ. Его первыя повѣсти—„Бѣдная Лиза“ и въ особенности „Наталья, боярская дочь“—свидѣтельствуютъ, что Карамзинъ, хотя бы и временно, но все же могъ даже увлекаться древнею Русью, идеализировать ее ⁷⁵). Скоро у него явилась и мысль приняться за изложеніе русской исторіи. Такъ, прощаясь съ публикой, какъ издатель „Московского журнала“, онъ между прочимъ сказалъ: „буду учиться—буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства (о чемъ и думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей“. ⁷⁶) Въ записной книжкѣ Карамзина за 1797 годъ мы находимъ отмѣтку, уже указывающую не только на желаніе серьезно изучить предметъ, но и на обдуманнѣйшій планъ занятій. „Если“—сказано въ этой книжкѣ—„Провидѣніе пощадитъ меня,... займусь исторіею. Начну съ Джиллиса; послѣ буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона—читать со вниманіемъ и дѣлать выписки, а тамъ примусь за древнихъ авторовъ, особливо за Плутарха“. А въ маѣ 1800 г. онъ могъ уже сказать въ письмѣ къ Дмитріеву: „Я по уши влѣзъ въ русскую исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ“. Этимъ знакомствомъ съ источниками русской исторіи и ея изслѣдователями и объясняется цѣлый рядъ историческихъ статей Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы“, напр. такихъ, какъ „Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ“, „О случаяхъ и характерахъ въ російской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художества“ и др.

Такимъ образомъ появленіе Карамзина въ качествѣ историка не было неожиданностью: исторія привлекала его къ себѣ съ самаго дѣтства—и наконецъ влеченіе къ ней взяло въ немъ перевѣсъ надъ другими интересами, и къ 1803 г. желаніе приняться за осуществленіе своей давнишней мысли почувствовалось живѣе, Карамзинъ сталъ чаще говорить о немъ—и однажды разговаривая съ Дмитріевымъ. „Такъ приступай къ дѣлу, медлить нечего“, сказалъ Дмитріевъ.—„Я человѣкъ частный“, отвѣчалъ Карамзинъ:—„безъ содѣйствія правительства не достигну желаемой цѣли; притомъ лишусь главныхъ доходовъ моихъ: шести тысячъ рублей, которые приноситъ мнѣ „Вѣстникъ Европы“.—„Ты ничего

не потеряешь, трудясь для славы отечества“, отвѣчалъ Дмитріевъ:— „пиши только въ С.-Петербургъ: я увѣренъ въ успѣхѣ“ —⁷⁷). Уступивъ убѣжденіямъ друга, Карамзинъ написалъ письмо къ товарищу министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьеву— и черезъ мѣсяцъ (31 окт.) состоялся высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось производить Карамзину, въ качествѣ *исторіографа* по 2000 р. ежегодной пенсіи. При посредствѣ того же Муравьева данъ былъ и другой указъ: исторіографу открывался свободный доступъ во всѣ архивы и библіотеки. Въ декабрѣ Карамзинъ простился со своими читателями, сдалъ продолженіе журнала другому лицу (Панкратію Сумарокову)— и, по выраженію кн. Вяземскаго „постригся въ историки“.

Отлагая до времени вопросъ о томъ, что имѣлъ въ виду Карамзинъ, какъ авторъ „Исторіи государства Россійскаго“, и какую именно долю труда пришлось ему положить на ея созданіе,—скажемъ пока только, что даже и статья Милюкова ⁷⁸) нисколько не мѣшаетъ утверждать, что исторіографу далеко не все было дано въ руки его предшественниками, и что трудъ его во всякомъ случаѣ былъ не маловажный и не легкій.

Работалъ Карамзинъ — зимой въ Москвѣ, а въ остальное время года въ селѣ Остафьевѣ (около Подольска), имѣніи князя Андрея Ивановича Вяземскаго, на дочери котораго, Катеринѣ Андреевнѣ, женился Карамзинъ 8 янв. 1804 г. Погодинъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ вспоминаетъ, какъ онъ однажды посѣтилъ Остафьево. „Огромный барскій домъ въ нѣсколько этажей возвышается на пригоркѣ; внизу, за луговиною, блещетъ обширный проточный прудъ; въ сторонѣ отъ него сельская церковь, осѣненная густыми липами. По другую сторону дома обширный тѣнистый садъ. Кабинетъ Карамзина помѣщался въ верхнемъ этажѣ, въ углу, съ окнами, обращенными къ саду; ходъ былъ къ нему по особенной лѣстницѣ.—Я былъ тамъ, въ этомъ святилищѣ русской исторіи, въ этомъ славномъ затворѣ, гдѣ 12 лѣтъ съ утра до вечера сидѣлъ одинъ одиноконекъ знаменитый нашъ труженикъ, надъ египетской работою, углубленный въ мысли о великомъ своемъ предпріятіи, съ твердымъ намѣреніемъ совершить его во что бы ни стало; гдѣ онъ, въ тишинѣ уединенія, читалъ, писалъ, тосковалъ, радовался, утѣшался своими открытіями; куда приносились къ нему любезныя тѣни Несторовъ, Сергіевъ, Сильвестровъ, Аврааміевъ; гдѣ онъ бесѣдовалъ съ ними, спрашивалъ о судьбахъ отечества, слышалъ внутреннимъ ухомъ вѣщій ихъ голосъ— и передавалъ откровенія

златыми устами своими“—⁷⁹). Подобное же почтительное отноше­ ние къ Карамзину находимъ и у многихъ другихъ нашихъ ученыхъ; но зато въ новѣйшее время раздаются и голоса враждебные, ⁸⁰) и если въ восторженныхъ отзывахъ о Карамзинѣ слышатся иногда сентиментальныя нотки, то съ другой стороны въ противоположныхъ отзывахъ подчасъ непріятно поражаетъ недостойная ученаго фельетонная игривость пера. Неприятно встрѣчать въ серьезной статьѣ такой, на­ примѣръ, тонъ ирони­ зирующаго фельетониста: „Итакъ, не историческое изуче­ ние, не разработка сырого матеріала, а художественный пересказъ данныхъ, уже извѣстныхъ,—вотъ та заманчивая задача, которая рисуется въ воображеніи будущаго историка. Изъ наличнаго историческаго матеріала—иное сократить, иное раскрасить; выкинуть неблаго­ годарную путаницу событій и остановиться на благодарныхъ эпи­ зодахъ и характерахъ, все это одушевить чувствомъ; исторія русская можетъ быть незанимательной, но это художественное произведе­ ние на мотивы русской исторіи, *составленное по этому рецен­ ту*, непременно будетъ занимательно—за это ручаются умъ, вкусъ и талантъ художника. «Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя при­ ятнымъ для ума образомъ», повторяетъ Карамзинъ ту же мысль въ своемъ предисловіи. Подъ «бѣднымъ предметомъ» надо разумѣть здѣсь русскую исторію, *а пріятно ознаменуетъ себя въ этомъ предметѣ—Исторія государства Россійскаго*“ ⁸¹).

У современниковъ своихъ Карамзинъ пользовался большимъ уваженіемъ, а для молодыхъ людей личность его бывала иногда даже обаятельна. Изслѣдователь русской исторіи К. Ѳ. Калайдо­ вичъ познакомился съ Карамзинымъ, будучи еще очень молодымъ чело­ вѣкомъ, былъ имъ обласканъ, ободренъ къ трудамъ—и вотъ какими словами вспоминаетъ онъ объ этомъ знакомствѣ въ письмѣ къ С. Н. Глинкѣ: „Много, много я обязанъ тогдашнему «Обществу исторіи и древностей россійскихъ» и достопочтенному нашему предсѣдателю Платону Петровичу Бекетову; несравненно болѣе—исторіографу Карамзину. Онъ тогда жилъ въ Москвѣ и писалъ исторію отечества. Я часто ходилъ къ нему: онъ меня любилъ, всегда укрѣплялъ на томъ пути, на который я не могъ еще стать прочною ногою. Полный любовью къ славѣ Россіи, вопрошатель и судія давно почившихъ, *окрылялъ онъ мою душу святымъ восторгомъ и къ пылу юности приливалъ огня божес­ твеннаго*“. И дѣйствительно Карамзинъ, чѣмъ больше углуб­ лялся въ отечественную исторію, тѣмъ болѣе и болѣе росла его

любовь къ Россіи, тѣмъ дороже становились ему ея интересы, и онъ въ самомъ дѣлѣ могъ „окрылять восторгомъ“ юныя души. Вотъ другое о томъ свидѣтельство—Жуковскаго. Въ своемъ „Отрывкѣ изъ письма къ И. И. Дмитріеву“⁸²⁾ (1813), поэтъ, вспоминая о домѣ Дмитріева (у Харитонія въ Огородникахъ), сгорѣвшемъ во время нашествія французовъ, и объ обществѣ, собиравшемся въ его саду, воспоминаетъ и объ одной достопримѣчательной липѣ въ этомъ саду и, обращаясь къ ней, говоритъ:

О дерево друзей!
 Сколь часто темнымъ кровомъ
 Развѣсистыхъ вѣтвей
 Ты добрыхъ осѣняло;
 Сколь часто ты внимало
 Веселымъ мудрецамъ,
 Кудрявыхъ одъ разборамъ,
 Шутливымъ, важнымъ спорамъ,
 И Пушкина⁸³⁾ стихамъ!...
 Сколь часто прохлажденный
 Сей тѣнью Карамзинъ,
 Нашъ Ливій-славянинъ,

Какъ будто вдохновенный,
 Предъ нами разрывалъ
 Завѣсу лѣтъ минувшихъ,
 И смертнымъ сномъ заснувшихъ
 Героевъ вызывалъ
 Изъ гроба передъ нами!
 Съ подъятыми перстами,
 Со пламенемъ въ очахъ,
 Подъ сѣрымъ юберрокомъ
 И въ пыльных сапогахъ,
 Казался онъ профокомъ,
 Открывшимъ въ небесахъ

Всѣ тайны ихъ священны!

Въ февралѣ 1812 г. Карамзинъ писалъ къ Тургеневу: „Готовлюсь перейти къ XVI вѣку“. Слѣдовательно событія двѣнадцатаго года застали Карамзина за работою надъ седьмымъ томомъ его „Исторіи“. Война началась, и онъ еще въ іюлѣ перебрался изъ деревни въ городъ, жену съ дѣтьми отправилъ въ Ярославль, сдавъ ей на храненіе написанную часть своего труда, а самъ, не желая служить примѣромъ робости, остался въ Москвѣ и поселился у московскаго градоначальника графа Ростопчина, который предложилъ ему жить въ его домѣ въ Сокольникахъ. Непритель приближался, Москва пустѣла съ каждымъ днемъ болѣе—и наконецъ грянулъ Бородинскій бой. Карамзинъ все не уѣзжалъ изъ города, и 27 августа писалъ брату: „Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ: для того не выѣду изъ Москвы, пока все не рѣшится. Вчера началось кровопролитнѣйшее сраженіе, и нынѣ возобновилось... Черезъ нѣсколько часовъ окажется, что Россія спасена, или она пала“. Онъ оставилъ Москву только въ тотъ моментъ, когда участь ея была ужъ рѣшена. Тогда (1 сентября) Карамзинъ отправился въ Ярославль, и оттуда съ семействомъ переѣхалъ въ Нижній. Изъ письма его къ Дмитріеву отъ 11 октября узнаемъ, что въ Нижнемъ у него явилось намѣреніе принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непри-

ятеля. „Думаю опять странствовать, но только безъ жены и дѣтей, и не въ видѣ бѣглеца, но съ надеждою увидѣть пепелище любезной Москвы. Графъ П. А. Толстой предлагаетъ мнѣ *идти* съ нимъ и съ здѣшнимъ ополченіемъ *противъ французовъ*. Обстоятельства таковы, что всякій можетъ быть полезенъ, или имѣть эту надежду. Обожаю подругу, люблю дѣтей, но мнѣ *больно смотрѣть издали* на происшествія, рѣшительныя для нашего отечества; осудишь ли меня? По тому же побужденію я и въ Москвѣ оставался. Вѣрю Провидѣнію. Не буду говорить много, хотя и съ другомъ“. Но исполненіе этого намѣренія оказалось уже не нужнымъ: обстоятельства измѣнились, и французы должны были Москву оставить. Наполеонъ, по выраженію Карамзина, „бѣжалъ зайцемъ, пришедши тигромъ“⁸⁴). Однакожъ нашъ исторіографъ все-таки пострадалъ: во-первыхъ, онъ испыталъ безденежье, такъ какъ, по труднымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, помѣстье его жены (въ Арзамасскомъ уѣздѣ) перестало давать доходъ, а во-вторыхъ—во время московскаго пожара сгорѣла его бібліотека, и сохранилось лишь то, что было въ Остафьевѣ. Грустны и трогательны его письма изъ Нижняго: „Я теперь“, говоритъ онъ, „какъ растеніе, вырванное изъ корня: лишенъ способовъ заниматься“⁸⁵)... „Не могу тронуться съ мѣста: не имѣю денегъ... Между тѣмъ боюсь *заглубить умомъ* и лишиться способности къ сочиненію. Невольная праздность изнуряетъ мою душу. Такъ угодно Богу. Авось весною найду способъ воскреснуть для моего исторіографскаго дѣла и выѣхать отсюда. Здѣсь худо для насъ, книжныхъ людей: здѣсь и Степенная книга мнѣ въ диковинку“⁸⁶)... „Грущу по своей бібліотекѣ, которую собиралъ четверть вѣка“⁸⁷)..

Наступившій 1813 годъ принесъ успокоеніе: дѣла стали улаживаться, да и къ минувшимъ событіямъ Карамзинъ могъ уже отнестись объективнѣе, взвѣсить ихъ. Въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 30 апрѣля онъ писалъ: „Не смотря на свою тоску, я съ умиленіемъ смотрю на подвиги Россіи. Мы наказаны, но спасены со славою. Отечество наше, потрясенное бурей, укрѣпится, можетъ быть, въ корнѣ своемъ на новое тысячелѣтіе“. Въ іюнѣ онъ оставилъ наконецъ Нижній и возвратился съ семействомъ черезъ Москву въ Остафьево, гдѣ ревностно принялся за продолженіе своей „Исторіи“: въ 1814 г. былъ готовъ уже седьмой томъ, а въ 1815—осьмой. Къ этому же періоду времени относится и послѣднее стихотвореніе Карамзина: событія 1814 г. вызвали въ

немъ потребность высказаться—и онъ написалъ оду: „Освобожденіе Европы и слава Александра I“, посвященную московскимъ жителямъ.

Восемь томовъ „Исторіи“ были готовы, и Карамзинъ рѣшилъ выпустить ихъ въ свѣтъ. 19 января 1816 г. онъ писалъ къ брату: „Имѣю намѣреніе ѣхать въ Петербургъ, чтобы представить государю восемь томовъ моей Исторіи... Уже не время откладывать печатаніе: старѣюсь и слабѣю“. Окончивъ всѣ приготовления, онъ написалъ предисловіе и посвятительное письмо—и собрался въ дорогу.

2. Петербургскій періодъ (1816—1826):

Приступая къ описанію петербургской жизни Карамзина, столь замѣчательной по его отношеніямъ къ императору Александру, мы должны нѣсколько возвратиться назадъ и изложить исторію начала этихъ отношеній. Но прежде всего приведемъ превосходную характеристику ихъ, данную княземъ П. А. Вяземскимъ ⁸⁸).

„Сношенія Карамзина съ императоромъ Александромъ“, говоритъ кн. Вяземскій, „принадлежатъ русской исторіи. Они придаютъ свѣтлую и отрадную страницу, которую будущій повѣствователь блестящаго и славнаго царствованія Александра долженъ непременно внести въ свою живую лѣтопись. Едва ли гдѣ въ исторіи литературы найдется что-нибудь подобное. Нерѣдко видали, что вѣнценосцы оказывали писателямъ не только покровительство, но и личную благосклонность. Видали и писателей не только вѣрноподданно-преданныхъ, но и пламенно ревнующихъ о славіи монарха своего. Но здѣсь отношенія имѣютъ совершенно особыя и исключительно имъ присвоенныя оттѣнки. Въ нихъ есть что-то умильное, чистое, теплое и возвышенное. Посреди житейскихъ суетностей, часто мелкихъ по достоинству, но сильныхъ по волненію своему,—отъ картины, которую имѣемъ подъ глазами, вѣетъ на насъ яснымъ благораствореніемъ какого-то золотого, доисторическаго вѣка“.

„Кромѣ Его (т.-е. императора Александра) любезнаго обхожденія со мною, пишетъ Карамзинъ, Онъ имѣетъ въ себѣ что-то особенно привлекательное: вижу въ Немъ болѣе челоуѣка, нежели Царя, а какъ вспомню, что это Царь, то нахожу Его еще любезнѣе“.

„Можно угадать, что и Александръ полюбилъ въ Карамзинѣ челоуѣка, и полюбилъ его тѣмъ сильнѣе, что признавалъ въ немъ и великаго писателя, что видѣлъ въ немъ одно изъ свѣт-

лыхъ достояній своего царствованія. Безошибочно можно сказать, что изъ современниковъ, изъ числа приближенныхъ къ государю,—никто не любилъ Александра такъ нѣжно, такъ искренно, такъ безкорыстно, какъ любилъ его Карамзинъ. Никто, вѣроятно, лучше его не понялъ, не оцѣнилъ прекрасныя свойства и качества его. Никто не зналъ его такъ близко, глубоко и вѣрно“...

„Царь и исторіографъ были по многимъ важнымъ вопросамъ въ явномъ противорѣчій. Тѣмъ лучше. Сіи двѣ личности именно этимъ разногласіемъ вѣрнѣе и возвышеннѣе себя обозначаютъ. Не мудрено государю любить подданнаго и собесѣдника, который во всемъ съ нимъ соглашается... Легко и подданному безусловно усвоивать себѣ воззрѣнія, мысли и мнѣнія, облеченныя высочайшею властью. Но здѣсь явленіе совершенно другое. По новизнѣ своей имѣетъ оно полное право возбуждать и привлекать къ себѣ общее любопытство и вниманіе. Вслѣдствіе этихъ противорѣчій и умственныхъ сшибокъ, Александръ и Карамзинъ, если позволено будетъ замѣтить, иногда сердились другъ на друга... Царь холоднымъ обращеніемъ выказывалъ спорнику, что онъ нисколько не убѣдилъ его, а только слегка раздражилъ. Тотъ про себя, или изрѣдка въ скромныхъ и сердечныхъ изліяніяхъ невольно и скорбно проговаривался. Онъ также оставался недоволенъ. Скажу опять: тѣмъ лучше! Эти размолвки, эти набѣгавшія тучки были не грозны и скоротечны. Благодушіе того и другого вскорѣ очищало небосклонъ, на минуту потемнѣвшій. Со стороны Карамзина, при мягкосердіи его, этотъ поворотъ къ ясной погодѣ дѣлался самъ собою. Въ самомъ пылу состязанія любящая душа его всегда сберегала слово и чувство на миръ. Въ Александрѣ это была великодушная побѣда надъ собою“...

„Въ отношеніяхъ Карамзина къ императору нельзя не замѣтить еще одного знаменательнаго обстоятельства. Удостоенный ласкою, особеннымъ благоволеніемъ, можно сказать — дружбою его, онъ не былъ никогда предметомъ, такъ сказать, вещественныхъ его благодѣяній. Онъ могъ до конца питать къ нему самобытную, безкорыстную любовь. Онъ дорожилъ сею нравственною независимостью“.

Послѣ этой характеристики, обратимся къ фактамъ, на основаніи которыхъ она и составлена.

Съ самаго же восшествія на престолъ императора Александра Карамзинъ почувалъ въ немъ чловѣка, „расположеннаго ко всякому добру“, и, какъ уже знаемъ, привѣтствовалъ его стихами, въ которыхъ выражалъ и свои чувства и свои надежды. Импера-

торъ отвѣтилъ на оду присылкой автору бриллиантоваго перстня. Тѣмъ же отвѣтилъ онъ и на вторую оду Карамзина, а за „Похвальное слово Екатеринѣ“ прислалъ ему осыпанную бриллиантами табакерку. Мы уже знаемъ со словъ Шторха ⁸⁹⁾, что подобные подарки Александра литераторамъ были вовсе не рѣдкостью, а потому и въ данномъ случаѣ они не представляли собою еще ничего исключительнаго. Ими пока и ограничились сношенія государя съ Карамзинымъ, и только много лѣтъ спустя, въ концѣ 1809 года, произошла личная встрѣча съ нимъ Александра. Это было на балѣ въ Москвѣ, куда императоръ пріѣзжалъ на нѣкоторое время вмѣстѣ съ великой княгиней Екатериной Павловной. Государь привѣтливо разговаривалъ съ исторіографомъ, а великая княгиня осыпала его ласками и пригласила его къ себѣ въ Тверь, куда онъ и поѣхалъ, пробылъ тамъ шесть дней и читалъ по вечерамъ свою „Исторію“ хозяйкѣ и ея брату—Константину Павловичу. Вскорѣ послѣ этого исторіографъ получилъ присланную ему при орденѣ св. Владимира 3-й ст. грамоту, въ которой говорилось: „Отличныя познанія и усердіе ваше къ распространенію россійскихъ изящныхъ письменъ и словесности, наипаче же труды, употребляемые вами въ изысканіяхъ и составленіи отечественной нашей исторіи, обращаютъ на васъ особенное Наше вниманіе“...

Поѣздки Карамзина въ Тверь повторялись. Въ одну изъ нихъ—въ декабрѣ 1810 г.—разговоръ коснулся состоянія Россіи и новыхъ правительственныхъ преобразованій. Карамзинъ откровенно высказалъ свое мнѣніе—и оказалось, что Сперанскому онъ не сочувствовалъ. Великая княгиня просила Карамзина изложить свои мысли на бумагѣ и желала ознакомить съ ними государя. Карамзинъ, конечно, и самъ этого желалъ, принялся за работу—и такимъ образомъ появилась знаменитая его „Записка о древней и новой Россіи“. Записка эта содержала въ себѣ критику того, что совершалось тогда во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ, и заключительныя ея слова: „Любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго, моля Всевышняго, да блюдетъ царя и царство Россійское“—показываютъ, что она предназначалась для государя. Эпиграфомъ же къ ней было избрано изреченіе изъ псалма: „Нѣсть лъсти въ языцѣ моемъ“.

„Записка“ была отвезена въ Тверь, гдѣ нѣсколько дней продолжалось ея чтеніе, прерываемое множествомъ вопросовъ. По окончаніи чтенія великая княгиня взяла ее къ себѣ.—Въ мартѣ 1811 г. императоръ посѣтилъ въ Твери свою любимую сестру и

пробылъ тамъ отъ 15 до 19 числа. Къ этому времени былъ приглашенъ великою княгинею и Карамзинъ со своею „Исторіею“, которую предполагалось читать государю. Чтеніе дѣйствительно состоялось. „Читалъ Ему свою Исторію долѣе двухъ часовъ, послѣ чего говорилъ съ Нимъ не мало—и о чемъ же? О самодержавіи!“ писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву 20 марта. „Я не имѣлъ счастья быть согласенъ съ нѣкоторыми Его мыслями, но искренно удивлялся Его разуму и скромному краснорѣчію. Сердце мое всегда влеклось къ Нему, ибо угадывало и чувствовало доброту сего рѣдкаго монарха: теперъ люблю, уважаю Его по внутреннему удостовѣренію въ красотѣ Его души“. Наканунѣ отъѣзда государя великая княгиня передала ему „Записку“; государь прочелъ—и рѣзкая критика не понравилась ему. Онъ разстался съ Карамзинымъ холодно. Но, какъ говоритъ кн. Вяземскій, эта набѣжавшая тучка была скоротечна. Каковы бы ни были убѣжденія автора „Записки“, во всякомъ случаѣ они были высказаны искренно и смѣло. Погодинъ справедливо замѣчаетъ: „Карамзинъ былъ тогда еще только литераторомъ, не представлялъ еще своей Исторіи, не находился еще на верху всероссійской славы, не приобрѣлъ европейской извѣстности, имѣлъ необходимую нужду въ добромъ мнѣніи и благоволеніи государя, даже для изданія своего труда. Это были критическія минуты въ его жизни—и онъ не убоился сказать прямо все, что чувствовалъ. Этого мало: онъ выступилъ, такъ сказать, грудью впередъ по собственному желанію, ибо *если бъ онъ не хотѣлъ говорить*, то могъ бы легко уклониться отъ предложенія великой княгини“⁹⁰). И государь вскорѣ оцѣнилъ искренность и смѣлость человѣка, не имѣющаго лести въ языцѣ своемъ, что можно видѣть уже изъ слѣдующаго его намѣренія: когда перейденъ былъ Нѣманъ, и императоръ собрался ѣхать въ Вильну, онъ хотѣлъ было назначить Карамзина государственнымъ секретаремъ, и только по особымъ обстоятельствамъ должность эта была предоставлена Шишкову: онъ, по выраженію Надлера, „русскій съ ногъ до головы“, болѣе Карамзина былъ пригоденъ для составленія тѣхъ манифестовъ, въ которыхъ государю приходилось говорить съ народомъ⁹¹).

Внимательное отношеніе двора къ Карамзину выразилось и въ слѣдующемъ фактѣ: императрица Марія Ѳеодоровна черезъ Дмитріева, бывшаго тогда министромъ юстиціи, предлагала пострадавшему послѣ двѣнадцатаго года историографу помѣщеніе въ Павловскѣ и въ Петербургѣ. Карамзинъ благодарилъ, но остался въ Москвѣ. Императрица ему отвѣчала (15 авг. 1813 г.):

„Я имѣла удовольствіе получить письмо ваше, и признаю себя обязанною Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ за поданный отъ него случай вступить въ сношеніе съ однимъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ писателей, давно мнѣ извѣстнымъ не только по изящному въ семъ званіи дарованію, но и по другимъ уваженія достойнымъ качествамъ. Я всегда желала—и теперь искренно радуюсь надеждѣ лично съ вами познакомиться, и я подтверждаю симъ данное вамъ увѣреніе, что, на все время пребыванія моего въ Павловскѣ, комнаты здѣсь въ замкѣ Бипсѣ для пріема вашего готовы и, состоя въ вашемъ распоряженіи, ожидаютъ только пріѣзда своего знаменитаго жильца“⁹²⁾... Однако выѣхать изъ Москвы Карамзину пришлось, какъ уже сказано выше, только лишь въ концѣ января 1816 года.

2-го февраля Карамзинъ вмѣстѣ съ кн. П. А. Вяземскимъ прибылъ въ Петербургъ и черезъ нѣсколько дней пріютился въ домѣ жены покойнаго М. Н. Муравьева⁹³⁾. Главною цѣлью поѣздки было представить государю свою „Исторію“ и рѣшить дальнѣйшую судьбу ея. Получая за свой трудъ ежегодную пенсію изъ Кабинета Его Величества, Карамзинъ, естественно, считалъ себя обязаннымъ представить государю результаты своего труда и вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ себя въ правѣ надѣяться, что „Исторія“ его будетъ напечатана не на частныя деньги. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ женѣ изъ Петербурга⁹⁴⁾ онъ ясно высказываетъ свой взглядъ на это дѣло. „Одинъ вельможа“—пишетъ онъ ей въ февралѣ—„вымолвилъ моему пріятелю такое слово: Карамзинъ хочетъ, чтобы казна дала деньги на печатаніе его Исторіи; но сумма велика, и, вѣроятно, что, по новымъ правиламъ экономіи, ему откажутъ... Въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ предложилъ бы ему 50 тысячъ рублей для сего дѣла.— Я радъ, что у насъ есть такіе бояре; но скорѣе брошу свою Исторію въ огонь, нежели возьму 50 т. отъ партикулярнаго человека. Хочу единственно должнаго и справедливаго, а не милостей и подарковъ“.—Карамзинъ и пріѣхалъ затѣмъ, чтобы исполнить то, что онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность, и чтобы получить то, что онъ считалъ должнымъ и справедливымъ. И то и другое зависѣло отъ государя. Но представиться ему Карамзину удалось лишь 15 марта. Томительны были для него эти сорокъ дней неизвѣстности. Не смотря на теплыя и сердечныя ласки царскаго семейства, съ членами котораго онъ въ эти дни часто видѣлся,—душа его была непокойна въ высшей степени.—1-го

марта онъ писалъ женѣ: „Мы говорили съ великой княгиней минутъ 20. Она сказала: l'Empereur parle de vous et voudra peut-être entendre encore quelques chapitres de votre Histoire. Я отвѣчалъ: Je n'ai à présent qu'une seule grâce à demander à Sa Majesté: c'est la permission de retourner à Moscou; je ne veux plus rien... Однимъ словомъ, мы разстались пристойнымъ образомъ: я сказалъ ей все, что сказалъ бы самому государю“.

Отчего же Карамзину пришлось такъ долго дожидаться свиданія съ государемъ? — Не дадутъ ли отвѣта на этотъ вопросъ слѣдующія письма Карамзина къ женѣ?

„Выслушай происшествіе“, писалъ онъ къ ней 10 марта.— „Фактотумъ графа Аракчеева... передалъ мнѣ черезъ Вельяшева, что графъ желаетъ видѣться со мною и говоритъ: «Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда — и не забросилъ даже ко мнѣ карточки!» — Вотъ, какъ судятъ люди: скромность считаютъ за грубость! Фактотумъ (по крайней мѣрѣ такъ здѣсь думаютъ) прислалъ ко мнѣ карточку и велѣлъ меня звать къ себѣ въ воскресенье на вечеръ для свиданія съ графомъ. Вообрази мое положеніе! не хочу никого оскорблять; но могу ли дать себѣ видъ пролаза? Я также отослалъ къ нему свою карточку, отвѣтствуя Вельяшеву, что мнѣ неловко ѣхать къ такому чело-вѣку, который у меня самъ не былъ. Между тѣмъ... я отвезъ карточку къ графу. Что будетъ далѣе — не знаю. Помоги намъ Богъ выпутаться... съ невинностію и честію, которыми я обязанъ моему сердцу, милой женѣ, дѣтямъ, Россіи и чело-вѣчеству!“ — На третій день послѣ отвоза карточки, Аракчеевъ прислалъ Карамзину приглашеніе. „Я“, пишетъ Карамзинъ 13 марта, „пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорили съ нѣкоторою искренностію. Я рассказалъ ему мои обстоятельства, и на вызовъ его замолвить за меня слово государю, отвѣчалъ: «Не прошу ваше сіятельство; но если вамъ угодно, и если будетъ кстати»... Онъ сказалъ: «Государь, безъ сомнѣнія, расположенъ принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь»... Графъ... даже *увѣрилъ* меня, что это откладываніе не продолжится“... И дѣйствительно оно не продолжи-лось: 16 марта Карамзинъ, полный восторга, писалъ женѣ: „Милая! Вчера въ 5 часовъ вечера пришелъ я къ государю. Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты; встрѣтилъ ласково, обнялъ и провелъ со мною часъ, сорокъ минутъ въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. Воображай, что хочешь — не вообра-

зишь всей его любезности... Я предложилъ наконецъ свои *требования*: все принято, дано, какъ нельзя лучше: на печатаніе 60 тысячъ, и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь, въ Петербургѣ, весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ селѣ; право быть искреннимъ и проч.“.

Такимъ образомъ такъ долго ожидаемое Карамзинымъ рѣшеніе судьбы его „Исторіи“ наконецъ состоялось, и если, на основаніи приведенныхъ его писемъ, сдѣлать предположеніе, что исполненіе желанія государя принять исторіографа, не забросившаго еще своей карточки Аракчееву, могло этимъ послѣднимъ все откладываться и откладываться подъ какимъ-либо предлогомъ,—то такое предположеніе не представится невѣроятнымъ.

Пробывъ въ столицѣ 50 дней — время, которое Карамзинъ назвалъ своей „петербургской пятидесятницей“⁹⁵⁾,—онъ въ концѣ марта уѣхалъ въ Москву, какъ говоритъ Дмитріевъ, „въ новомъ чинѣ статскаго совѣтника и кавалеромъ ордена св. Анны перваго класса“⁹⁶⁾, занялся приготовленіемъ къ своему переселенію, и 25 мая прибылъ съ семействомъ прямо въ Царское село, гдѣ, по приказанію государя, ему былъ приготовленъ отдѣльный домикъ, по отзыву самого Карамзина, пріятный и уютный, ставшій съ этихъ поръ его постояннымъ лѣтнимъ жилищемъ, а зимнее—въ Петербургѣ—онъ нанималъ себѣ самъ. Съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Царскомъ селѣ онъ встрѣтилъ необыкновенную къ себѣ ласку всего царскаго семейства, и съ этого же времени началось сближеніе государя съ исторіографомъ. Въ августѣ (12 числа) онъ писалъ къ Дмитріеву, тогда уже жившему въ Москвѣ: „Не можемъ нахвалиться любезною привѣтливостію милостиваго императора и всей царской фамиліи. Въ Павловскѣ⁹⁷⁾ бываемъ и въ воскресенья и въ простые дни, раза два въ недѣлю, т.-е. обѣдаемъ. Ласкаютъ равно и меня и жену. Однимъ словомъ, здѣсь не знаю ничего милѣе царскосельскихъ и павловскихъ хозяевъ. Признательность моя обыкновенно состоитъ въ любви. Ласка двора къ намъ необыкновенная. Мое положеніе могло бы восхитить молодого человѣка, а я уже старъ... цвѣты мало веселятъ меня. Люблю добраго царя всею душою, желая, чтобы всѣ такъ любили его... Если милость его къ намъ продолжится, то мы не употребимъ ее во зло, но постараемся быть *совершенно безкорыстными*“.—Письмо это, несомнѣнно, дѣлаетъ честь Карамзину: ему пріятна ласка царя и его семьи не потому, что она исходитъ отъ людей, высоко стоящихъ, и слѣдовательно можетъ его самого поднимать въ глазахъ другихъ, но потому, что она

есть отвѣтъ на его собственныя чувства, осквернять которыя какими бы то ни было корыстными расчетами онъ считалъ и грѣхомъ и униженіемъ. Вотъ почему онъ и говоритъ за себя и за семью свою: „постараемся быть совершенно безкорыстными“. И это, какъ увидимъ далѣе, не были одни только слова.

Какъ же чувствовалъ себя Карамзинъ въ своей новой обстановкѣ?—Согрѣтый любовью царской семьи, онъ все-таки грустилъ — грустилъ по Москвѣ, съ которой его связывала долготнняя привычка. Особенно сильна была его грусть въ первое время его петербургской жизни. „Мнѣ иногда бываетъ очень грустно, что я не въ Москвѣ: это не слово, а чувство“, писалъ онъ въ іюлѣ къ своему другу изъ Царскаго села. „Мѣсто прелестное; только мнѣ кажется, что я не въ Россіи, когда слышу вокругъ себя языкъ чухонскій“. И все тянуло его въ Москву, которая, какъ онъ самъ сказалъ въ письмѣ къ Малиновскому⁹⁸), была у него въ сердцѣ. Но судьба не судила ему стать снова московскимъ жителемъ: послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни онъ провелъ то въ Царскомъ селѣ, то въ столицѣ—и этотъ періодъ времени можно назвать петербургскимъ.

Петербургскій періодъ жизни Карамзина представляетъ собою явленіе весьма сложное, и потому мы рассмотримъ по возможности отдѣльно тѣ важнѣйшія части, изъ которыхъ это явленіе сложилось. Прежде всего укажемъ занятія Карамзина, какъ исторіографа.

Получивъ согласіе государя на изданіе „Исторіи“ на казенный счетъ, Карамзинъ приступилъ къ печатанію ея—сперва въ одной только типографіи—военной, избранной самимъ государемъ; но дѣло шло медленно, и потому впослѣдствіи привлечены были къ работѣ еще двѣ типографіи: медицинская и сенатская—и все-таки печатаніе не шло такъ скоро да и такъ хорошо, какъ хотѣлось бы автору. Началось чтеніе корректуръ, не имѣющее въ себѣ, какъ извѣстно, ничего привлекательнаго. По поводу этой работы, которую Карамзинъ желалъ выполнить со всею добросовѣстностью, онъ не разъ жаловался въ письмахъ къ Дмитріеву: „Безпрестанное чтеніе корректуръ тупитъ мое зрѣніе“.— „Съ утра до вечера занимаюсь корректурами—и время проходитъ“.— „Корректурная дѣятельность моя доводитъ меня иногда до обморока“. И въ самомъ дѣлѣ все время Карамзина уходило на эту дѣятельность, необходимую, но непроизводительную, и „Исторія“ его дальше 8-го тома не двигалась. Наконецъ 28 января 1818 г. во-

семь томовъ „Исторіи“ были поднесены авторомъ государю, а 26 февраля Карамзинъ уже писалъ Малиновскому: „Сбыль съ рукъ послѣдніе экземпляры моей Исторіи, и дня черезъ два буду свободенъ отъ книжныхъ хлопотъ. Это у насъ дѣло безпримѣрное: въ 25 дней продано 3 тысячи экз.“—Такое отношеніе публики къ труду исторіографа доставило ему большое удовольствіе и притомъ не только потому, что оно льстило его авторскому самолюбію, но и потому, что оно указывало на подъемъ въ обществѣ интереса къ Россіи, къ родной старинѣ, интереса, для пробужденія котораго не мало поработалъ и самъ Карамзинъ въ качествѣ издателя своего „Вѣстника Европы“. Это чувство удовольствія онъ выразилъ въ письмѣ къ Дмитріеву (отъ 11 марта): „Моя Исторія въ 25 дней скончалась: не осталось у меня ни одного экземпляра; сверхъ трехъ тысячъ проданныхъ, требовали у меня еще шестьсотъ. *Не равняемся съ Англією, однакожь это замѣчательно*“...

Карамзинъ мечталъ было по окончаніи изданія возвратиться въ Москву, но мечта эта осуществиться не могла: пришлось приступить къ печатанію новаго изданія, на которое вызвалъ Карамзина петербургскій книгопродавецъ Слѣнинъ. Опять пошли корректуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ начала подвигаться и „Исторія“, началась переписка съ московскими друзьями—Малиновскимъ и Калайдовичемъ, къ которымъ безпрестанно посылалась то просьба прислать либо книгу, либо какое-нибудь сообщеніе, то благодарность за присланное. Съ Калайдовичемъ впрочемъ переписка велась относительно первыхъ томовъ „Исторіи“, въ которыхъ Карамзинъ охотно готовъ былъ сдѣлать разнаго рода поправки на основаніи изслѣдованій Калайдовича. Такъ напр. 11 іюня 1818 г. онъ писалъ ему: „Усердно благодарю васъ, милостивый государь мой Константинъ Ѳедоровичъ, за извѣстіе о Изокахъ, и ожидаю, по вашему обѣщанію, что вы благосклонно мнѣ сообщите полную выписку изъ Шестоднева, также и ваши замѣчанія на 1-й томъ моей Исторіи... Мнѣ пріятно будетъ отдать вамъ полную справедливость во второмъ изданіи Росс. Исторіи, которое уже начинаютъ печатать. Я не присвою себѣ вашихъ открытій, и скажу публикѣ, чѣмъ вамъ обязана Исторія“.

Кромѣ корректуръ и поправокъ уже написаннаго, Карамзина отвлекалъ отъ продолженія его труда еще и затѣянный двумя французами переводъ „Исторіи государства Россійскаго“ на французскій языкъ. Карамзинъ съ величайшимъ терпѣніемъ читалъ его и выправлялъ невѣрности, поручая считываніе стар-

шей дочери своей—Софьѣ Николаевнѣ. Переводъ всѣхъ восьми томовъ вышелъ въ Парижѣ въ 1819 г. подъ заглавіемъ: *Histoire de l'Empire de Russie, par M. Karamsin, traduite par M. M. St. Thomas et Jauffret.*

Тѣмъ не менѣе въ январѣ 1821 г. 9-й томъ поступилъ въ типографію, а въ 1824 г. были готовы 10-й и 11-й. Въ іюлѣ того же года писался уже 12-й. Въ 1818 г. Россійская Академія почитла Карамзина избраніемъ его въ свои члены, а за 10-й и 11-й томы ему былъ пожалованъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Теперь перейдемъ къ жизни Карамзина въ Царскомъ селѣ и продолжимъ прерванное указаніе его отношеній ко двору.

„Помню“, говоритъ кн. Вяземскій ⁹⁹⁾, „тѣсный кабинетъ его въ царскосельскомъ домикѣ. Входя въ него, трудно было понять, какъ могла умѣститься въ немъ Исторія государства Россійскаго. Тутъ, казалось, только и мѣста, что для историка какой-нибудь республики Санъ-Марино. И что за поэтическій или историческій беспорядокъ въ этомъ ограниченномъ пространствѣ!.. Маленькій письменный столикъ, обложенный, загроможденный книгами и рукописями: едва ли оставался уголокъ для листа бумаги, на которой онъ писалъ. На полу кругомъ также разбросаны фоліанты. Двери кабинета, недоступнаго для постороннихъ, всегда были настежь растворены для семейства, для жены и дѣтей. Одному улыбнется онъ, другому скажетъ ласковое слово, не выпуская изъ рукъ пера, мысли изъ головы, и продолжая писать въ невозмущаемомъ спокойствіи и будто въ тишинѣ, совершеннаго уединенія“. Здѣсь работалъ Карамзинъ, и покидалъ свой домикъ только для прогулокъ да для посѣщенія дворца. „Выѣзды мои здѣсь ограничиваются почти однимъ дворцомъ“, писалъ онъ Дмитріеву. „Самые пріятнѣйшіе для меня выѣзды — къ двумъ императрицамъ, любимымъ мною душевно: нельзя обходиться милостивѣе и простѣе, какъ онѣ обходятся“. Слѣдовательно въ присутствіи ихъ, какъ замѣчаетъ кн. Вяземскій, Карамзинъ еще свободнѣе, нежели при императорѣ, могъ быть самимъ собою. „Передъ нимъ были двѣ женщины высокихъ нравственныхъ качествъ, умственной образованности и очаровательнаго обращенія. Хотя нѣкоторыми свойствами и возрастомъ отличались онѣ между собою, но отъ той и другой благоухало на него всѣмъ, чѣмъ только можетъ прельститься и насытиться умъ, озариться и согрѣться душа“ ¹⁰⁰⁾. Впрочемъ самой лучшей характеристикой

взаимныхъ отношеній между Карамзинымъ и обѣими императрицами служатъ все-таки ихъ письма. Эти письма говорятъ намъ не только о сердечности упомянутыхъ отношеній, но и о высокомъ уваженіи обѣихъ императрицъ къ Карамзину, какъ писателю и человѣку. Писателя и человѣка цѣнилъ въ немъ и императоръ: онъ однажды даже разграничилъ то и другое. Когда Карамзинъ поднесъ государю 10-й и 11-й томы своей „Исторіи“ при письмѣ, начинавшемся словами: „Пріимите милостиво въ печати, что Вы, любезнѣйшій Государь нашъ, такъ милостиво приняли въ рукописи“,—императоръ отвѣчалъ ему: „Благодарю искренно васъ за присылку. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ видѣть въ печати то, что съ столь большимъ удовольствіемъ читалъ въ рукописи. Екатеринѣ Андреевнѣ и всему семейству вашему мой дружелюбный поклонъ. А васъ прошу быть увѣреннымъ въ искренней моей къ вамъ пріязни“—и затѣмъ прибавилъ: *Чинъ—въ знакъ моей признательности исторіографу. А Николаю Михайловичу—извѣщеніе, что въ Царскомъ селѣ сухо и чисто въ саду, а въ Китайскомъ его жильѣ ¹⁰¹⁾ тепло и приборно*. Въ отвѣтъ на эту прибавку Карамзинъ написалъ слѣдующее: „Въ лицѣ исторіографа приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшую благодарность за чинъ, которымъ Вы хотѣли изъяснить для публики вниманіе къ трудамъ, небезполезнымъ, можетъ быть, и въ государственномъ смыслѣ. Теперь же въ лицѣ Карамзина повторю то, что всего болѣе люблю говорить Вамъ: мужъ, жена, дѣти—всѣ мы привязаны къ Вамъ *безкорыстно*“. Приведенная незначительная часть переписки Карамзина съ императоромъ уже заключаетъ въ себѣ почти полную характеристику ихъ взаимныхъ отношеній. Читатель видитъ на первомъ планѣ государя и писателя: государь выражаетъ свою признательность писателю официальной наградой, желая показать тѣмъ, что онъ дѣятельности его придаетъ важное значеніе,—и писатель, понимая смыслъ этой награды, принимаетъ ее съ благодарностью. Но далѣе читатель видитъ уже не государя и писателя, и прямо выступаютъ передъ нимъ два человѣка, соединенные взаимною любовью и уваженіемъ. Тутъ уже нѣтъ мѣста ничему показному, ничему официальному: тутъ все сердечно, искренно и просто.

Вотъ общій фонъ; подробности же этихъ отношеній раскрываются въ остальной части переписки. Изъ нея мы узнаемъ, что государь чрезвычайно интересовался трудомъ исторіографа и прочитывалъ его еще въ рукописныхъ тетрадяхъ, не только дома, но и въ дорогѣ, и не только прочитывалъ, но и дѣлалъ свои за-

мѣчанія. Такъ напр. въ 1822 г. государь писалъ Карамзину изъ Новаго Свержня отъ 10 августа: „Въ первые три дни моего путешествія имѣлъ я довольно время, чтобы со вниманіемъ прочесть тетради, вами мнѣ доставленныя. Чтеніе сіе заняло меня весьма пріятно и произвело во мнѣ увѣреніе, что новый томъ Россійской Исторіи будетъ достойнымъ продолженіемъ напечатанныхъ. Если послѣ сего чтенія встрѣтилъ бы я васъ на прогулкѣ нашей ежедневной въ Царскомъ селѣ, то, можетъ быть, дозволилъ бы я себѣ взойти съ вами въ разсужденіе о трехъ или четырехъ выраженіяхъ, возбудившихъ нѣкое сомнѣніе во мнѣ о ихъ правильности. Но на письмѣ сіе неудобно, и для того отлагаю до моего возвращенія, прося васъ не останавливать нимало вашихъ приуготовленій къ тисненію“...

На замѣчанія государя Карамзинъ отвѣчалъ иногда уступкой, а иногда и возраженіемъ; доказательствомъ тому—два письма его: одно къ Дмитріеву (отъ 21 февр. 1823), другое къ государю (отъ 10 марта 1824).

Къ Дмитріеву. „Въ послѣднее воскресенье я пилъ чай у нашего милаго императора, и пробылъ у него болѣе трехъ часовъ. Онъ сообщилъ мнѣ свои примѣчанія на 10-й томъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ (между нами): у меня сказано, что слабый Федоръ долженъ былъ зависѣть отъ вельможъ или отъ монаховъ. «Послѣднее не оскорбитъ ли нашего чернаго духовенства?» Въ другомъ мѣстѣ: Театръ спасенія, Іерусалимъ. «Хорошо ли употребить слово театръ въ отношеніи къ спасенію!» и проч. Но все милостиво и деликатно. — Въ двухъ мѣстахъ я взялся поправить“.

Къ государю (въ отвѣтъ на его замѣчаніе, не слѣдуетъ ли въ 11-омъ т. смягчить отзывы о полякахъ). „...Слѣдуя Вашему замѣчанію, я съ особеннымъ вниманіемъ просмотрѣлъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о полякахъ, союзникахъ Лжедмитрія: нѣтъ, кажется, ни слова, обиднаго для народа; описываются только худыя дѣла *лицъ*, и такъ, какъ сами польскіе историки описывали ихъ и судили: ссылаюсь на 522 примѣчаніе XI тома. Я не щадилъ и русскихъ, когда они злодѣйствовали или срамились. Употребляю предпочтительно имя *ляховъ* для того, что оно короче, пріятнѣе для слуха, и въ сіе время (т.-е. въ XVI и въ XVII вѣкѣ) обыкновенно употреблялось въ Россіи“.

Тутъ чувство справедливости не позволило историку уступить деликатности добродушнаго государя.

Но не объ одной „Исторіи“ бесѣдовалъ съ Карамзинымъ императоръ: большая аллея царскосельскаго сада, которую госу-

дарь называлъ своимъ *зеленымъ кабинетомъ*, была молчаливой свидѣтельницей многихъ иныхъ бесѣдъ, иногда жаркихъ, но всегда искреннихъ и откровенныхъ. Въ послѣдніе годы царствованія Александра во главѣ различныхъ отраслей управленія стояли люди иного характера, чѣмъ прежде—и управленіе ихъ подавало поводъ Карамзину подымать въ своихъ бесѣдахъ съ государемъ разные государственные вопросы и высказывать свое мнѣніе. „Я“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ ¹⁰²⁾, „не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Гурьевской ¹⁰³⁾ системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затменія ¹⁰⁴⁾, о необходимости уменьшить войско,... о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные“. Карамзинъ чистосердечно высказывалъ свои взгляды, несогласные съ мнѣніемъ государя, и, не смотря на то, что ему больно было, по выраженію кн. Вяземскаго ¹⁰⁵⁾, „навести и малѣйшее непріятное впечатлѣніе на царя и человѣка, нѣжно имъ любимаго“,—онъ все-таки не могъ говорить: „да“, когда собственное его убѣжденіе заставляло его говорить: „нѣтъ“. И государь, также обыкновенно упорно стоявшій на своемъ, хотя иногда чувствовалъ то неудовольствіе, которое ощущается, когда мы въ любимомъ человѣкѣ встрѣчаемъ несочувствіе тому, что считаемъ уже нами обдуманномъ и рѣшеннымъ,—тѣмъ не менѣе цѣнилъ искренность своего собесѣдника, выслушивалъ его,—конечно, тоже не безъ возраженій,—и понималъ, что „спорникъ“ его руководился единственно любовью къ нему и къ Россіи. Интересы Россіи однако Карамзинъ ставилъ выше своихъ личныхъ отношеній къ государю, и готовъ былъ ради нихъ даже пожертвовать его расположеніемъ. Такъ, когда 17 октября 1819 г. царственный собесѣдникъ Карамзина сообщилъ ему о своемъ намѣреніи возстановить Польшу въ ея древнихъ предѣлахъ,—онъ не только съ жаромъ возражалъ государю, но, не довольствуясь словеснымъ протестомъ, въ тотъ же день написалъ записку, названную имъ: „Мнѣніемъ русскаго гражданина“, и вечеромъ прочелъ ее императору. Въ запискѣ говорилось:

„Государь! въ волненіи души моей, любящей отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчій ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами“.

„Вы думаете возстановить Польшу *въ ея цѣлости*, дѣйствуя, какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ, есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ—физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ—но ихъ *не отмѣняетъ*. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по которымъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени. Мы сблизились съ Небомъ въ *чувствахъ*, но *дѣйствуемъ* на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. *Нѣсмь отъ міра сего*, сказалъ Христосъ, а граждане и государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ: любовь есть *чувство*; но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ войнамъ оборонять государства. Вы христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ греки-язычники истребляли персовъ на поляхъ Эллады; Вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ, любите своихъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. *Какъ человекъ по чувствамъ* души, озаренной свѣтомъ христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія; но, *какъ царь*, Вы то же, что онъ. Евангеліе молчитъ о политикѣ; не даетъ новой: или мы, захотѣвъ быть христіанами-политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту: я, какъ христіанинъ, долженъ подставить другую. Непритель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепель? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже *побѣжденнымъ*, слѣдуя закону челолюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите россіянъ, ибо они и люди и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца“...

Далѣе Карамзинъ съ почвы религіозно-философской переходитъ на почву историческую и политическую.

„Вы думаете возстановить *древнее* королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи), спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *Священнаго союза*, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ австрійскимъ. Во-вторыхъ, можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были *Россіею*, когда митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали *Великою*. Скажутъ ли, что она незаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечомъ: вотъ наше право, ко-ему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано—и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное россійское владѣніе. *Старыхъ крѣпостей* нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и *по старымъ крѣпостямъ* Бѣлоруссія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди ни врагу ни другу!*“

Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ откровенное и смѣлое обращеніе автора къ своему слушателю. „Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристраст-

наго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ поляки; извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, русскіе, не извинили, если бы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу русскихъ, и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю; остыли бы душою и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ; Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ: но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ, и хотите дать намъ свободу!“

„Однимъ словомъ... и Господь сердецѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу!“

„Нѣтъ, Государь, никогда поляки не будутъ намъ ни искренними братьями ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи,—конечно, не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ королевства Польскаго, но мы желаемъ единой имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?), могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе поляковъ-россіянь“.

„Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя

хотѣтъ ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый—безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ, второе—хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже приобрѣли имя *Великаго*: приобрѣтите имя *Отца* нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство Польское, *какъ оно есть* нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, *какъ она есть* и какъ оставлена Вамъ Екатериною!...“¹⁰⁶).

То обстоятельство, что подобная же записка, какъ теперь извѣстно, составлена была и Энгельгардтомъ и тоже подана государю (однако позже „Мнѣнія р. гражданина“), нисколько не умаляетъ гражданскаго подвига Карамзина, и хотя Пыпинъ,—вообще старающійся сгустить темныя краски на изображеніи этого писателя,—и замѣчаетъ, что *извѣстная смѣлость* выраженія (замѣтите: не просто *смѣлость*, а *извѣстная смѣлость*) для него (для Карамзина) была довольно безопасна“¹⁰⁷), тѣмъ не менѣе изъ позднѣйшей приписки къ „Мнѣнію р. гражданина“ видно, что авторъ ея имѣлъ поводъ предполагать, что бесѣда его съ государемъ въ вечеръ 17-го октября 1819 года могла быть послѣдней его съ нимъ бесѣдой—и все-таки продолжалъ говорить съ нимъ смѣло и рѣшительно¹⁰⁸).

Но Карамзинъ ошибся: государь не убѣдился доводами исторіографа¹⁰⁹), но и не разлюбилъ его: набѣжавшая тучка пронеслась и на этотъ разъ,—и Александръ попрежнему бесѣдовалъ съ нимъ въ своемъ *зеленомъ кабинетѣ*, попрежнему навѣщалъ его въ Китайскомъ домикѣ и попрежнему ласково разговаривалъ съ хозяиномъ и хозяйкою. Удосужится бывало царю часъ другой вечеромъ—онъ и шлетъ записку въ Китайскій домикъ, въ родѣ слѣдующей: „Сегодня ввечеру имѣю я свободный часъ, и если вамъ досужно, то я приѣду къ вамъ въ 9-мъ часу. До свиданія“¹¹⁰). И не разъ Карамзину приходилось вносить въ письма къ друзьямъ своимъ строки, подобныя вотъ этимъ: „Въ прошедшее воскресенье отъ 9-го до 12-го часа вечера былъ у насъ августѣйшій гость, бесѣдовалъ любезно и пилъ чай съ хозяйкою и хозяиномъ“¹¹¹).

1-ое сентября 1825 г. положило конецъ этимъ свиданіямъ: государь уѣхалъ въ Таганрогъ, гдѣ и умеръ 19 ноября. Свои чувства по поводу этой внезапной кончины Карамзинъ высказалъ въ той же припискѣ къ „Мнѣнію русскаго гражданина“¹¹²): „Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать о немъ. Я любилъ его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на монарха, и

все любилъ челоѣка, красу челоѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели“.

Что бы ни говорила о Карамзинѣ отрицательная критика (въ особенности въ лицѣ Пятковскаго и Иванова),—нравственно-чистыя отношенія его къ императору Александру не могутъ не вызывать уваженія къ его личности. Карамзинъ пользовался не только любовью государя, но и безграничнымъ его довѣріемъ, и при всемъ томъ такимъ исключительнымъ положеніемъ онъ ни разу не воспользовался для своихъ личныхъ выгодъ: онъ принималъ только то, что считалъ или справедливымъ воздаяніемъ за свои труды, или выраженіемъ оцѣнки своей дѣятельности, какъ писателя, оцѣнки, нужной, по его мнѣнію, *для публики* ¹¹³⁾, или же то, что отклонить онъ считалъ неумѣстнымъ и неделикатнымъ. Все же, что было сверхъ того, не только никогда не было предметомъ его исканій, но и прямо отвергалось имъ, какъ нѣчто такое, что предъ судомъ его собственной совѣсти могло омрачить его чистыя и безкорыстныя отношенія къ государю. Такъ напр. ему нѣсколько разъ было предлагаемо мѣсто министра народнаго просвѣщенія—и онъ всякій разъ отказывался отъ него, довольствуясь званіемъ исторіографа. Но, не ища ничего для себя, Карамзинъ нерѣдко ходатайствовалъ предъ государемъ за другихъ и испрашивалъ имъ либо какую-нибудь милость, либо смягченіе участи. Въ послѣднемъ отношеніи, какъ извѣстно, обязанъ ему и Пушкинъ.

Описавъ царскосельскую жизнь Карамзина, перейдемъ къ его жизни въ Петербургѣ, многія подробности которой, равно какъ и черты личности самого писателя переданы намъ знавшими и издавшими его въ эту пору современниками. Ихъ свидѣтельства тщательно собраны Погодинымъ ¹¹⁴⁾ и заключаютъ въ себѣ нерѣдко двойной интересъ: съ одной стороны они—характеристика Карамзина, а съ другой—они характеризуютъ отношеніе къ нему современнаго общества. Приведемъ изъ нихъ наиболѣе интересное. Прежде всего приведемъ описаніе дня Карамзина, сдѣланное К. С. Сербиновичемъ, ревностнымъ исполнителемъ ученыхъ его порученій ¹¹⁵⁾.

„Карамзинъ вставалъ въ 9-мъ часу утра, и всякій день въ 10-мъ часу дѣлалъ прогулку, довольно большую... ¹¹⁶⁾. Нѣкоторые изъ знакомыхъ мнѣ, искренніе почитатели его высокаго таланта,

грустили, что не имѣли случая видѣть его, и очень рады были, когда, по описанію моему, могли встрѣтить его въ этотъ часъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ гулялъ“.

„Возвратясь домой, Н. М. садился за работу свою—и занимался ею безъ отдыха до самаго обѣда, т.-е. до 5-ти часовъ... Мнѣ очень рѣдко случалось видѣть его за работою, но тѣмъ болѣе дорожилъ я этими минутами, желая запечатлѣть ихъ въ своей памяти. Сидя за какимъ-нибудь его порученіемъ у другого столика, возлѣ окна, я изрѣдка взглядывалъ на его спокойный видъ, съ выраженіемъ глубокаго вниманія, и взоромъ, оживленнымъ мыслію, его занимавшею“...

„Послѣ обѣда Н. М. обыкновенно отдыхалъ съ полчаса или съ четверть часа на диванѣ въ полулежачемъ положеніи... Послѣ короткаго сна, слѣдующее время до 9-ти часовъ у него назначено было для чтенія полученныхъ въ тотъ день русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, а также и новыхъ книгъ. Затѣмъ онъ приходилъ въ гостиную, гдѣ семейство и добрые знакомые ожидали его.—Тутъ пріѣзжали друзья, ученые, литераторы и люди государственные, или тѣ молодые таланты, которымъ было суждено впоследствии занять важнѣйшія государственныя мѣста. Разговоръ шелъ обо всѣхъ предметахъ, которые могли интересовать русскаго гражданина и образованнаго человѣка. Новости литературныя и политическія, отечественныя и иностранныя, вопросы по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, извѣстія объ отсутствующихъ родныхъ и друзьяхъ, рассказы о временахъ прошедшихъ царствованій, о тогдашнемъ состояніи Россіи, о замѣчательныхъ людяхъ того времени, особенно о тѣхъ, которыхъ бесѣдующіе застали еще въ живыхъ—всѣ эти предметы смѣнялись одни другими. Разговоръ всегда шелъ оживленный. Н. М. особенно одушевлялся, когда дѣло шло о Россіи и объ ея пользахъ. Онъ умѣлъ особеннымъ образомъ поддерживать бесѣду, давая каждому свободу высказываться, и рѣзкія сужденія нѣкоторыхъ смягчая легкими замѣчаніями. Онъ цѣнилъ это пріятное для общежитія искусство и въ другихъ людяхъ. Н. М. умѣлъ, сверхъ того, въ присутствіи многихъ знатныхъ давать возможность и неизвѣстному, скромному посѣтителю не оставаться въ совершенной тѣни“.

„Ложился спать обыкновенно въ 12-мъ часу; но пріятная бесѣда съ друзьями длилась иногда и за полночь“.

Эти свѣдѣнія дополняются еще двумя свидѣтельствами: Бул-

гарина и Бор. Мих. Оедорова, автора многихъ дѣтскихъ и поздравительныхъ стихотвореній.

„Сей великій писатель“, говоритъ Булгаринъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „былъ любезнѣйшимъ челоѡкомъ въ обществѣ. Онъ зналъ въ совершенствѣ искусство бесѣдовать, которое во все различно съ искусствомъ разсказывать. Хорошій разсказчикъ нравится намъ иногда, когда мы расположены слушать; но челоѡкъ, умѣющій поддерживать разговоръ и сообщать ему занимательность, нравится всегда, ибо онъ умѣетъ быть и слушателемъ и разсказчикомъ“.

„Карамзинъ говорилъ прекрасно... Въ его рѣчахъ не было изысканныхъ выраженій и ссылокъ на авторовъ, столь утомительныхъ въ разговорахъ, но реченія его сами по себѣ имѣли полноту и круглость; онъ никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая вообще хладнокровіе въ разговорахъ, онъ воспламенялся только, когда рѣчь заходила о Россіи, объ исторіи и объ его старыхъ друзьяхъ. Тогда фізіономія его одушевлялась особенною выразительностію, и взоры искрѣбли. Онъ никогда изъ вѣжливости не соглашался съ чужимъ мнѣніемъ вопреки собственнаго убѣжденія“.

„Нѣсколько дней спустя послѣ перваго моего посѣщенія, я встрѣтилъ Карамзина въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, пѣшкомъ, поутру... Погода была несносная... Я изъявилъ ему мое удивленіе, что встрѣчаю его въ такое время.—«Я имѣю обыкновеніе», сказалъ Карамзинъ, «прогуливаться пѣшкомъ поутру до десяти часовъ»... Но должно признаться, возразилъ я, что вы выбираете не лучшія улицы въ городѣ для своей прогулки.—«Не обыкновенный случай завелъ меня сюда», отвѣчалъ Карамзинъ: «чтобы не показаться вамъ слишкомъ скрытнымъ, я долженъ вамъ сказать, что я отыскиваю одного бѣднаго челоѡка, который часто останавливаетъ меня на улицѣ, называетъ себя чиновникомъ, и проситъ подаенія именемъ голодныхъ дѣтей. Я взялъ его адресъ, и хочу посмотреть, что могу для него сдѣлать“.

„Обыкновенными посѣтителями Карамзина“, сообщаетъ Б. М. Оедоровъ, „были графъ Румянцевъ, сынъ фельдмаршала, помнившій до самыхъ мелочныхъ подробностей весь дворъ Екатерины Великой; Дм. Никол. Блудовъ, живая энциклопедія всевозможныхъ свѣдѣній и современныхъ извѣстій; князь П. А. Вяземскій, остроумный поэтъ, родственникъ и другъ Карамзина; В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ, уже любимые Россіи поэты, выросшіе предъ глазами Карамзина; Д. В. Дашковъ, пылкій привер-

женецъ Карамзина, владѣвшій перомъ челоѣка государственнаго; А. И. Тургеневъ, который успѣвалъ быть вездѣ, любознательный и разсѣянный, истинный русскій Говардъ по сердцу, искавшему случая облегчить судьбу несчастныхъ, принять участіе въ каждомъ добромъ дѣлѣ“.

За исключеніемъ Румянцева, всѣ упомянутыя тутъ лица принадлежали къ обществу „Арзамасъ“ и слыли подъ именемъ арзамасцевъ. Это былъ кружокъ молодежи, среди которой Карамзинъ чувствовалъ себя особенно хорошо. Еще въ 1816 г., въ одинъ изъ дней своей „петербургской пятидесятницы“, онъ писалъ женѣ: „Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе арзамасцевъ: съ ними бы жить и умереть“. Въ другомъ мѣстѣ онъ выразился такъ: „Здѣсь изъ мужчинъ всѣхъ любезнѣе для меня арзамасцы: вотъ истинная Русская академія, составленная изъ молодыхъ людей, умныхъ и съ талантомъ“. И арзамасцы, въ свою очередь, также были горячо привержены къ Карамзину. Одинъ изъ нихъ, а именно—Жуковскій, въ письмѣ къ Дмитріеву (отъ 18 февр. 1816), высказалъ свои чувства къ Карамзину такимъ образомъ: „У насъ здѣсь (въ Петербургѣ) праздникъ за праздникомъ. Для меня же лучшій изъ праздниковъ—присутствіе здѣсь нашего почтеннаго Николая Михайловича. Здѣсь всѣ жаждутъ его узнать, и видѣть его въ этомъ кругу такъ же пріятно, какъ и быть съ нимъ въ его семьѣ: онъ обращаетъ въ чистое наслажденіе сердца то, что для большей части есть только безпокойное удовольствіе самолюбія. Что же касается до меня, то мнѣ весело необыкновенно объ немъ говорить и думать. Я благодаренъ ему за счастье знать и (что еще болѣе) чувствовать настоящую ему цѣну. Это,—болѣе, нежели что-нибудь,—дружить меня съ самимъ собою. И можно сказать, что у меня въ душѣ есть особенное хорошее свойство, которое называется *Карамзинымъ*: тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго“.—Объ отношеніяхъ къ Карамзину Пушкина можно судить уже по слѣдующимъ словамъ его въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу изъ Кишинева отъ 24 марта 1821 г.: „Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли—обнимаю друзей. Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи.—Что дѣлаетъ Карамзинъ? здоровы ли—онъ, жена и дѣти? *Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу*“.—Къ числу глубокихъ почитателей Карамзина принадлежалъ и Батюшковъ—также арзамасецъ.

Итакъ Карамзинъ былъ центромъ, около котораго группировались лучшія молодая силы того времени. Это были его лите-

ратурные сторонники и послѣдователи, между которыми были и люди, не сходяшіеся съ Карамзинымъ во многихъ мнѣніяхъ—и все-таки относившіеся къ нему съ уваженіемъ. „Различіе во мнѣніяхъ никогда не могло ослабить уваженія къ нему въ чловѣкѣ благомыслящемъ“, замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Булгаринъ.

Кромѣ людей близкихъ, Карамзина посѣщали многія лица такъ называемаго высшаго общества и приглашали къ себѣ, прося его прочесть что-нибудь изъ своей „Исторіи“. У Стурдзы (русскаго дипломата, родомъ изъ Молдавіи) есть свидѣтельство объ этихъ чтеніяхъ. „Я встрѣтилъ“, говоритъ онъ, „въ первый разъ Карамзина въ гостиной Софьи Петровны Свѣчиной; онъ читалъ намъ вслухъ блистательный отрывокъ изъ своей Исторіи, а именно: сказаніе о Дмитріи Донскомъ... Эти домашнія чтенія повторялись во многихъ почетныхъ домахъ; вездѣ сыпались на автора похвалы, которыя онъ принималъ безъ услады и восторга, просто, съ неподражаемымъ добродушіемъ“ ¹¹⁷).

Была и партія, враждебная Карамзину—и о ней мы будемъ говорить въ свое время, а пока скажемъ лишь, что Карамзинъ и за свои отношенія къ литературнымъ противникамъ своимъ вызываетъ у большинства его критиковъ самые почтительные о себѣ отзывы. Такъ напр. Гротъ говоритъ: „Всего возвышеннѣе является Карамзинъ въ отношеніяхъ къ своимъ литературнымъ врагамъ“ ¹¹⁸). И дѣйствительно, не смотря на то, что Карамзинъ очень холодно относился къ Крылову; Шишкова, какъ видно изъ одного письма исторіографа къ женѣ (отъ 14 февр. 1816), считалъ „тупымъ“,—не смотря на подобные факты, Гротъ, опираясь на цѣлый рядъ иного рода фактовъ, имѣлъ основаніе вывести свое вышеприведенное заключеніе. Вотъ на чемъ онъ основывался: Къ тому же Шишкову, самому главному своему литературному противнику, Карамзинъ не только не питалъ никакой непріязни, но и называлъ его честнымъ, добрымъ, учтивымъ и признавалъ, что онъ извлекъ нѣкоторую пользу изъ его критики. Язвительныя нападки на Карамзина профессора Московскаго университета Каченовскаго довели Дмитріева до негодованія, и онъ возбуждалъ своего друга къ полемикѣ. Карамзинъ отвѣчалъ ему (21 ноября 1819): „А ты, любезнѣйшій, все еще думаешь, что мнѣ надобно отвѣчать на критики. Нѣтъ, я лѣнивъ. Хочу доживать вѣкъ въ мирѣ. Умѣю быть благодарнымъ, умѣю не сердиться и за брань. Не мое дѣло доказывать, что я, какъ папа, безгрѣшенъ. Все это дрянъ и пустота“.—Вотъ другое письмо его (къ тому же Дмитрі-

еву отъ 21 апр. 1819), изъ котораго видно, чѣмъ отплатилъ онъ своему противнику: „Вѣдаешь ли, что *ты* избралъ Каченовскаго въ члены Рос. Академіи? Я положилъ бѣлый шаръ и за себя, и за тебя, и за Жуковскаго, и за Оленина. Это совсѣмъ не великодушіе. Критика *его* весьма поучительна и добросовѣстна“.—Извѣстный изслѣдователь русскихъ древностей Ходаковскій разбиралъ „Исторію“ Карамзина съ грубыми насмѣшками, а потомъ къ нему же обратился за помощью—и Карамзинъ не только ходатайствовалъ за него передъ кн. Галицынымъ, но и оказалъ ему денежную поддержку изъ собственныхъ средствъ, и писалъ къ Дмитріеву (29 дек. 1819): „Бѣдный мой критикъ не имѣетъ ни гроша“.

Въ отношеніяхъ Карамзина къ людямъ, державшимся совершенно различныхъ съ нимъ политическихъ взглядовъ, также нельзя указать ничего такого, что выставило бы его въ темномъ свѣтѣ. Правда, онъ не любилъ „либералистовъ“, не могъ, конечно, тепло относиться и къ Сперанскому; но нѣтъ пока еще ни одинаго доказательства, на основаніи котораго мы могли бы приписать ему какой-либо зложелательный поступокъ, какъ относительно либераловъ вообще, такъ и въ частности относительно Сперанскаго. Въ томъ же, что записка Карамзина о древней и новой Россіи была вызвана не какими-нибудь личными мотивами, не можетъ быть и сомнѣнія.—Но въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о вещахъ, по его мнѣнію, не соответствовавшихъ пользамъ Россіи, онъ былъ способенъ сильно горячиться. Разговаривая съ государемъ послѣ того, какъ онъ прочелъ ему „Мнѣніе р. гражданина“, онъ сказалъ своему собесѣднику: „Sire, Vous avez beaucoup d'amour-propre... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je vous dis, je l'aurais dit à Votre Père... Sire, je méprise les libéralistes du jour: je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; je Vous parle, peut-être, pour la dernière fois“¹¹⁹).

Есть наконецъ рассказы, обрисовывающіе Карамзина, какъ отца и мужа среди его семейства. Рассказы эти принадлежатъ Сербиновичу и бывшему учителемъ въ домѣ Карамзина—Телешову. Оба они изображаютъ его нѣжнымъ и заботливымъ семьяниномъ¹²⁰).

Но не все свѣтло было и въ Карамзинѣ: его отношенія къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ если въ общемъ, сравнительно съ отношеніями множества другихъ помѣщиковъ, и нельзя еще назвать дурными, такъ какъ онъ заботился и о ихъ матеріаль-

номъ и о ихъ нравственномъ благосостояніи и подчасъ обращался къ нимъ даже съ ласковымъ словомъ,—то во всякомъ случаѣ нѣкоторыя частности этихъ отношеній поражаютъ своею непріятной дисгармоніей съ той гуманностью, о которой и самъ онъ такъ много говорилъ, и которая такъ единогласно утверждается за нимъ знавшими его современниками.—Вотъ, на примѣръ, что пишетъ онъ своему бурмистру (28 ноября 1820). „Пишешь ты ко мнѣ, бурмистръ, что хотя я и приказалъ женить крестьянскаго сына Романа Осипова на дочери бывшаго повѣреннаго Архипа Игнатьева, но міромъ крестьяне того не приказали: кто же изъ васъ смѣетъ противиться господскимъ приказаніямъ? и какъ ты, бурмистръ, можешь такъ писать ко мнѣ? Думаю, что это по глупости вашей, и для того вамъ на сей разъ спускаю: но снова приказываю вамъ непременно женить упомянутаго Романа на дочери Архиповой, и не отдавать его въ рекруты. А если впередъ осмѣлится міръ не исполнить въ точности моихъ предписаній, то я не оставлю сего безъ наказанія. Всякія господскія повелѣнія должны быть святы для васъ. Я вашъ отецъ и судья. Мое дѣло знать, что справедливо и для васъ полезно“.

Помѣщикъ имѣлъ, конечно, право требовать отъ крестьянъ своихъ повиновенія, но былъ обязанъ, какъ самъ же Карамзинъ признаетъ, быть ихъ отцомъ и быть справедливымъ. Но справедливость ли бракъ по приказанію? Далѣе: „Пишешь еще, что у васъ въ селѣ есть кликуши... кликушамъ объявить моимъ господскимъ именемъ, чтобы онѣ унялись и перестали кликать; если же не уймутся, то приказываю тебѣ высѣчь ихъ розгами: ибо это обманъ и притворство“.—Искоренять обманъ, притворство былъ долгъ идеальнаго помѣщика; но идеальна ли та мѣра, которую употреблялъ Карамзинъ для данной цѣли? ¹²¹⁾.

Такъ нерѣдко и лучшіе люди отдають дань темнымъ сторонамъ своего вѣка.

Отношеніе Карамзина къ своимъ крѣпостнымъ и вообще къ крестьянскому вопросу сильно раздражаетъ его новѣйшихъ критиковъ. Такое раздраженіе, при нашихъ взглядахъ, весьма понятно; но нѣкоторыя темныя стороны Карамзина еще далеко не дѣлають его дурнымъ человекомъ во всѣхъ отношеніяхъ. А между тѣмъ новѣйшіе критики (главнымъ образомъ—Ивановъ) распространяють свое отрицательное чувство на весь нравственный обликъ этого писателя, изображаютъ его только, какъ черстваго, безсердечнаго эгоиста—и потому являються критиками односторонними.

По кончинѣ императора Александра, императрица Марія Теодоровна желала какъ можно чаще видѣть Карамзина, чтобы, какъ она сама выразилась въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему, бесѣдовать съ нимъ о *незабвенномъ* и обо всемъ, что драгоцѣнно сердцу. Онъ ежедневно бывалъ во дворцѣ, гдѣ бесѣдовалъ и съ находившимся большею частію при матери великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, и такъ же искренно и откровенно, какъ бывало и съ покойнымъ государемъ. Во дворцѣ онъ находился и 14-го декабря. Новый императоръ былъ на конѣ, среди войска, на Исакіевской площади. Желая собственными глазами удостовѣриться, гдѣ государь, чтобы потомъ успокоить императрицу Марію, Карамзинъ вышелъ на площадь легко одѣтымъ—и простудился. Здоровье его ужъ давно было надломлено петербургскимъ климатомъ, а весною 1823 г. онъ едва перенесъ нервную горячку. Тогда было нѣсколько дней, крайне опасныхъ въ жизни Карамзина, но чрезвычайно свѣтлыхъ въ исторіи Александра: государь ежедневно, во время своей утренней прогулки, подходилъ къ Китайскому домику и, боясь беспокоить больного, останавливался у задняго крыльца, спрашивалъ прислугу о здоровьѣ исторіографа и дожидался, пока кто-либо изъ семейства выйдетъ къ нему и расскажетъ, какъ больной провелъ ночь. На лицѣ государя выражалось беспокойство и самая нѣжная заботливость. Но заботливо отнесся къ заболѣвшему и новый императоръ. Болѣзнь Карамзина ¹²²⁾ то ослабѣвала, то усиливалась—и такъ тянулась до весны, когда врачи рѣшили наконецъ отправить его въ Италію. Не имѣя средствъ на проѣздъ и на житье съ семьей за границей, онъ просилъ государя назначить его на имѣвшееся тогда въ виду вакантное мѣсто резидента во Флоренціи. Государь отвѣчалъ (6 апрѣля 1826 г.): „...Вамъ надо ѣхать въ Италію—вотъ что хотятъ медики; надо ихъ послушать и избрать лучшей способъ, т.-е. покойнѣйшій, какъ туда доѣхать... Пребываніе въ Италиі не должно васъ тревожить, ибо хотя мѣсто во Флоренціи еще не вакантно, но російскому исторіографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно и заниматься своимъ дѣломъ, которое, безъ лестіи, кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особенно флорентійской. Словомъ, я прошу васъ, не беспокойтесь объ этомъ и, хотя мнѣ въ утѣжденіе, дайте мнѣ озаботиться способомъ устроить вашу поѣздку“. И государь все устроилъ: по его приказанію былъ уже готовъ фрегатъ, чтобы доставить исторіографа въ Италію; но болѣзнь приняла такой ходъ, что въ началѣ мая его едва могли перевезти

во дворецъ Таврическаго сада. Государь, желая успокоить его передъ смертью относительно будущности его семьи, прислалъ ему (13 мая) рескриптъ и при немъ—указъ на имя министра финансовъ. Въ рескриптѣ отдавалась дань литературнымъ заслугамъ Карамзина, а въ указѣ говорилось: „Исторіографу Россійской имперіи д. с. с. Карамзину, отъѣзжающему для излѣченія своего за границу, повелѣваемъ производить отнынѣ по пятидесяти тысячѣ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія, обращаемая ему въ пенсіонъ, была послѣ него производима сполна женѣ его, а по смерти ея также сполна ихъ дѣтямъ: сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ“.

Карамзинъ прочелъ рескриптъ и указъ—и, какъ рассказываетъ Сербиновичъ, сталъ сильно волноваться по поводу количества назначенной пенсіи. „Это слишкомъ много!“ повторялъ онъ безпрестанно. Окружающіе старались его успокоить, и наконецъ отошли отъ постели больного „въ слезахъ и въ неизъяснимомъ чувствѣ умиленія къ человѣку, который не отъ міра сего“.

22-го мая въ часъ пополудни Карамзинъ умеръ. „Исторія“ его оборвалась на 1611 годѣ, на словахъ: „Орѣшекъ не сдавался“.

Похороненъ Карамзинъ на Александро-Невскомъ кладбищѣ.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію дальнѣйшей литературной дѣятельности Карамзина, слѣдовавшей за его „Похвальнымъ словомъ императрицѣ Екатеринѣ“, т.-е. къ разсмотрѣнію его „Вѣстника Европы“.

IV. «Вѣстникъ Европы» (1802—1803).

Двѣ вышерассмотренныя оды Карамзина и его „Похвальное слово“ были предназначены для императора Александра. Въ „Вѣстникѣ Европы“ издатель обращается къ обществу. Въ журналѣ этомъ помѣщались и переводныя статьи, но главное мѣсто занимаютъ въ немъ, какъ и въ „Московскомъ журналѣ“, произведенія самого Карамзина—и на нихъ-то мы прежде всего и остановимся.

Произведенія эти были характера политическаго, публицистическаго, историческаго и чисто-литературнаго. „Вѣстникъ Европы“ очень полно обрисовываетъ политическіе и общественные взгляды Карамзина, и хотя нѣкоторые изъ этихъ взглядовъ вы

зываютъ несочувствіе новѣйшей критики, тѣмъ не менѣе за „Вѣстникомъ“ остается неотъемлемая заслуга; какъ за такимъ журналомъ, который стремился обратить вниманіе русскихъ на Россію, стремился поднять въ обществѣ чувство національнаго самоуваженія и заинтересовать его родною стариною. Изъ вышеизложенной главы о чертахъ современнаго Карамзину русскаго общества, касающихся вопроса о народномъ самосознаніи, читатель видитъ, что указанная стремленія „Вѣстника Европы“ были вполне умѣстны. Эти стремленія составляютъ безспорную заслугу издателя. Въстѣ съ тѣмъ къ свѣтлой сторонѣ журнала принадлежитъ и то, что издатель его настаивалъ на необходимости просвѣщенія, на необходимости образованія и воспитанія юношества—и притомъ въ національномъ духѣ, и всѣмъ—и царю и подданнымъ—вмѣнялъ въ обязанность исполнять свой долгъ передъ Россіей.

Самыми важными статьями „Вѣстника“ слѣдуетъ считать статьи публицистическія и историческія. Но въ виду того, что Карамзинъ-публицистъ будетъ понятнѣе намъ, если мы сперва ознакомимся съ его политическими статьями, мы и начнемъ обзоръ „Вѣстника Европы“ съ этихъ послѣднихъ.

1. Статьи политическія.

Политическій отдѣлъ „Вѣстника Европы“ заключалъ въ себѣ не только одни извѣстія о событіяхъ въ политическомъ мірѣ, но и сужденія о нихъ, и былъ тогда новостью въ нашей журналистикѣ. Его велъ самъ Карамзинъ, слѣдя за современной политикой по иностраннымъ источникамъ. Само собой разумѣется, что на событія онъ смотрѣлъ подъ свойственнымъ ему угломъ зрѣнія, т.-е. руководясь дорогими для него умственными и нравственными интересами и своими политическими теоріями. Такъ, обзоръ въ январьской кн. 1802 г. состояніе европейскихъ державъ послѣ Амьенскаго конгресса, онъ выражаетъ свою радость, что наконецъ въ Европѣ миръ, и „исчезли ужасы десятилѣтней войны, которая будетъ славна въ лѣтописяхъ подъ страшнымъ именемъ войны революціонной“. Такъ какъ союзы державъ „составляютъ то равновѣсіе, которое нужно для политическаго благосостоянія Европы“, то—говоритъ Карамзинъ—„удалимъ теперь отъ мыслей своихъ все печальное. Небо прояснилось надъ нами; нѣкоторые остатки тучъ видны еще на горизонтѣ, но мы съ сердечнымъ удовольствіемъ смотримъ на свѣтлыя мѣста его... Россія видитъ на тронѣ своемъ любезнаго сердцу монарха, который

сего ревностиѣе желаетъ ей счастья, взявъ себѣ за правило, что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть основаніемъ государственнаго благоденствія. Всѣ изданные имъ законы сообразны съ духомъ времени и служатъ залогомъ его человѣколюбивыхъ намѣреній“. Обозрѣніе заканчивается выраженіемъ слѣдующихъ пожеланій и надеждъ: „Желаемъ, чтобы Амьенскій конгрессъ былъ въ исторіи славнѣе всѣхъ Утрехтскихъ и Ахенскихъ конгрессовъ; чтобы съ него началась новая эпоха не только для политики, но и для самаго человѣчества. По крайней мѣрѣ истинная философія ожидаетъ хотя сего единственнаго счастливаго дѣйствія ужасной революціи, которая останется пятномъ осьмого-надесять вѣка, слишкомъ рано названнаго *философскимъ*. Но девятый-надесять вѣкъ долженъ быть счастливѣе, увѣривъ народы въ необходимости законнаго повиновенія, а государей—въ необходимости благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго правленія. Сія мысль утѣшительна для сердца, которое въ самыхъ бѣдствіяхъ человѣческаго рода находитъ такимъ образомъ залогъ добра для будущихъ временъ.—Мы желаемъ увѣдомлять нашихъ читателей о мирномъ благоденствіи державъ, о полезныхъ учрежденіяхъ во всѣхъ земляхъ, о новыхъ мудрыхъ законахъ, болѣе и болѣе утверждающихъ сердечную связь подданныхъ съ монархами. Военные громы возбуждаютъ нетерпѣливое любопытство: успѣхи мира пріятны сердцу“.

Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ политикъ идеалистически посмотрѣлъ на Амьенскій миръ, который, по выраженію историка, закрылъ храмъ Януса на цѣлый годъ, но въ сущности былъ утѣшительнымъ для весьма немногихъ ¹²³); нѣтъ сомнѣнія, что Карамзинъ все еще односторонне смотрѣлъ на французскую революцію,—тѣмъ не менѣе кое въ чемъ былъ онъ и правъ: его страстное желаніе мира совпадало съ желаніемъ народныхъ массъ, въ особенности въ той же странѣ, гдѣ вспыхнула революція. „Во Франціи“—говоритъ Јегеръ—„Бонапартъ шелъ твердо къ своей монархической цѣли... Онъ находилъ себѣ главную опору въ тѣхъ, которые образуютъ всегда и вездѣ многочисленную партію, именно—въ массѣ требовавшихъ спокойствія и установленія власти, послѣ безсмысленнаго нагроможденія выборовъ, при которыхъ и избираемые и избиратели несли въ якобинскомъ государствѣ родъ новой барщины, вселявшей въ нихъ отвращеніе ко всякой политической жизни. Эта часть населенія, въ сущности лучшая и трудолюбивѣйшая, при ея желаніи имѣть надъ собою твердую власть, не могла не видѣть, что она состоитъ особымъ предме-

томъ заботливости для Бонапарта... Масса населенія, требующая отъ своихъ правителей прежде всего покоя и порядка, не была встревожена возрастающимъ монархическимъ направлениемъ“ ¹²⁴).

Вотъ еще два интересныхъ мѣста въ политическихъ статьяхъ „Вѣстника Европы“, интересныхъ потому, что въ нихъ собрано такъ много мыслей, входящихъ въ составъ политической теоріи Карамзина и вообще его политическаго кругозора.

Говоря (въ окт. 1802) о междоусобіяхъ въ Швейцаріи ¹²⁵), Карамзинъ высказываетъ слѣдующее. „Сія несчастная земля представляетъ теперь всѣ ужасы междоусобной войны, которая есть дѣйствіе личныхъ страстей, злобнаго и безумнаго эгоизма. Такъ исчезаютъ народныя добродѣтели! Онѣ, подобно людямъ, отжидаютъ свой вѣкъ въ государствахъ, а безъ высокой народной добродѣтели республика стоять не можетъ. Вотъ почему монархическое правленіе гораздо счастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей, и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падаютъ. Развратъ швейцарскихъ нравовъ начался съ того времени, какъ Телевы потомки вздумали за деньги служить другимъ державамъ; возвращаясь въ отечество съ новыми привычками и съ чуждыми пороками, они заражали ими своихъ согражданъ... Духъ торговый, въ теченіе времени овладѣвъ швейцарами, наполнилъ сундуки ихъ золотомъ, но истощилъ въ сердцахъ гордую, исключительную любовь къ независимости. Богатство сдѣлало гражданъ эгоистами, и было второю причиною нравственнаго паденія Гельвеціи. Но древнія гражданскія и политическія связи Швейцаріи могли бы еще долго не разрушиться (ибо древность имѣетъ удивительную силу), если бы злой духъ французской революціи не сорвалъ сей нѣкогда счастливой республики съ ея основанія. Для новыхъ политическихъ зданій нужно отмынное величіе духа одного или многихъ людей: Гельвеція не имѣетъ сихъ геніевъ, и пять новыхъ конституцій ея, мелькнувъ, исчезли, какъ тѣни“.

Въ сужденіи о Наполеонѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, встрѣчаемъ нравственную подкладку. Къ Наполеону нашъ политикъ относился двояко: онъ сочувствовалъ ему, какъ правителю, положившему конецъ французской революціи, но не сочувствовалъ, какъ узурпатору, захватившему власть въ свои руки изъ видовъ честолюбія. Въ статьѣ: „Взоръ на прошедшій годъ“ (январь 1803) Карамзинъ говоритъ: „Если мы должны объявить собственное мнѣніе о консулѣ, то скажемъ, что онъ, умертвивъ чудовище революціи, заслужилъ вѣчную благодарность Франціи и

даже Европы. Въ семъ отношеніи будемъ всегда съ удовольствіемъ хвалить его, какъ великаго медика, излѣчившаго головы отъ опаснаго круженія. Пожалѣемъ, если онъ не имѣетъ законодательной мудрости Солона и чистой добродѣтели Ликурга, который, образовавъ Спарту, самъ себя навѣки изгналъ изъ отечества!... Вотъ дѣло героическое, передъ которымъ всѣ Лоди и Маренго исчезаютъ! Черезъ 2700 лѣтъ оно еще воспалетъ умъ, и добрый юноша, читая Ликургову жизнь, плачетъ отъ восторга... Видно, что быть искуснымъ генераломъ и хитрымъ политикомъ гораздо легче, нежели великимъ, т.-е. героически-добродѣтельнымъ человѣкомъ".—По поводу этого мѣста Галаховъ замѣчаетъ, что Карамзинъ чуялъ въ Наполеонѣ „темную силу земного могущества“¹²⁶).

Въ общемъ—въ политическихъ воззрѣніяхъ Карамзина, сравнительно съ тѣмъ, что высказывалось имъ въ до-Александровскую эпоху, не произошло никакихъ переменъ; но въ частности мы замѣчаемъ, что политикъ „Вѣстника Европы“ не остается, какъ прежде, въ сферѣ болѣе или менѣе общей, а началъ уже обращать свое вниманіе на Россію. Что же касается до его настроенія, то оно до извѣстной степени можетъ быть названо радужнымъ, такъ какъ ему кажется, что событія въ Европѣ приняли такое направленіе, которое соотвѣтствуетъ его политическому идеалу. Эти двѣ послѣднія черты, т.-е. его обращеніе къ Россіи и его радужное настроеніе особенно ярко сказались въ той изъ публицистическихъ статей „Вѣстника“, которую мы ниже называемъ центральной.

2. Статьи публицистическія.

Статьи этого рода имѣли своимъ предметомъ не внѣшнюю политику, а внутреннее состояніе Россіи. Центральною между ними слѣдуетъ признать статью: „Пріятныя виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“ (1802, № 12), въ которой авторъ сперва бросаетъ взглядъ на состояніе Европы послѣ революціи, а затѣмъ переходитъ къ Россіи. Въ январѣ онъ порадовался, что „наконецъ въ Европѣ миръ“; теперь онъ радуется, что миръ этотъ не тотъ „мертвый, хладный, мрачный“, котораго такъ боялся Мелодоръ¹²⁷): напротивъ, революція, какъ теперь усмотрѣлъ Карамзинъ, имѣла полезныя слѣдствія—и упомянутая статья начинается именно указаніемъ этихъ слѣдствій. Первымъ полезнымъ слѣдствіемъ, по мнѣнію Карамзина, было то, что „революція объяснила идеи“: люди увидѣли, „что гражданскій поря-

докъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что самое турецкое правленіе лучше анархіи; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ, вмѣстѣ съ другими болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума, что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ, и что съ сею довѣренностью къ дѣйствию времени и къ мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя“.—Такъ говорилъ Карамзинъ, опять высказывая свои любимыя политическія идеи и радуясь, что люди увѣрились въ нихъ, какъ то ему казалось на основаніи того обстоятельства, что Франція твердо шла за Наполеономъ къ монархіи. Отсюда его выводъ, что „французская революція, грозившая испровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ“, и теперь они „крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума“.

Это говорилъ Карамзинъ объ обществѣ, о гражданахъ; далѣе онъ ведетъ рѣчь о правительствѣ.—Если общество сознало необходимость стоять подъ знаменами властителей, то и „правительства чувствуютъ важность сего союза и общаго мнѣнія, нужду въ любви народной; необходимость истреблять злоупотребленія“, заявляетъ авторъ разсматриваемой статьи—и указываетъ на государей современной ему Европы. „Почти на всѣхъ тронахъ Европы видимъ юныхъ государей, дѣятельныхъ и ревностныхъ къ общему благу. Революція была злословіемъ свободы: правительства, не хвалясь именемъ, дозволяютъ гражданамъ пользоваться всѣми ея выгодами, согласными съ основаніемъ и порядкомъ общества. Революція обѣщала равенство состояній: государи, вмѣсто сей химеры, стараются, чтобы гражданинъ во всякомъ состояніи могъ быть доволенъ; чтобы нѣкоторое не было презрительнымъ или угнетеннымъ. Будемъ справедливы: гдѣ теперь добрый чело-вѣкъ не можетъ наслаждаться безопасностію? Свирѣпствуетъ ли гдѣ-нибудь тиранство въ Европѣ, если исключимъ Турцію? Не вездѣ ли обѣщаютъ наукамъ покровительство? Не вездѣ ли на-

чальства желаютъ способствовать успѣхамъ воспитанія и просвѣщенія, которое есть не только источникъ многихъ удовольствій въ жизни, но и самой благородной нравственности; которое образуетъ мудрыхъ министровъ, достойныхъ орудій правосудія, сыновъ отечества въ семействахъ, рождая чувство патриотизма, чести, народной гордости, и безъ котораго люди служатъ только одному идолу подлой корысти. Государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону“. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе положенія правителей и ихъ обязанности: „Будучи, такъ сказать, внѣ обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всѣхъ низкихъ побужденій эгоизма, которыя дѣлаютъ людей несправедливыми и даже злыми; наконецъ, имѣя все, они должны и могутъ чувствовать только одну потребность: *благодѣлать*, и, смотря на всякаго гражданина, думать: «я заслужилъ любовь его!»“

Второе полезное слѣдствіе революціи Карамзинъ усмотрѣлъ въ области литературы. „Въ самой литературѣ“,—говоритъ онъ:— „которая столь сильно дѣйствуетъ на умы, видимъ мы полезное слѣдствіе революціи. Прежде сей эпохи всякая дерзкая книга была модною: нынѣ, напротивъ того, писатели боятся оскорбить нравственность, ибо передъ всякимъ жива картина бѣдствій, произведенныхъ во Франціи развратомъ; даже въ самыхъ дурныхъ романахъ соблюдается какая-то благопристойность и уваженіе къ святынѣ нравовъ... Вольтеръ не могъ бы нынѣ прославиться нѣкоторыми насмѣшками... Литература, болѣе нежели когда-нибудь способствуя истинному просвѣщенію, обратилась нынѣ къ утвержденію всѣхъ общественныхъ связей“.

Третьимъ полезнымъ слѣдствіемъ явился „дружественный союзъ народовъ“, подающій надежду, что науки не только не падутъ, какъ думалось прежде Мелодору, а будутъ развиваться. Въ особенности авторъ ожидаетъ большихъ успѣховъ въ наукахъ физическихъ и моральныхъ, въ которыхъ остается еще много пробѣловъ.

Высказавъ свой радужный взглядъ на состояніе Европы, основанный на подмѣченныхъ имъ явленіяхъ въ ея политическомъ и нравственномъ мірѣ (подмѣченныхъ впрочемъ довольно односторонне, въ чемъ можно убѣдиться, сопоставивъ съ отзывами автора статьи хотя бы приведенныя нами въ своемъ мѣстѣ ¹²⁸) слова Сухомлинова о томъ неблагопріятномъ положеніи, въ какомъ находилась тогда литература во многихъ странахъ на Западѣ),—Карамзинъ переходитъ къ Россіи и прежде всего указываетъ

положеніе ея относительно другихъ европейскихъ державъ. Онъ говоритъ: „Взоръ русскаго патріота, собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы, съ удовольствіемъ обращается на любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлять съ другими европейскими народами, мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями человѣколюбиваго монарха? Никогда Россія столько не уважалась въ политикѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ. Итальянская война доказала міру, что колоссъ Россіи ужасенъ не только для сосѣдовъ, но что рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля. Когда другія державы трепетали на своемъ основаніи, Россія возвышалась спокойно и величественно. Довольная своимъ пространствомъ, естественными сокровищами и милліонами жителей; не имѣя ни въ чемъ совмѣстниковъ, не желая ничьей гибели, не боясь никакой державы, не боясь даже и союзовъ противъ себя (ибо они не согласны съ особенными выгодами государствъ въ отношеніи къ ней),—она можетъ презирать обыкновенныя хитрости дипломатики, и судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народовъ“. Этотъ взглядъ Карамзина на тогдашнее положеніе Россіи относительно Европы вполнѣ совпадалъ со взглядомъ самого императора Александра. Еще въ 1801 г. государь, бесѣдуя съ посломъ Наполеона—Дюрокомъ, сказалъ ему: „Мнѣ лично ничего не нужно; я желаю только содѣйствовать спокойствію Европы“; а въ негласномъ комитетѣ, разсуждая о томъ, какова должна быть политика Россіи относительно европейскихъ державъ, пришли къ окончательному заключенію: быть искренними въ иностранной политикѣ и не связывать себя никакими договорами въ отношеніи кого бы то ни было. Государь при этомъ замѣтилъ: „мы не имѣемъ надобности въ союзахъ съ иностранными государствами“¹²⁹).

Дальнѣйшая часть статьи,—самая главная,—посвящена обзорѣнню внутренней жизни Россіи. Въ этой жизни авторъ усматриваетъ и свѣтлыя стороны и недостатки. Въ числѣ первыхъ онъ важнѣйшею считаетъ наступившее „общее спокойствіе сердець“—и это заставляетъ насъ вспомнить уже извѣстное намъ выраженіе его въ письмѣ къ брату отъ 20 авг. 1801 г.: „Государь расположенъ ко всякому добру, и мы при немъ отдохнули“. Вторая свѣтлая сторона состоитъ въ томъ, что „свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи“ и „благородныя, истинно человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ“. — „Но“, — продолжаетъ Карамзинъ, — „патріотизмъ не

долженъ ослѣплять насъ; любовь къ отечеству есть дѣйствіе яснаго разсудка, а не слѣпая страсть, и, жалѣя о тѣхъ людяхъ, которые смотрятъ на вещи только съ дурной стороны, не видятъ никогда хорошаго, и вѣчно жалуются,—мы не хотимъ впасть и въ другую крайность, не хотимъ увѣрять себя, что Россія находится уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нѣтъ, мудрое правленіе наше тѣмъ счастливѣе, что оно можетъ сдѣлать еще много добра отечеству“.

Это добро должно состоять въ исправленіи недостатковъ, и Карамзинъ указываетъ на одинъ изъ нихъ—въ мягкой формѣ пожеланія. Вотъ какъ выражается онъ: „Напримѣръ (не говоря о другомъ): какимъ великимъ дѣломъ украсится еще вѣкъ Александровъ, когда исполнится монаршая воля его—когда будемъ имѣть полное, методическое собраніе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написанныхъ!...¹³⁰⁾ Великая Екатерина даровала намъ систему политическихъ уставовъ, опредѣляющихъ права и отношенія состояній къ государству. Александръ даруетъ намъ систему гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою“. И этими словами онъ вмѣстѣ указываетъ и на ощущавшійся недостатокъ и на свое желаніе, чтобы порученное гр. Завадовскому исправленіе этого недостатка не замедлило осуществиться.—Карамзинъ придавалъ большое значеніе именно *методическому* собранію законовъ. „Метода и порядокъ“—говоритъ онъ—„заключаютъ въ себѣ какую-то особенную силу для разума, и судья, обнимая однимъ взоромъ систему законовъ, удобнѣе впечатлѣваетъ ихъ въ душу свою“. Наконецъ „тогда законовѣдѣніе будетъ наукою и войдетъ въ систему общаго воспитанія“.

Отъ дѣятельности въ сферѣ правительства Карамзинъ переходитъ къ жизни общества и, касаясь вопроса о воспитаніи и семейной жизни, опять въ той же мягкой формѣ выражаетъ и свои упреки въ недостаткахъ и свои желанія лучшаго. Онъ говоритъ: „Какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ *рѣшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли рѣдкое явленіе?—Давно называютъ свѣтъ бурнымъ океаномъ: но счастливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это—дѣло воспитанія. Родители, оставляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединять къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для счастья“. Счастье же, какъ объясняетъ авторъ, зависитъ не только отъ судьбы, но и отъ *ума и характера*.—Вопросъ

о томъ, кому воспитывать дѣтей, Карамзинъ рѣшаетъ такъ: „Хорошо, если отецъ можетъ поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ“. Но авторъ сѣтуетъ, что свѣтская разсѣянность, дѣйстви́е полу-просвѣщенія въ людяхъ и государствахъ, мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми, и, какъ и въ „Письмахъ р. путешественника“, указываетъ на семейную жизнь англичанъ, какъ на образцовую, и опять выражаетъ надежду, что настанетъ время, когда и у насъ семейная жизнь измѣнится къ лучшему; когда и у насъ любовь и благодарность дѣтей за данное имъ хорошее воспитаніе будетъ составлять счастье родителей, и при этомъ напоминаетъ, что воспитывать дѣтей есть не только счастье, но и „долгъ гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества“.

Заговоривъ о свѣтской разсѣянности, Карамзинъ далѣе связываетъ съ ней еще и другія вредныя стороны: она ведетъ къ карточной игрѣ и безразсудной, разорительной роскоши, вредной для государства и нравовъ. „Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы спастись отъ бѣдности, и къ самымъ незаконнымъ; онъ скорѣе другого можетъ притѣснить своихъ крестьянъ... Ввечеру великолѣпное освѣщеніе, огромная музыка, живописныя Терпсихорины группы ¹³¹⁾, и на столѣ произведенія всѣхъ частей міра; а на другой день низкіе поклоны заимодавцамъ!... Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню быть свидѣтелями трудныхъ сельскихъ работъ и видѣть, чего стоитъ каждый рубль крестьянину: это могло бы излѣчить нѣкоторыхъ отъ суетной расточительности, платящей сто рублей за ананасъ для десерта“. Въ случаѣ же дѣйствительнаго избытка денегъ, авторъ рекомендуетъ такое употребленіе ихъ: „Во-первыхъ, заплатите долги свои; во-вторыхъ, приведите крестьянъ вашихъ, если можно, въ лучшее состояніе, а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что-нибудь долговременное и полезное; учредите школу, госпиталь; будьте отцами бѣдныхъ и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободрите земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ: пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный мостъ, благодѣяніе для проѣзжихъ, называются вашимъ именемъ. Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: „Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ!“

Карамзинъ, какъ видимъ, желалъ, чтобы то, чѣмъ онъ восхищался нѣкогда за границей, какъ плодами европейскаго просвѣщенія, явилось и на русской почвѣ. Но прежде всего онъ отъ каждаго требовалъ полезной дѣятельности и проводилъ мысль, что служить отечеству не значитъ непременно быть воиномъ или чиновникомъ. „Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству“, говоритъ онъ. „Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, ученый распространяетъ кругъ свѣдѣній, богатый сооружаетъ монументы благотворенія, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія: всѣ равно полезны государству“. — „Я люблю воображать себѣ россійскихъ дворянъ не только съ мечомъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Ѡемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога искусствъ, съ символами богини земледѣлія“. Заканчивается статья такими словами, выражающими вѣру въ силы и будущіе успѣхи русскаго народа: „Россіяне одарены отъ природы всѣмъ, что возводитъ народы на высочайшую степень гражданскаго величія: умомъ и твердымъ мужествомъ. Мы спѣшимъ къ цѣли—и, обращая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ россіянъ Петръ, гдѣ нашла ихъ Екатерина, смѣло надѣемся, что между сею блестящею цѣлію и нами скоро не будетъ уже ни одного европейскаго народа“.

Слѣдя за Карамзинымъ съ самало начала его литературной дѣятельности, мы вездѣ видѣли его страстную преданность умственнымъ и нравственнымъ интересамъ. Но до изданія „Вѣстника Европы“ онъ говорилъ объ этихъ интересахъ, имѣя въ виду людей вообще, „человѣчество“, какъ онъ выражался, и только изрѣдка упоминалъ о Россіи: теперь онъ заговорилъ главнымъ образомъ объ умственныхъ и нравственныхъ интересахъ своего отечества. Успокоенный относительно положенія дѣлъ въ Европѣ, положенія, какъ онъ видѣлъ, отнюдь не грозящаго наукамъ и просвѣщенію вообще, а наоборотъ—оживляющаго его надежды на дальнѣйшій духовный прогрессъ въ тѣхъ странахъ, куда нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ ѣздилъ съ цѣлію усовершенствовать въ себѣ человѣка, — Карамзинъ переноситъ свой взоръ на Россію, видитъ на тронѣ ея государя, „расположеннаго ко всякому добру“, и, вѣря въ силы русскаго народа, начинаетъ и съ своей стороны, „помогать нравственному образованію этого народа, развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни“. Разсмотрѣнную статью мы и назвали центральной въ томъ

смыслъ, что ею, во-первыхъ, опредѣляется направленіе новаго журнала Карамзина, а во-вторыхъ, указываются и тѣ основанія, на которыя издатель опирался, придавая своему журналу извѣстное направленіе. Наконецъ ее можно назвать центральной еще и потому, что къ ней, какъ къ центру, примыкаютъ и многія другія публицистическія статьи издателя. Ихъ мы теперь и рассмотримъ.

Въ статьѣ: „Пріятные виды“... между прочимъ сказано, что гражданинъ обязанъ въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества. Подъ таковыми сынами Карамзинъ разумѣлъ людей, не только честно исполняющихъ свое служебное дѣло, но и проникнутыхъ чувствомъ народнаго самоуваженія—чувствомъ, которое, какъ мы видѣли ¹³²), нерѣдко парализовалось разнаго рода галломанскими, англomanскими и вообще космополитическими влеченіями.

Желая повліять на поднятіе въ обществѣ разумнаго, сознательнаго патріотизма и чувства народнаго самоуваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ показать неосновательность тѣхъ, которые ужъ слишкомъ „смирены въ мысляхъ о своемъ народномъ достоинствѣ“, Карамзинъ помѣстилъ въ „Вѣстникъ Европы“ (1802, № 4) свою всѣмъ извѣстную статью: „О любви къ отечеству и народной гордости“. Начинается эта статья теоретическимъ разъясненіемъ понятія о любви къ отечеству, которая, какъ говоритъ авторъ, можетъ быть трехъ видовъ: физическая, нравственная и политическая. Первая, заключающаяся въ естественной привязанности человѣка къ мѣсту своего рожденія, и вторая—въ привычкѣ къ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ росъ и воспитывался, суть „дѣйствіе природы и свойствъ человѣка“, и потому „не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились греки и римляне“. Добродѣтель эта—патріотизмъ, или политическая любовь къ отечеству. „Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его“. Затѣмъ авторъ указываетъ, какого именно разсужденія требуетъ патріотизмъ.

„Самая лучшая философія“—говоритъ онъ—„есть та, которая основываетъ обязанности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина

и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества“. Отсюда выводъ: „Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе—гордость народную, которая служитъ опорой патріотизма“. Выводъ относительно-народной гордости подтверждается примѣрами: „Такъ греки и римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ“.

Покончивъ съ теоретическою частью своей статьи, Карамзинъ обращается къ современному ему русскому обществу и говоритъ: „Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне *смирены* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ—а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ. Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа россійскаго; *станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое, и повторимъ его съ благородною гордостію*“.

Приглашеніе стать смѣло на ряду съ другими Карамзинъ основываетъ на высокихъ свойствахъ характера русскаго народа и на его духовныхъ способностяхъ—и чтобы раскрыть эти свойства и эти способности, онъ обращается сперва къ его прошлому—къ исторіи, а затѣмъ и къ текущему настоящему.

Обращаясь къ исторіи, Карамзинъ останавливается на тѣхъ моментахъ и фактахъ, которые наиболѣе характеризуютъ духовный складъ русскаго народа, и напоминаетъ читателю о слѣдующемъ.

Уже первая страница нашей исторіи говорятъ, что „слава была колыбелью русскаго народа, а побѣда—вѣстницею бытія его“; что славяне разбивали римскіе легіоны и брали дань съ царей греческихъ; что предки наши „отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ“. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ русскіе „не уступали

другимъ европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености, и во время Ярослава были переведены на славянскій языкъ многія греческія книги. Къ чести твердаго русскаго характера служить то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ а знаніе грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Благодаря удѣльной системѣ, Россія пережила татарское иго, но и въ самомъ несчастіи явила свое величіе. Она, „терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владимира, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости, и тѣмъ спасли имя русскихъ отъ поношенія“. Самое то обстоятельство, что Россія подпала подъ татарское иго, не можетъ позорить ее въ глазахъ Европы, потому что который же изъ ея народовъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? „По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали Востокъ и Западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра. И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому государю: народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе. Время самозванцевъ представляетъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца—граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ... Древняя и новая исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго геройскаго патріотизма“. Перейдя къ преобразованной Петромъ Россіи, Карамзинъ отмѣчаетъ успѣхи ея въ военномъ искусствѣ. „Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва великій государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою европейскою арміею. Явились генералы, нынѣ ученики, а завтра—примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ шведовъ, турокъ—и наконецъ французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ,

бѣжали въ Италиі отъ перваго взмаха штыковъ русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою“.

Обращаясь къ текущему настоящему, авторъ статьи указываетъ, что русскіе, сравнившись съ европейцами въ военномъ искусствѣ, сравнились съ ними и во многихъ другихъ отношеніяхъ. „Наша людкость“,—говоритъ Карамзинъ,—„тонъ общества, вкусъ въ жизни—удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмого-надесять вѣка считался варварскимъ“. Правда, все это было перенято отъ Европы, и „завистники русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ высшей степени *переимчивость*; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учителя Лейбница находили въ немъ также одну *переимчивость*“.

Дойдя такимъ образомъ до современныхъ ему дней, Карамзинъ въ дальнѣйшей части своего разсужденія продолжаетъ говорить о достоинствахъ русскаго человѣка, но въ то же время и укоряетъ образованное общество въ его недостаткахъ, въ особенности въ тѣхъ, которые были слѣдствіемъ его галломаніи.

Сравнивая наши успѣхи въ военномъ искусствѣ съ успѣхами въ наукахъ, Карамзинъ находитъ послѣдніе недостаточными, но объясняетъ эту малоуспѣшность отнюдь не недостаткомъ дарованій, а единственно лишь малою долею обращеннаго на науки вниманія. „Если бы наши молодые дворяне *учась могли доучиваться* и посвящать себя наукамъ, то,—говоритъ онъ, подобно Ломоносову исполненный вѣры въ способности русскаго человѣка,—мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣхи литературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слоги въ стихахъ и прозѣ,—и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога?“ Излишнее поклоненіе иностранному, доведшее многихъ до пренебрежительнаго отношенія къ отечественной словесности, вызываетъ слѣ-

дуюція слова Карамзина: „Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою: французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдають справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ *)... Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ русскаго языка: это извиненіе хуже самой вины“. Послѣднія слова автора статьи показываютъ, до какихъ предѣловъ доходило иногда слѣдствіе французскаго воспитанія. При этомъ худое знаніе отечественнаго языка у галломановъ соединялось со взглядомъ на него, какъ на языкъ грубый и непріятный. Карамзинъ, какъ мы видѣли, еще въ „Письмахъ“ своихъ указывалъ достоинства русскаго языка; теперь онъ еще разъ беретъ на себя его защиту и говоритъ: „Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармонією, нежели французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, т.-е. сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснить имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что «языкъ нашъ долженъ быть весьма темень, ибо русскіе, говоря имъ, — по его замѣчанію, — не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому». Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ?—Языкъ важенъ для патріота, и я люблю англичанъ за то, что они лучше хотятъ *свистать* и *шипѣть* по-англійски, ... нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ“.

Въ заключеніи Карамзинъ даетъ совѣтъ русскому обществу

*) Такимъ образомъ самый худой французскій переводъ Ломоносова одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ журналистовъ. (Примѣч. Карамз.).

быть разумнымъ въ подражаніи и заимствованіи и позаботиться о самобытности. „Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно!*.. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!“

Въ разсмотрѣнной статьѣ Карамзинъ является публицистомъ не только высоко оцѣнивающимъ значеніе народности, но и борникомъ народной самобытности: сказавши когда-то, что „путь просвѣщенія *одинъ* для народовъ“, что „всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ“, — онъ теперь различаетъ въ исторіи каждаго народа два періода: подражательный и самобытный, и говоритъ, что первый для Россіи уже окончился, и наступило время второго. Девизъ нашъ въ этомъ второмъ періодѣ — *труды и надежды*. „Побѣды очистили намъ путь ко благоденствію; слава есть право на счастье“.

Въ тѣсной связи съ разсужденіемъ: „О любви къ отечеству...“ находится статья: „Странность“ (1802, № 2), написанная по поводу появившейся въ московскихъ газетахъ публикати, въ которой долго жившій въ Россіи французъ и возвратившійся въ свое отечество приглашалъ русскихъ дворянъ отправлять дѣтей въ открытый имъ близъ Парижа пансіонъ, обѣщая учить ихъ всему нужному, въ особенности же русскому языку. Статья эта интересна не только какъ голосъ патріота, но и какъ изложеніе взглядовъ ея автора на воспитаніе.

„Живучи въ уединеніи“, — пишетъ Карамзинъ, — „я не знаю, что другіе подумали о такомъ объявленіи. Мнѣ кажется оно болѣе смѣшнымъ, нежели досаднымъ: ибо я увѣренъ, что наши дворяне не захотятъ воспользоваться благосклоннымъ предложеніемъ господина N. N. Французы вѣтрены — были и будутъ! Снисходительный человѣкъ во многомъ извиняетъ ихъ *легкомысліе*. Иначе какъ вздумать, чтобы родители въ отечествѣ нашемъ не имѣли способовъ воспитывать дѣтей, и могли безразсудно удалить ихъ отъ себя, забыть священный долгъ свой и ввѣрить судьбу юныхъ сердецъ чужому, неизвѣстному человѣку?.. У насъ есть разсудокъ. Мы знаемъ первый и святѣйшій законъ природы, что мать и отецъ должны образовать нравственность дѣтей своихъ, которая есть главная часть воспитанія; мы знаемъ, что всякій долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе привыкать къ ея климату, обычаямъ, характеру жителей, образу жизни и правленія; мы знаемъ, что въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ рус-

скимъ—а намъ, для государственнаго счастья, не надобно ни французовъ ни англичанъ!“ Далѣе авторъ говоритъ, что поѣздку за границу онъ считаетъ для молодого человѣка очень полезной, но лишь въ то время, когда онъ подготовленъ къ ней „основательнымъ разсужденіемъ“; но ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ, чтобы дѣти съ юныхъ лѣтъ воспитывались внѣ своего отечества, ибо человѣкъ „*всегда, всегда любитъ ту землю, въ которой воспитывался*“. истина, важная для отцовъ семейства и понятная для всякаго разума!... Если отецъ пошлетъ десятилѣтняго сына своего на пять или на шесть лѣтъ въ чужую землю, то чужая земля будетъ для сына отечествомъ: она дастъ ему первыя нравственныя, сильныя чувства, и сама натура привяжетъ его къ ней милыми, неразрывными узами. Возрастъ отрока есть развитіе нравственности и души; отъ 10 до 15 лѣтъ рѣшится судьба нашей жизни и чувствительности... А сынъ мой, которому опредѣлено жить и умереть въ Россіи, поѣдетъ образовать душу свою во Францію? Ему надобно знать русскихъ, съ которыми у него одно гражданское и нравственное счастье: а я пошлю его къ французамъ! Положимъ, что всѣ европейскіе народы съ нѣкотораго времени сближаются между собою характеромъ; но различіе все еще велико, и навсегда останется въ свойствахъ, обычаяхъ и нравахъ, происходящихъ отъ климата, образа правленія, *судьбы нашихъ предковъ* и другихъ причинъ, еще неизъясненныхъ философами. Господинъ Н. Н., учредитель парижскаго пансіона, скажетъ намъ: „Вы должны согласиться, что человѣкъ еще важнѣе гражданина: а человѣкъ можетъ лучше образоваться во Франціи, нежели въ Россіи“. Первое справедливо; на второе не согласимся. Мы уже, слава Богу, не варвары; у насъ есть всѣ способы просвѣщенія, какіе только могутъ найтись во Франціи; и тамъ и здѣсь учатъ одному, по однимъ авторамъ и книгамъ. Самый французскій языкъ можно въ Петербургѣ или въ Москвѣ узнать такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ“. Къ этому Карамзинъ прибавляетъ замѣтку и о русскомъ языкѣ. Если даже допустить, говоритъ онъ, что французскій языкъ нельзя изучить въ Россіи такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ, то все-таки „нѣкоторые совершеннѣйшіе его оттѣнки награждаютъ ли за нравственный и политическій вредъ чужестраннаго воспитанія? Природный языкъ для насъ важнѣе французскаго; а господинъ Н. Н., не смотря на свое милостивое обѣщаніе, не выучить дѣтей нашихъ въ Парижѣ говорить такъ хорошо по-русски, какъ они здѣсь выучатся. Питомцы его, черезъ 6 или 7 лѣтъ возвратясь въ Россію, стали бы терзать слухъ

нашъ варварскими своими фразами; они сказали бы намъ: „мы говоримъ языкъ свой; мы знаемъ математики; мы представляемъ наши почтенія согражданамъ“ *)—а сограждане назвали бы ихъ глупцами, невѣждами, дурно-воспитанными людьми: ибо кто не знаетъ своего природнаго языка, тотъ, конечно, дурно воспитанъ, хотя бы зналъ наизусть и всѣ книги браминовъ; они сказали бы симъ полу-галламъ: „Зачѣмъ вы къ намъ пріѣхали? зачѣмъ не остались во Франціи? Мы не признаемъ васъ земляками своими; вы недостойны называться русскими, которые гордятся языкомъ Святослава, Владимира, Пожарскаго, Петра Великаго. Вы не имѣете отечества: ибо и самые французы, не смотря на то, что вы прекрасно даете чувствовать нѣмое е, не признаютъ васъ французами!“ Заканчивается статья сильнымъ выраженіемъ патріотическаго чувства, соединеннаго съ негодованіемъ противъ явленій галломаніи. Въ питомцахъ господина N. N., говоритъ авторъ, „добродушные родители, лишивъ себя неизъяснимаго удовольствія видѣть въ лицѣ и въ душѣ милыхъ дѣтей расцвѣтаніе красоты физической и нравственной, вмѣсто благовоспитанныхъ людей увидѣли бы французскихъ обезьянъ или попугаевъ, которые наименовали бы имъ всѣхъ парижскихъ актеровъ, а не умѣли бы съ чувствомъ произнести священнаго имени Россіи, отца, матери и согражданъ!“

Издатель „Вѣстника Европы“, какъ видимъ, стоялъ за національное воспитаніе. Но возставать противъ воспитателей-иностранцевъ заставляло его не одно патріотическое чувство: воспитатели эти, не будучи въ состояніи образовать хорошаго русскаго гражданина, нерѣдко не могли воспитать и хорошаго человѣка. До какой степени могло иногда простираться ихъ растлѣвающее вліяніе—Карамзинъ указываетъ въ статьѣ: „Моя исповѣдь“ (1802, № 6), написанной въ видѣ письма къ издателю отъ лица графа N. N., который и является героемъ разсказа. Вотъ въ какихъ чертахъ изображенъ герой. Сынъ богатаго знатнаго господина, выросшій шалуномъ, выучился по-французски и не зналъ народнаго языка своего; игралъ десяти лѣтъ на театрѣ, и въ пятнадцать не имѣлъ идеи о должностяхъ человѣка и гражданина. На шестнадцатомъ году его отправили за границу подъ надзоромъ женева Менделя. „Любезный графъ!“ сказалъ ему Мендель: „природа и судьба уговорились сдѣлать тебя образцомъ

*) „Такія фразы слышали мы отъ русскихъ французовъ“. (Примѣчаніе Карамзина).

любезности; ты прекрасенъ, уменъ, богатъ и знатенъ: довольно для блестящей роли въ свѣтѣ! все прочее не стоитъ труда. Мы ѣдемъ въ Лейпцигскій университетъ; родители твои, слѣдуя обыкновенію, желаютъ, чтобы ты украсилъ разумъ свой знаніями, и поручили тебя моему смотрѣнію: будь спокоенъ! я родился въ республикѣ—и ненавижу тиранство! Надѣюсь только, что моя снисходительность заслужитъ со временемъ твою признательность“. И вотъ юноша по утрамъ дремлетъ на лекціяхъ, а по вечерамъ ведетъ разгульную жизнь, затѣмъ продолжаетъ вести ее въ Парижѣ, гдѣ удивляетъ вѣтренниковъ „какъ смѣлою своею философіею, такъ и всѣми тонкостями *языка повѣсь*, всѣми его техническими выраженіями“, заимствованными отъ Менделя. Пополнивъ потомъ курсъ своего образованія въ Англии тѣмъ, что научился „усердно“ пить, онъ возвращается въ отечество безъ всякой ясной идеи въ головѣ, безъ всякаго чувства въ сердцѣ, кромѣ скуки; начинаетъ вести такую распутную жизнь, что превосходитъ всѣхъ романическихъ Ловеласовъ; проматываетъ все свое состояніе, теряетъ и послѣдніе остатки нравственнаго чувства—и въ концѣ своей исповѣди говоритъ: „Правда, что нѣкоторые люди смотрятъ на меня съ презрѣніемъ и говорятъ, что знатная фамилія есть обязанность быть полезнымъ человѣкомъ въ государствѣ и добродѣтельнымъ гражданиномъ въ отечествѣ. Но повѣрю ли имъ, видя съ другой стороны, какъ многіе изъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ стараются подражать мнѣ, живутъ безъ цѣли, женятся безъ любви, разводятся для забавы и разоряются для ужиновъ!“

Положимъ, что Карамзинъ изображаетъ тутъ типъ сатирической и сгущаетъ краски; но во всякомъ случаѣ въ жизни русскаго общества того времени много было явленій, подававшихъ поводъ къ подобной сатирѣ. И чего нельзя ожидать отъ тѣхъ воспитателей, на которыхъ сами же французы смотрѣли, какъ на заразную язву. Мессельеръ, чиновникъ французскаго посольства при дворѣ императрицы Елисаветы, въ своемъ „*Voyage à Pétersbourg, ou nouveaux mémoires sur la Russie*“ между прочимъ пишетъ: „Мы обступлены были тучею всякаго рода французовъ, изъ коихъ главная часть, поссорясь съ парижской полиціею, пришли *заражать* сѣверныя страны. Мы поражены были удивленіемъ и сожалѣніемъ, нашедъ у многихъ знатныхъ господъ бѣглецовъ, промотавшихся, распутныхъ людей, которымъ поручено было воспитаніе дѣтей самыхъ знатнѣйшихъ“¹³³). Подобные воспитатели встрѣчались очень часто и въ Екатерининскую и въ Алексан-

дровскую эпоху. Вотъ почему Карамзинъ былъ недоволенъ тѣмъ, что большая часть наставниковъ въ то время у насъ были иностранцы, и онъ не разъ обращалъ на это вниманіе правительства. Такъ въ статьѣ: „О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи“ (1802, № 8), написанной главнымъ образомъ съ цѣлю высказать одобреніе по поводу начавшагося учрежденія въ городахъ такъ называемыхъ „благородныхъ пансіоновъ“, онъ, указывая, что уже императрица Екатерина думала о замѣнѣ иностранныхъ наставниковъ природными русскими и хотѣла, чтобы въ кадетскомъ корпусѣ нарочно для этой цѣли воспитывались дѣти мѣщанъ,—говоритъ: „нельзя ли возобновить мысль ея, нельзя ли сравнять выгоды учительскаго званія съ выгодами чиновъ? или нельзя ли завести особенной педагогической школы, для которой россійское дворянство въ нынѣшнія счастливыя времена не пожалѣло бы денегъ?... У насъ не будетъ совершенно моральнаго воспитанія, пока не будетъ хорошихъ русскихъ учителей... Никогда иностранецъ не пойметъ нашего народнаго характера, и слѣдственно не можетъ сообразоваться съ нимъ въ воспитаніи. Иностранцы весьма рѣдко отдаютъ намъ справедливость: мы ихъ ласкаемъ, награждаемъ, а они, выѣхавъ за курляндскій шлагбаумъ, смѣются надъ нами или бранятъ насъ... и печатаютъ нелѣпости о русскихъ“.

Вопросу объ учителяхъ посвящена Карамзинымъ даже цѣлая статья, но мы должны сперва коснуться предшествовавшей ей статьи, написанной по поводу объявленія „Новаго плана народнаго просвѣщенія“ и озаглавленной такъ: „О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“ (1803, № 5). Статья эта, начинающаяся словами: „24 января державная рука Александра подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи“, есть выраженіе восторга автора при мысли, что вслѣдствіе этого указа въ нашемъ отечествѣ „городскія школы, гимназіи, университеты, умноженные числомъ, оживленные лучшимъ внутреннимъ образованіемъ, будутъ сильнѣе прежняго дѣйствовать на воспитаніе умовъ“. Но болѣе всего онъ радуется тому, что отнынѣ, по волѣ императора Александра, просвѣщеніемъ въ Россіи будутъ пользоваться не одни высшія сословія, но и простые земледѣльцы. „Петръ Великій“—воскликаетъ Карамзинъ—„учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета—первый университетъ, Великая Екатерина—городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: *да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!*“

Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самая блестящія царствованія бывають только личною славою монарха, не отечества, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистию, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея“. Часто указывая въ своихъ сочиненіяхъ на важное значеніе просвѣщенія для человѣчества вообще, Карамзинъ останавливается въ этой статьѣ на значеніи его для государства. „Не одно народное славолубіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствию благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, раждаетъ злоупотребленія, несправедливости и—однимъ словомъ—не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлю истинно великаго, т.-е. добродѣтельнаго монарха“.—Однако, воздавая хвалу Александру, авторъ статьи не хочетъ, чтобы похвала его была истолкована въ смыслѣ упрека предшественникамъ этого государя, и потому замѣчаетъ: „Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего монарха не должна казаться неблагодарностию въ разсужденіи его славныхъ и великихъ предшественниковъ. Имя Петра и Екатерины будетъ вѣчно сіять въ заглавіи исторіи ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего они не могли сдѣлать, то сдѣлалъ Александръ, который имѣетъ счастье царствовать послѣ нихъ и въ девятомъ-надесять вѣкѣ“. Далѣе авторъ обращается къ русскому дворянству и вызываетъ его прійти на помощь правительству въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе народа. „Теперь“—говоритъ онъ—„дворянство російское имѣетъ случай доказать свое усердіе къ отечеству; доказать, что мы достойны такого монарха и нашихъ предковъ, и что польза общая намъ всего любезнѣе. Заведеніе и надежный успѣхъ сельскихъ училищъ зависятъ отчасти отъ патріотической ревности дворянъ: они, безъ сомнѣнія, изъявляютъ ее всѣми возможными способами, и посредственность будетъ спорить съ избыткомъ въ знакахъ великодушной щедрости. Самая вѣрнѣйшая опора политическихъ и государственныхъ правъ есть государственная добродѣтель... Нынѣ, благодаря Провидѣнію, времена спокойны, и мы не въ печальной, но въ радостной одеждѣ можемъ служить отечеству...; можемъ и должны исполнить надежду монарха...; можемъ стараніями, пріятными для благород-

ной души, и частию доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу потомства...“ И затѣмъ Карамзинъ указываетъ на важность заведенія сельскихъ школъ: „Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ“.

Эту же мысль о важности распространенія просвѣщенія въ народѣ Карамзинъ высказывалъ и въ своемъ „Похвальномъ словѣ“. „Народныя школы“, говорилъ онъ тамъ, „могутъ и должны быть полезнѣе всѣхъ академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы, ариѳметическія числа и рассказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи исторіи, или, развертывая нравственный катихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно человѣку быть добрымъ, въ глазахъ философа почтенъ не менѣе метафизика,... натуралиста, фізіолога, астронома, занимающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей“.

Порадовался Карамзинъ и тѣмъ двумъ статьямъ „Новаго плана“, изъ которыхъ одна предоставляла университетамъ право самимъ выбирать профессоровъ, а другая побуждала къ изученію законовѣдѣнія всѣхъ молодыхъ людей, желавшихъ вступить въ гражданскую службу. Первая возвышала ученое сословіе и ставила ученыхъ въ зависимость только отъ ученыхъ же, а вторая гарантировала правосудіе отъ ошибокъ невѣжества.

Теперь обратимся къ оставшейся еще неразсмотрѣнною статьѣ объ учителяхъ. Она помѣщена въ 8-мъ № „Вѣстника Европы“ за тотъ же 1803 г., подъ заглавіемъ: „О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей“, и первыя же строки ея показываютъ, что она тоже находится въ связи съ обнародованіемъ „Новаго плана“.

Указавъ, что у насъ, какъ и вездѣ, есть два рода людей: одни вѣрятъ въ легкій успѣхъ добраго намѣренія, а другіе встрѣчаютъ его припѣвомъ лѣниваго ума: „какъ ни мудри, а все будетъ по старому“—Карамзинъ говоритъ: „Такимъ образомъ и сей новый уставъ просвѣщенія, которымъ утѣшаются добрые патріоты, можетъ иному флегматическому скептику представить великія трудности въ своемъ исполненіи. Напримѣръ, онъ скажетъ: „Гдѣ

Россія будетъ находить столько учителей, сколько ихъ нужно для уѣздныхъ и губернскихъ школъ по новому образованію? кѣмъ наполнятся педагогическіе институты? можно ли надѣяться на довольное число охотниковъ?“— „Отвѣчаемъ ему“. — Отвѣтъ Карамзина заключался въ слѣдующемъ предложеніи: „если въ Москвѣ и въ каждомъ учебномъ округѣ Россіи будетъ отъ 300 до 500 воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи, то черезъ 10 или 15 лѣтъ университетскимъ правленіямъ останется только выбирать достойнѣйшихъ изъ нихъ для званія учителей. Патриотическая ревность нашего дворянства и купечества можетъ въ семъ случаѣ обнаружиться съ блескомъ и существенною пользою, чтобы не отяготить казны издержками... Пусть богатый человѣкъ достойно славится тѣмъ, что его благотворительность воспитываетъ 10 или 20 молодыхъ людей при университетѣ: другой не менѣе его можетъ радоваться мыслию, что, удѣляя нѣчто отъ плодовъ своего трудолюбія, дастъ хотя *одному* сыну бѣднаго мѣщанина средство учиться и быть полезнымъ гражданиномъ“.

Мы только что приводили взглядъ Карамзина на народнаго учителя, высказанный имъ въ его „Похвальномъ словѣ“. Въ разсматриваемой статьѣ онъ тоже старается поднять это званіе въ глазахъ общества—и пишетъ: „Народный учитель есть, конечно, какъ говорится, не великій господинъ; но малочинодность бываетъ оскорбительна для самолюбія только въ гражданской дѣятельности и въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми. Учитель по должности своей удаленъ отъ свѣтскаго вихря: онъ есть глава въ кругу своемъ, не имѣетъ нужды въ другихъ, а другіе имѣютъ въ немъ нужду (отцы и родственники учениковъ), и можетъ скорѣе возгордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ. Сіе знаменіе такъ справедливо, что во многихъ европейскихъ земляхъ *гордость школьнаго мастера* вошла въ пословицу“.

Еще въ первой книжкѣ „Вѣстника Европы“ Карамзинъ сказалъ, что ему утѣшительно помогать нравственному образованію русскаго народа и развивать идеи. Въ статьѣ: „О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей“ онъ какъ бы заявляетъ, что не ошибся въ своей сладкой надеждѣ на такое утѣшеніе. Онъ говоритъ: „Нынѣшнее счастливое состояніе Россіи, мудрый духъ правленія, спокойствіе сердець, веселыя лица, чувствительность русскихъ къ добру—вселяютъ въ насъ охоту разсуждать о дѣлахъ общей пользы“. И дѣйствительно издатель „Вѣстника

Европы“ охотно разсуждалъ о дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ, слѣдилъ за тѣми и другими, высказывалъ свой взглядъ, подавалъ совѣты. Такъ, когда при Московскомъ университетѣ открылись публичныя лекціи съ цѣлю, „чтобы самымъ тѣмъ людямъ, которые не думаютъ и не могутъ исключительно посвятить себя ученому состоянію, сообщать свѣдѣнія и понятія о наукахъ *любопытнѣйшихъ*“,—Карамзинъ въ статьѣ: „О публичномъ преподаваніи наукъ въ Московскомъ университетѣ“ (1803) радостно привѣтствовалъ такое начинаніе. Онъ одобрительно отнесся къ программѣ лекцій, и мы не можемъ не привести того мѣста его отзыва, которымъ характеризуется взглядъ его на значеніе естествовѣдѣнія въ образовательномъ курсѣ. При Московскомъ университетѣ читались публичныя лекціи исторіи народовъ и исторіи естественной. Карамзинъ говоритъ: „знаніе той и другой необходимо для человѣка и гражданина, если онъ желаетъ называться просвѣщеннымъ“.—Читалось также и систематическое обзрѣніе торговли. По поводу этого рода лекцій авторъ статьи замѣчаетъ: „Торговля, будучи связію народовъ, мѣною ихъ промышленности, доставленіемъ многихъ пріятностей жизни и способомъ какъ частнаго, такъ и государственнаго обогащенія, сдѣлалась нынѣ важною наукою для людей, которые посвящаютъ себя ея великимъ предпріятіямъ, и весьма любопытною для того, кто хочетъ имѣть ясныя идеи о политическомъ состояніи нынѣшнихъ государствъ. Не только купцу или человѣку, обязанному по своей гражданской должности знать основаніе, свойство и ходъ торговли, но и всякому другому пріятно имѣть свѣдѣніе о разныхъ видахъ коммерціи, о государственныхъ выгодахъ, отъ нея происходящихъ, о государственныхъ правилахъ, которымъ въ разсужденіи торговли слѣдуютъ благо-разумные министры, — о банкахъ, обращеніи денегъ, курсѣ и проч.“.

Лекціи имѣли успѣхъ, и Карамзинъ нѣкогда описывавшій тѣсноту и вниманіе слушателей въ аудиторіи Платнера, не мало, конечно, радовался, видя въ залѣ Московскаго университета „знатныхъ дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ Заиконоспасской академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на профессорскую кафедру“. Онъ надѣялся, что „сіи публичныя лекціи должны со временемъ имѣть еще болѣе успѣха, т.-е. образовать еще большее число *любителей учености*“, и, имѣя въ виду нерѣдкіе случаи отправленія еще незрѣлыхъ юно-

шей въ заграничные университеты, сдѣлалъ такую замѣтку: „Послѣ всего, что великодушный Александръ сдѣлалъ и дѣлаетъ для ускоренія наукъ въ Россіи, мы не исполнимъ долга патріотовъ и даже поступимъ неблагоразумно, если будемъ еще отправлять молодыхъ людей въ чужія земли учиться тому, что преподается въ нашихъ университетахъ. Московскій отличается уже въ разныхъ частяхъ достойными учеными мужами: скоро новые профессора, вызванные изъ Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные своими талантами, умножатъ число ихъ, и *первый* университетъ російскій, подъ руководствомъ своего дѣятельнаго и ревностнаго къ успѣху наукъ попечителя, Михаила Никитича Муравьева, возвысится еще на степень славнѣйшую въ ученomъ свѣтѣ“.

По случаю манифеста объ образованіи министерствъ (на мѣсто Петровскихъ коллегій) и указа „о правахъ и должностяхъ Сената“, Карамзинъ указалъ ¹³⁴⁾ слѣдующую программу дѣятельности министровъ: „способствовать утвержденію мудрой политической системы въ Европѣ, торжеству святого правосудія внутри имперіи, благоустройству во всѣхъ частяхъ ея, мирнымъ искусствамъ гражданственности и народному просвѣщенію, котораго одно имя столь любезно душѣ благородной, и безъ котораго нѣтъ *ни славы, ни величія, ни морали* въ государствахъ“—и тутъ же прибавилъ: „Уже прошло то время въ Россіи, когда одна милость государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины II, и россияне чувствуютъ достоинство знаменитыхъ патріотовъ, цѣну ихъ усердія къ отечеству и монарху, цѣну чистой добродѣтели; теперь *лестно и славно заслужить*, вмѣстѣ съ милостію государя, и *любовь просвѣщенныхъ россиянь*“. Это было сказано по адресу министровъ; по адресу же сенаторовъ предназначались слѣдующія слова: „Сей указъ напоминаетъ намъ славное начало Сената, когда первый императоръ Россіи, побѣдивъ Швецію и приготовляясь къ новой, не менѣе опасной войнѣ, основалъ его, какъ спасительный колоссъ власти въ столицѣ государства, и съ торжественными обрядами самъ повелъ сенаторовъ къ алтарю Всевышняго клясться предъ лицомъ Россіи, что они будутъ вѣрными государю и государству, правдѣ и совѣсти «до послѣдняго издыханія силы, памятуя будущій престолъ и на немъ сидящаго въ день страшнаго испытанія»:—клятва великая и святая, которою сенаторъ навсегда обрекается быть живымъ органомъ государственной добродѣтели и дѣлается въ глазахъ каждаго россиянина истинно-знаменитымъ сыномъ оте-

чества, ибо великія обязанности дѣлають человека знаменитымъ, предполагая въ немъ особенную силу или добродѣтель для ихъ выполненія“.

Въ статьѣ: „О россійскомъ посольствѣ въ Японию (1803), написанной по поводу снаряженія экспедиціи въ эту страну, Карамзинъ указалъ обществу на важное значеніе этого предпріятія и въ научномъ, и въ торговомъ, и въ политическомъ отношеніи, и тутъ же выступилъ противникомъ тѣхъ, по его выраженію, *очень скромныхъ* русскихъ, которые полагали, что Россія, не имѣя незамерзающихъ гаваней, не должна думать „о знаменитости въ мореплаваніи“. „Петръ Великій не такъ думалъ“, говоритъ нашъ новый Теофанъ Прокоповичъ. „Мудрено ли? Онъ былъ русскій въ душѣ и патріотъ; а сіи господа или англomanы, или галломаны, и желаютъ называться космополитами. Только мы, обыкновенные люди, не можемъ съ ними парить выше *низкаго* патріотизма; мы стоимъ на землѣ—и на землѣ Русской; смотримъ на свѣтъ не въ очки систематиковъ, а своими природными глазами; думаемъ, что въ нынѣшнемъ состояніи вещей государство не можетъ достигнуть до совершеннаго величія безъ флотовъ и знаменитыхъ успѣховъ мореплаванія“. И далѣе слѣдуютъ доказательства, почему Россія должна заботиться о развитіи своего флота, а также и „смѣлаго духа предпріимчивости“. Японская экспедиція являлась въ глазахъ автора залогомъ будущихъ успѣховъ въ томъ и другомъ.

Новѣйшая критика ставитъ въ упрекъ издателю „Вѣстника Европы“ между прочимъ то, что онъ, рассматривая событія изъ внутренней жизни Россіи, „выдвигалъ наиболѣе утѣшительныя изъ нихъ и стусевывалъ или совсѣмъ опускалъ тѣ, которыя могли бы дать менѣе розовыя понятія о дѣйствительности“. Ему ставятъ на видъ такія, на примѣръ, его отзывы: „наша людкость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ“; „свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; благородныя, истинно человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ“; „наше среднее состояніе успѣваетъ не только въ искусствѣ торговли, но многіе изъ купцовъ спорятъ съ дворянами и въ самыхъ общественныхъ свѣдѣніяхъ“ и т. п. ¹³⁵) Но вѣдь надо имѣть въ виду, что издатель „Вѣстника“ хотѣлъ дѣйствовать на общество прежде всего ободряющимъ образомъ, хотѣлъ поднять въ немъ чувство народной гордости. Отсюда естественно, что онъ долженъ былъ искать въ этомъ обществѣ и собирать именно то, что было въ немъ свѣтлаго, и

что могло его поднять въ его же собственныхъ глазахъ. При томъ же Карамзинъ, указывая на „утѣшительныя“ явленія, не былъ совершенно неправъ: какъ ни много было еще отрицательныхъ сторонъ въ русской жизни, все же Россія, хотя и медленно, шла впередъ. Ко всякому движенію можно относиться двояко: можно быть недовольнымъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ желаемой быстроты, но и можно радоваться и тѣмъ успѣхамъ, которые совершаются и при движеніи наличной скорости. Въ расчетъ Карамзина входило послѣднее, но не исключительно: онъ, какъ мы видѣли, указывалъ и на темныя стороны русской жизни, то прямо осуждая ихъ, то намекая на нихъ выраженіемъ своихъ пожеланій, какъ напр. это сдѣлано имъ относительно комиссіи составленія законовъ и въ предлагаемой имъ программѣ дѣятельности министровъ.

Впрочемъ и самъ критикъ, дѣлающій Карамзину вышеуказанные упреки, все-таки признаетъ за „Вѣстникомъ Европы“ важную роль въ исторіи русской журналистики. „Объ этой роли“—говоритъ онъ—„нельзя судить съ точки зрѣнія настоящаго:... многое, что теперь кажется отсталостью, полвѣка тому назадъ было значительнымъ прогрессомъ. До Карамзина у насъ, вмѣсто настоящей журналистики, въ принятомъ смыслѣ этого слова, были официальные изданія, академическіе сборники, имѣвшіе характеръ скорѣе учебниковъ, чѣмъ общественныхъ органовъ... Карамзинъ же былъ первымъ журналистомъ, подводившимъ какъ русскія, такъ и иностранныя событія подъ мѣрило одного общаго воззрѣнія, первымъ частнымъ человекомъ, который пріобрѣлъ этимъ путемъ извѣстное вліяніе на публику, безъ официальной поддержки и какого бы то ни было казеннаго штемпеля. Собираясь писать русскую исторію, Карамзинъ съ твердостью указывалъ на свои журнальныя заслуги тогдашнему товарищу министра народнаго просвѣщенія, и изъ цыфры его годового дохода (6 тысячъ р.) видно, что публика оказывала ему не только нравственную, но и матеріальную поддержку—вопросъ, тоже немаловажный въ исторіи развитія журналистики“ *). Затѣмъ, сказавъ, что взгляды Карамзина подходили къ умственному уровню публики, что пѣтизмъ его былъ искренній, критикъ продолжаетъ: „Можно прямо сказать, что въ журналахъ Карамзина тогдашніе образованные люди находили не только тѣ факты, которые ихъ интересовали, но и

*) Въ первый годъ „Московскаго журнала“ у него было только 300 подписчиковъ, и врядъ ли даже онъ приносилъ барышъ издателю. У „Вѣстника Европы“ подписчиковъ было уже гораздо больше. (Примѣч. Пятковскаго).

тѣ воззрѣнія, которыя были имъ всего больше по вкусу. Все это излагалось притомъ легкимъ, простымъ языкомъ, понятнымъ для каждаго безъ особенныхъ усилій. Эта доступность воззрѣній Карамзина, эта золотая умѣренность, при всѣхъ своихъ теоретическихъ недостаткахъ, способствовала тому, что всѣ читатели невольно мирились на его журналъ, и ни одного изъ нихъ не отталкивалъ онъ отъ себя суровымъ словомъ или крайнимъ, строго выработаннымъ міросозерцаніемъ. «Какъ скоро между авторомъ и читателемъ—справедливо говорится въ статьѣ о книжной торговлѣ—великое разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго». Между Карамзинымъ и его читателями не было такой разъединяющей пропасти, а потому его изданія пошли хорошо и повлекли за собою цѣлую плеяду журналовъ съ различными направленіями и оттѣнками. Мнѣнія Карамзина, добавимъ это, не были крайнія и рѣзкія, но ихъ далеко нельзя было назвать въ ту пору ретроградными: по своей эластичности они не становились еще въ разрѣзъ съ умственнымъ движеніемъ эпохи, даже, наоборотъ, способствовали этому движенію, поддерживая любовь къ наукѣ и уваженіе къ человѣческой личности¹³⁶».

Конечно, перечислить заслуги Карамзина, какъ публициста, можно было бы и полнѣе: можно было бы указать на его стремленіе обратить вниманіе русскихъ на Россію, на ея исторію, на свой языкъ, на свою литературу — и вообще шире указать безспорно положительныя стороны „Вѣстника Европы“—стороны, о которыхъ мы уже говорили выше¹³⁷); но мы привели этотъ критическій отзывъ о журналѣ Карамзина не съ тѣмъ, чтобы воспользоваться имъ, какъ полной характеристикой, а лишь съ цѣлю отмѣтить, что и между антикарамзинистами есть критики, не отрицающіе важнаго общественнаго значенія публицистическихъ статей разсматриваемаго журнала.

Мы извлекли важнѣйшее изъ публицистическихъ статей „Вѣстника Европы“; остается еще освѣтить взглядъ Карамзина въ ту пору на одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ его времени—на вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Вопросъ этотъ, поднятый еще въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, затрогивался, какъ мы видѣли, и при Александрѣ I; но Карамзинъ не сталъ на сторону освобожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ современной намъ точки зрѣнія защита крѣпостничества не можетъ быть симпатичной — и отсюда такое негодованіе противъ Карамзина его новѣйшихъ критиковъ. Но какъ ни благородно это негодованіе,

мы предпочитаемъ спокойное отношеніе къ дѣлу—и прежде всего укажемъ тѣ основанія, на которыхъ Карамзинъ позволялъ себѣ высказываться противъ освобожденія, затѣмъ приведемъ тѣ рѣчи его, изъ которыхъ мы извлекли эти основанія, и потомъ уже перейдемъ къ критикѣ.

Высказанный въ „Вѣстникѣ“ взглядъ Карамзина на крестьянскій вопросъ очень напоминаетъ его взглядъ на формы правленія государствомъ, а именно — его сравнительный взглядъ на республику и самодержавную монархію. И дѣйствительно, подобно тому, какъ Карамзинъ не былъ безусловнымъ врагомъ республики, но считалъ ее небезопасной для блага гражданъ лишь подъ условіемъ высокаго развитія въ нихъ добродѣтели, а слѣдовательно, по его воззрѣнію, и просвѣщенія: такъ не является онъ безусловнымъ врагомъ и освобожденія крестьянъ: онъ допускаетъ его, но лишь подъ условіемъ соединенія свободы съ просвѣщеніемъ. Далѣе: подобно тому, какъ, по его завѣренію, гласящія о мятежахъ и безпорядкахъ лѣтописи республикъ привели его къ убѣжденію въ превосходствѣ монархіи ¹³⁸): такъ личный опытъ, познакомившій его съ вреднымъ вліяніемъ на крестьянъ „храмовъ русскаго неопрятнаго Бахуса“ и заставившій его видѣть умственную и нравственную неподготовленность ихъ къ свободѣ, приводитъ его къ убѣжденію въ опасности несвоевременной еще реформы. Но параллель этимъ еще не кончается: не затронута еще нравственная сторона вопроса—и остается мѣсто удивленію, какимъ образомъ Карамзинъ, заявлявшій, что онъ любитъ человѣчество болѣе страстно, чѣмъ Донъ-Кихоть любилъ свою Дульцинею ¹³⁹), могъ значительную часть его подчинять произволу помѣщика. Удивленіе это устраняется, если параллель будетъ продолжена. Подобно тому, какъ, по воззрѣнію Карамзина, душой правленія государствомъ должна быть справедливость, а монархъ — благотворителемъ своего народа: такъ та же справедливость должна быть душой отношенія къ крестьянамъ ихъ помѣщика, обязаннаго быть ихъ отцомъ, руководителемъ и благотворителемъ. Этимъ Карамзинъ и умиротворяетъ свое нравственное чувство, свою совѣсть.

Вотъ выводъ, вытекающій изъ помѣщенной въ 17-мъ № „Вѣстника Европы“ за 1803 г. статьи Карамзина: „Письмо сельскаго жителя ¹⁴⁰)“, изъ которой существенное мы и выпишемъ.

„Сдѣлавшись рано господиномъ изряднаго имѣнія, и будучи, смѣю сказать, налитанъ духомъ филантропическихъ авторовъ, т.-е.

ненавистію ко злоупотребленіямъ власти, я желалъ быть заочно благодѣтелемъ поселянъ моихъ: отдалъ имъ всю землю, довольствовался самымъ умѣреннымъ оброкомъ, не хотѣлъ имѣть въ деревнѣ ни управителя ни приказчика, которые не рѣдко бываютъ хуже самыхъ худыхъ господъ, и съ удовольствіемъ искренняго челобѣтничества написалъ къ крестьянамъ: «Добрые земледѣльцы! сами изберите себѣ начальника для порядка, живите мирно, будьте трудолюбивы и считайте меня своимъ вѣрнымъ заступникомъ во всякомъ притесненіи». Возвращаясь наконецъ къ пенатамъ родины, чтобы умереть тамъ, гдѣ началъ жить, я сердечно утѣшался пріятною мыслию, что найду деревню свою въ цвѣтущемъ состояніи; какъ поэтъ, воображалъ богатая нивы, пажити, полныя житницы, избытокъ, благоденствіе, и сочинялъ уже въ головѣ своей письмо къ какому-нибудь русскому журналисту о счастливыхъ плодахъ свободы, данной мною крестьянамъ... Приѣзжаю и нахожу бѣдность, поля весьма худо обработанныя, житницы пустыя, хижины гніющія!... Съ горестнымъ удивленіемъ призываю къ себѣ стариковъ, которыхъ имена были мнѣ еще съ ребячества памятны,—разспрашиваю ихъ, и наконецъ узнаю истину! Покойный отецъ мой, живучи самъ въ деревнѣ, смотрѣлъ не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотѣлъ, чтобы и тѣ и другія были хорошо обработаны—и въ нашей деревнѣ хлѣбъ родился лучше, нежели во многихъ другихъ; господинъ богатѣлъ, и земледѣльцы не бѣднѣли. Воля, мною имъ данная, обратилась для нихъ въ величайшее зло: то-есть въ волю лѣниться и предаваться гнусному пороку пьянства, дошедшему съ нѣкотораго времени до ужасной крайности какъ въ нашей, такъ и въ другихъ губерніяхъ... Землю мою отдавали они въ наймы и брали 5 рублей за десятину, которая можетъ принести отъ 30 до 40—но съ трудомъ, а имъ не хотѣлось и для своей выгоды работать. Я возобновилъ господскую пашню, сдѣлался самымъ усерднымъ экономомъ, началъ входить во всѣ подробности, надѣлилъ бѣдныхъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства, объявилъ войну лѣнливимъ, но войну не кровопролитную; вмѣстѣ съ ними, на поляхъ, встрѣчалъ и провожалъ солнце; хотѣлъ, чтобы они и для себя такъ же старательно трудились, во-время пахали и сѣяли; требовалъ отъ нихъ строгаго отчета и въ нерабочихъ дняхъ; перестроилъ всю деревню самымъ удобнѣйшимъ образомъ; ввелъ по возможности опрятность, чистоту въ избахъ, не столько пріятную для глазъ, сколько нужную для сохраненія жизни и здоровья... Всего же болѣе похваляюсь тѣмъ, что крестьяне благодарятъ меня за ны-

нѣшнюю свою трезвость и работливость, видя счастливые плоды ихъ: изъ бѣдныхъ они сдѣлались зажиточными; имѣютъ хлѣбъ, лошадей, скотоводство и надежду быть со временемъ сельскими богачами. Одинъ опытъ могъ увѣрить ихъ въ счастіи трудолюбія. Принудьте злого дѣлать добро: отвѣчаю, что онъ скоро полюбитъ его. Заставьте лѣниваго работать: онъ скоро удивится своей прежней ненависти къ трудамъ. Сократъ называлъ добродѣтель *знаніемъ*: всякій порокъ можно назвать *невѣжествомъ* — ибо онъ есть слѣпота ума; ибо въ немъ гораздо болѣе страданія, нежели пріятности. Иностранные путешественники, видя въ Россіи безпечную лѣность крестьянина, обыкновенно приписываютъ ее такъ называемому рабству. «Какъ ему охотно трудиться (говорятъ сіи господа), когда помѣщикъ можетъ всегда отнять у него имущество?» Но смѣю увѣрить ихъ, что такая философія никогда не входила въ голову нашимъ земледѣльцамъ: они лѣнивы отъ природы, отъ навыка, отъ незнанія выгодъ трудолюбія. Какой господинъ въ самомъ дѣлѣ отнимаетъ у крестьянъ хлѣбъ, лошадей и другую собственность? и развѣ нѣтъ между ими богатыхъ и промышленныхъ? Достойно замѣчанія, что нерадивые всегда приписываютъ избытокъ работающихъ не трудамъ ихъ, а счастію! Иностранные глубокомысленные политики, говоря о Россіи, знаютъ все, кромѣ Россіи. Я рассуждалъ такъ же въ городскомъ кабинетѣ своемъ; но въ деревнѣ перемѣнилъ мысли. У насъ много вольныхъ крестьянъ: но лучше ли господскихъ они обрабатываютъ землю? по большей части напротивъ. Съ нѣкотораго времени хлѣбопашество во всѣхъ губерніяхъ приходитъ въ лучшее состояніе: отъ чего же? отъ старанія помѣщиковъ: плоды ихъ экономіи, ихъ смотрѣнія надѣляютъ изобиліемъ рынки столицъ. Если бы они, принявъ совѣтъ иностранныхъ филантроповъ, всѣ сдѣлали то же, что я прежде дѣлалъ: наложили на крестьянъ оброкъ, отдали имъ всю землю, и сами навсегда уѣхали въ городъ, то я увѣренъ, что на другой годъ пришло бы гораздо менѣе хлѣбныхъ барокъ какъ въ Москву, такъ и въ Петербургъ. Не знаю, что вышло бы черезъ пятьдесятъ или сто лѣтъ: время, конечно, имѣетъ благотворныя дѣйствія; но первые годы, безъ сомнѣнія, поколебали бы систему мудрыхъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ головъ. Она хороша, если бы мы, принявъ ее, могли заснуть съ Эпименидомъ по крайней мѣрѣ на цѣлый вѣкъ... Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: *бѣда законодателю облетать его!* Мудрый идетъ шагъ за шагомъ и смотритъ вокругъ себя. Богъ видитъ, люблю ли

я челоѳчество и народъ русскій; имѣю ли предразсудки, обожаю ли гнусный идолъ корысти—но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средство просвѣщенія, *которое одно, одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ*. Къ счастью, мы живемъ въ такое время, когда мудрое отеческое правительство угадываетъ всѣ истинныя потребности государственнаго и народнаго блага: съ какою радостію читалъ я указъ о заведеніи школъ деревенскихъ! Вотъ исполинскій шагъ къ вѣрнѣйшему благоденствію поселянъ! Они русскіе: слѣдовательно имѣютъ много природнаго ума; но умъ безъ знанія—сидень“.

Далѣе Карамзинъ, говоря по адресу помѣщиковъ, совѣтуетъ имъ завести школы, гдѣ бы учили не одной грамотѣ, но и „правиламъ сельской морали“; говоритъ о важномъ значеніи священника, развивающаго въ своей паствѣ истинно-религіозное чувство и помогающаго помѣщику въ воспитаніи его крестьянъ, а самому помѣщику вмѣняетъ въ обязанность служить имъ прмѣромъ и „считать ихъ людьми и братьями по челоѳчеству и христіанству“. Заканчивается „Письмо сельскаго жителя“ сладостнымъ увѣреніемъ его въ томъ, что онъ живетъ съ истинною пользою для пятисотъ челоѳкъ, ввѣренныхъ ему судьбою. „Прискорбно жить съ людьми, которые не хотятъ любить насъ: всего же не-сноснѣе жить въ свѣтѣ бесполезно. Главное право русскаго дворянина — быть помѣщикомъ *); главная должность его — быть *добрымъ* помѣщикомъ. Кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству, какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху, какъ вѣрный подданный: ибо Александръ желаетъ счастья земледѣльцевъ“.

Въ „Письмѣ сельскаго жителя“ двѣ стороны: съ одной—оно есть гуманное слово въ пользу крестьянъ-рабовъ, съ другой — оно есть слово, враждебное освобожденію.

Такъ какъ въ Александровскую эпоху *только шла рѣчь* объ освобожденіи, а на самомъ дѣлѣ крѣпостное право *существовало*, то гуманное требованіе Карамзина, чтобы помѣщики заботились о крестьянахъ и были ихъ добрыми воспитателями, могло быть очень умѣстнымъ, а слова его, что помѣщикъ долженъ считать своихъ крѣпостныхъ *людьми и братьями по челоѳчеству и христіанству*, были не только назидательными для многихъ, но могли считаться даже либеральными для своего вре-

*) Объ этомъ выраженіи см. примѣчаніе 140-е.

мени. Съ этой стороны „Письмо сельскаго жителя“ могло имѣть воспитательное значеніе. Но то же „Письмо“, рассматриваемое, какъ протестъ противъ освобожденія, могло вызывать — и вызывало — возраженія, какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Въ первомъ отношеніи Карамзину можно было ужъ то поставить на видъ, что его справедливый и добрый помѣщикъ, воспитатель своихъ крестьянъ, былъ все-таки идеаломъ, а на самомъ дѣлѣ нерѣдко и справедливѣйшіе изъ „господъ“ не только распоряжались по собственнымъ соображеніямъ брачными союзами между крѣпостными и ихъ семейной жизнью, но и продавали ихъ поодиначкѣ, разлучая дѣтей съ родителями, сестеръ съ братьями. На нравственный и вмѣстѣ съ нимъ на экономическій вредъ отъ крѣпостного права указывалъ еще гр. Сегюръ, французскій посолъ при дворѣ императрицы Екатерины II. Затѣмъ за освобожденіе высказывались и мотивировали свое желаніе многіе русскіе люди, а въ особенности Н. И. Тургеневъ, который, по замѣчанію Пыпина, сдѣлалъ крестьянскій вопросъ и вопросомъ народности, когда въ своемъ сочиненіи: „La Russie et les Russes“ сказалъ: „... какъ тяжело поражаетъ насъ участь, которую вѣка дали русскому народу. У другихъ народовъ рабство было слѣдствіемъ завоеванія; когда варвары сдѣлали наше ствiе на Европу, они воспользовались правомъ сильнаго, и побѣжденныхъ сдѣлали рабами. Въ Россіи татары покорили нашихъ свободныхъ предковъ; русскій народъ, благодаря продолжительнымъ усиліямъ, успѣлъ, наконецъ, свергнуть это унижительное иго: послѣ освобожденія, какъ и до покоренія, рабство оставалось ему неизвѣстно. И только въ ту эпоху, когда начало развиваться могущество Россіи, нѣкоторые изъ ея государей, повинувшись роковому заблужденію, положили основаніе, на которомъ впоследствии должно было утвердиться крѣпостное право. Что же оказалось тогда? Татары, которыхъ мы въ свою очередь побѣдили, остались лично свободны; многіе изъ нихъ вскорѣ сдѣлались дворянами, между тѣмъ какъ наибольшая часть побѣдителей, т.-е. настоящаго русскаго народа, стали крѣпостными. Потомъ множество иноземцевъ, пришедшихъ изъ Европы и Азіи, явилось въ рядахъ дворянства, захватило титулы и почести, а дѣти Россіи продолжаютъ влачить свои цѣпи“ ¹⁴¹).

Но съ другой стороны мы должны замѣтить, что, не смотря на вліяніе философскихъ идей XVIII-го вѣка, даже между свободо-мыслящими людьми тѣхъ временъ были такіе, которые боязливо относились къ освобожденію „непросвѣщенныхъ“ крестьянъ. Къ

такимъ принадлежалъ и самъ Руссо. Въ своихъ „*Considérations sur le gouvernement de Pologne*“ (1772) онъ говорилъ: „Освобожденіе крестьянъ есть дѣло прекрасное и великое, но вмѣстѣ смѣлое и опасное. Надобно приступать къ нему не кое-какъ, а съ предосторожностями, между которыми главнѣйшая заключается въ томъ, чтобы людей, назначенныхъ къ освобожденію, сдѣлать достойными свободы и способными ею пользоваться. Позаботьтесь прежде всего объ этомъ; не освобождайте ихъ тѣла, прежде нежели освободите ихъ душу; безъ этого предварительнаго акта ваша операція будетъ имѣть дурной исходъ“. И Руссо предлагалъ освободить крестьянъ лишь постепенно, выбирая тѣхъ изъ нихъ, которые „отличались поведеніемъ, добрыми нравами, приличнымъ образованіемъ, попеченіемъ о своихъ семействахъ, тщательнымъ выполненіемъ всѣхъ обязанностей ихъ званія“. „И даръ свободы“ — говорилъ онъ— „долженъ быть имъ вручаемъ торжественно, съ такою обстановкою, отъ которой церемонія дѣлалась бы величественною, трогательною и памятною“¹⁴²).

Въ Александровскую эпоху—Лагарпъ тоже совѣтовалъ быть осторожнымъ въ крестьянскомъ вопросѣ; Чарторижскій же говорилъ, что право помѣщиковъ на крестьянъ *столь ужасно*, что не должно ничего опасаться при его нарушеніи. Строгановъ и Кочубей стояли за рѣшительный шагъ, за рѣшеніе вопроса однимъ разомъ; Новосильцевъ и Мордвиновъ — за медленное и постепенное улучшеніе положенія крестьянъ.

Такъ разнообразны были взгляды на крестьянскій вопросъ. Среди нихъ взглядъ Карамзина былъ, конечно, самымъ консервативнымъ. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что если авторъ „Письма сельскаго жителя“ приносилъ вредъ обществу своимъ напоминаніемъ ему о томъ, что главное право русскаго дворянина— быть помѣщикомъ, такъ какъ этимъ онъ парализовалъ вліяніе проникавшей въ общество идеи освобожденія, — то съ другой стороны требованіе, чтобы русскій дворянинъ не забывалъ и своей главной обязанности — быть помѣщикомъ *добрымъ*, тоже могло имѣть значеніе въ томъ обществѣ, которое, не смотря на бродившую въ умахъ идею освобожденія, на самомъ дѣлѣ все-таки продолжало состоять изъ рабовладѣльцевъ.

3. Статьи историческія.

Важнымъ отдѣломъ „Вѣстника Европы“ были и историческія статьи Карамзина: „Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ“, „О случаяхъ и характерахъ въ россійской

исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ“, „Путешествіе вокругъ Москвы“, „О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, „Русская старина“ и др. Статьи эти, слѣдствіе историческихъ занятій ихъ автора, написанныя перомъ искуснымъ и сильнымъ, пробуждали въ обществѣ интересъ къ родной исторіи и старинѣ — и уже этимъ самымъ должны были вліять на подъемъ духа народности. Мѣстами въ нихъ встрѣчаются слѣды усиленнаго желанія Карамзина обратить вниманіе соотечественниковъ на свое прошлое. Такъ напр. статья: „Русская старина“ онъ предпослалъ такую замѣтку: „Сообщаю анекдоты и разныя извѣстія о старой Москвѣ и Россіи, выбранныя мною изъ чужестранныхъ авторовъ, которые во время царей жили въ нашей столицѣ, и которыя не во всѣхъ библіотекахъ находятся. Думаю, что эта статья для многихъ читателей будетъ занимательна. *Къ несчастію, мы такъ худо знаемъ русскую старину, любезную для сердца патриотовъ*“. Первую изъ вышеназванныхъ статей онъ начинаетъ указаніемъ на то, что даже иностранцы интересуются нашей стариною: „Троицкій монастырь святъ не только для сердецъ набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы; не только россияне, но и самые просвѣщенные иностранцы, знающіе нашу исторію, любопытствуютъ видѣть мѣста великихъ происшествій“. Погодинъ называетъ эту статью одной изъ самыхъ счастливыхъ статей Карамзина и говоритъ, что она „оживила дорогу, всѣмъ извѣстную, и возбудила участіе къ разнымъ историческимъ вопросамъ“¹⁴³). Описывая дорогу отъ Москвы до Троицы, авторъ останавливается на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, съ которыми связаны разныя историческія воспоминанія, и, дойдя до Троицкой лавры, сообщаетъ о ней много любопытныхъ подробностей и указываетъ заслуги этой обители передъ Россіей. Изъ историческихъ лицъ авторъ особенно долго останавливается на Годуновѣ — на его характерѣ, правленіи, судьбѣ и наконецъ — на его могилѣ. „Всякій, кто знаетъ исторію отечества“, — говоритъ Карамзинъ, — „кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, — будучи въ лаврѣ, устремить на нее глаза, скажетъ: «вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе!» и примолвить: «Богъ судитъ тайныя злодѣянія; а мы должны хвалить царей за все, что они сдѣлали для славы и блага отечества»“.

Статья: „О случаяхъ и характерахъ въ російской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ“ написана въ формѣ письма къ господину NN; по поводу появленія въ Академіи Ху-

дожествъ трехъ картинъ съ историческими сюжетами (Взятіе Казани, Избраніе Михаила Ѳеодоровича и Полтавское сраженіе). Вотъ начало этой статьи, замѣчательной по патріотическимъ чувствамъ и желаніямъ автора.

„Мысль задавать художникамъ предметы изъ отечественной исторіи достойна вашего патріотизма — и есть лучшій способъ оживить для насъ ея великіе характеры и случаи, особливо пока мы еще не имѣемъ *краснорѣчивыхъ историковъ*, которые могли бы поднять изъ гроба знаменитыхъ предковъ нашихъ и явить тѣни ихъ въ лучезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту русскому всего ближе и любезнѣе прославлять русское, въ то счастливое время, когда монархъ и самое Провидѣніе зовутъ насъ къ истинному народному величію. *Должно приучать россиянъ къ уваженію собственнаго*; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній артиста и сильныхъ дѣйствій искусства на сердце. Не только историкъ и поэтъ, но и живописецъ и ваятель являются *органами патріотизма*. Если историческій характеръ изображенъ разительно на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлается для насъ и въ самыхъ лѣтописяхъ занимательнѣе: мы любопыствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ челоука, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ на насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи, или не занимается ими: *надобно знать, что любимъ; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свидѣнія о прошедшемъ*“.

Указавъ затѣмъ на выдающіяся событія и лица нашей исторіи, которыя онъ желалъ бы видѣть изображенными на картинѣ (каковы напр. призваніе варяжскихъ князей, Олегъ, побѣдитель грековъ, Ольга — въ различные важные моменты ея жизни, Святославъ, св. Владимиръ, Ярославъ, Мономахъ и др.), — Карамзинъ продолжаетъ:

„Мы приблизились въ историческихъ воспоминаніяхъ своихъ къ бѣдственнымъ временамъ Россіи, и если живописецъ положитъ кисть, то ваятель возьметъ рѣзецъ свой, чтобы сохранить память русскаго геройства въ несчастіяхъ, которыя болѣе всего открываютъ силу въ характерѣ людей и народовъ. Тѣни предковъ нашихъ, хотѣвшихъ лучше погибнуть, нежели принять цѣпи отъ монгольскихъ варваровъ, ожидаютъ монументовъ нашей благодарности на мѣстѣ, обагренномъ ихъ кровію. Можетъ ли искусство и мраморъ найти для себя лучшее употребленіе? Пусть въ

разныхъ мѣстахъ Россіи свидѣтельствуютъ они о величій древнихъ сыновъ ея! Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ патріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ російскихъ надобно питать любовь къ отечеству и *чувство народное*. Пусть въ залахъ Петербургской Академіи Художествъ видимъ свою исторію въ картинахъ; но въ Владимирѣ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, которою ихъ жители прославили себя въ XIII вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ глаза мои ищутъ статую Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на Московскую дорогу. Мысль, что въ русскомъ, отдаленномъ отъ столицы городѣ, дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надписи и говорить о дѣлахъ предковъ, радуется мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолубіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями!.. А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному вліянію изящнаго на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ романическимъ патріотизмомъ, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго: не они рождены сдѣлать намъ имя русское еще любезнѣе и дороже“.

Заканчивается статья словами: „Повторимъ истину несомнительную: въ девятомъ-надесятъ вѣкѣ тотъ народъ можетъ быть *великимъ и почтеннымъ*, который благородными искусствами, литературою и науками способствуетъ успѣхамъ челоѣчества въ его славномъ теченіи къ цѣли нравственнаго и душевнаго совершенства!“

Карамзинъ, какъ видимъ, и историческимъ статьямъ своимъ придавалъ публицистическій характеръ, имѣя въ виду ту же цѣль, какую имѣлъ онъ, напримѣръ, и въ статьѣ: „О любви къ отечеству и народной гордости“.

Въ историческихъ статьяхъ Карамзинъ нерѣдко высказывалъ и свои политическіе взгляды. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна статья: „О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Авторъ ея совершенно ясно понималъ причину народнаго волненія, вполне видѣлъ чиновничій гнетъ и злоупотребленія—и все-таки осудилъ мятежъ, какъ незаконное самоуправство. Статья эта можетъ служить подтвержденіемъ уже высказанной нами въ своемъ мѣстѣ ¹⁴⁴⁾ мысли, что Карамзинъ осуждалъ революцію не въ зависимости отъ того, понималъ ли онъ, или не понималъ ея значеніе, а потому, что онъ не могъ не

осуждать ее въ силу своихъ воззрѣній вообще. Это замѣчаніе наше, конечно, не клонится къ тому, чтобы уничтожить утвержденіе того факта, что историкъ нашъ понималъ революцію односторонне—и мы хотѣли только, воспользовавшись упомянутой сейчасъ исторической статьей, еще разъ сказать читателю, что если бы Карамзинъ и понималъ революцію во всей широтѣ, то все-таки не отнесся бы къ ней сочувственно.

4. Статьи литературныя.

Между литературными статьями Карамзина, помѣщенными имъ въ „Вѣстникъ Европы“, самое видное мѣсто принадлежитъ его полуисторической повѣсти: „Марѣа Посадница, или покореніе Новгорода“ (1803). Повѣсть эта есть выраженіе чувствъ и мыслей автора, возбужденныхъ въ немъ размышленіемъ надъ судьбою Новгорода и надъ историческимъ ходомъ развитія русскаго государства. Государственныя соображенія ставили Карамзина на сторону Іоанна III; сердцемъ же онъ сочувствовалъ новгородцамъ. Это двойное отношеніе къ важному историческому событію сразу же указано самимъ авторомъ повѣсти въ предпосланномъ ей небольшомъ предисловіи. „Мудрый Іоаннъ“—говоритъ Карамзинъ—„долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую къ своей державѣ: хвала ему! Однакожъ сопротивленіе новгородцевъ не есть бунтъ какихъ-нибудь якобинцевъ; они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими великими князьями, на примѣръ, Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новгороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ добровольной жертвы“.

Повѣсть и была задумана съ тѣмъ, чтобы высказать это двойное отношеніе къ событію—и для этой цѣли былъ употребленъ слѣдующій приѣмъ: авторъ умышленно влагаетъ въ уста двухъ дѣйствующихъ лицъ—царскаго воеводы князя Холмскаго и Марѣы Посадницы—длинные рѣчи, изъ которыхъ въ одной собираетъ все то, что онъ могъ сказать въ защиту Іоанна—и слѣдовательно противъ Новгорода, а въ другой указываетъ все то, что говорило его сердцу за новгородцевъ. Обѣ эти рѣчи представляютъ собою самую важную часть повѣсти. Холмскій говоритъ съ жаромъ; но еще болѣе горяча и сильна рѣчь Марѣы, изъ чего мы имѣемъ право заключать, что въ ту пору, когда писа-

лась повѣсть, участь Новгорода и представленіе объ особенностяхъ его жизни вызывали въ Карамзинѣ сильное сочувствіе. Сочувствіе это, впрочемъ, видно не только изъ одной рѣчи Борецкой, но и вообще имъ проникнуть весь рассказъ о паденіи Новгорода.

Содержаніе повѣсти, раздѣленной на три главы, которыя названы „книгами“, слѣдующее.

„Раздался звукъ вѣчевого колокола—и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ“ (такъ начинается первая книга). Народъ спѣшитъ къ лобному мѣсту. Скоро на немъ появляется посолье Іоанновъ— князь Холмскій, и въ обращенной къ народу рѣчи объявляетъ требованія своего государя. Въ этой рѣчи собраны различные доводы, на основаніи которыхъ, съ одной стороны, оправдывается желаніе московскаго князя подчинить себѣ Новгородъ, а съ другой—осуждается какъ сопротивленіе новгородцевъ этому желанію, такъ и вообще ихъ отношеніе къ князьямъ и остальнымъ россіянамъ. Рѣчь начинается разъясненіемъ значенія самодержавной власти вообще и для Новгорода въ частности. „Граждане новгородскіе!“—говоритъ Холмскій... „Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ; а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной. Ваши предки хотѣли править сами собою—и были жертвою лютыхъ сосѣдовъ или еще лютѣйшихъ внутреннихъ междоусобій... Граждане новгородскіе! въ стѣнахъ вашихъ родилось, утвердилось, прославилось самодержавіе земли Русской. Здѣсь великодушный Рюрикъ творилъ судъ и правду; на семъ мѣстѣ древніе новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирилъ внутренніе раздоры, успокоилъ и возвеличилъ городъ ихъ. На семъ мѣстѣ они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого. Прежде ужасные только для самихъ себя и несчастные въ глазахъ сосѣдовъ, новгородцы подъ державною рукою варяжскаго героя сдѣлались ужасомъ и завистію другихъ народовъ... Граждане новгородскіе! не только воинскою славою обязаны вы государямъ русскимъ: если глаза мои, обращаясь на всѣ концы вашего града, видятъ повсюду золотые кресты великолѣпныхъ храмовъ святой вѣры; если шумъ Волхова напоминаетъ вамъ тотъ великій день, въ который знаки идолослуженія погибли съ шумомъ въ быстрыхъ волнахъ его,—то вспомните, что Владимиръ соорудилъ здѣсь первый храмъ истинному Богу; Владимиръ низвергъ Перуна въ пучину Волхова!... Если жизнь и собственность священны въ Новѣгородѣ, то скажите, чья рука оградила ихъ безопасностію?... Здѣсь—(указывая на домъ Ярослава)—здѣсь жилъ мудрый законо-

датель, благотворитель вашихъ предковъ, князь великодушный, другъ ихъ, котораго называли они вторымъ Рюрикомъ!“...—Указавъ такимъ образомъ, что сдѣлала для новгородцевъ княжеская власть, Холмскій переходитъ къ укоризнамъ. „Потомство неблагодарное! внимай справедливымъ укоризнамъ! Новгородцы, бывъ всегда старшими сынами Россіи, вдругъ отдѣлились отъ братій своихъ; бывъ вѣрными подданными князей, нынѣ смѣются надъ ихъ властію... и въ какія времена? О стыдъ имени русскаго! Родство и дружба познаются въ опасностяхъ: любовь къ отечеству также... Богъ въ неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ положилъ наказать землю Русскую. Явились варвары безчисленные... Храбрые славяне... сражаются и гибнутъ; земля Русская обагрется кровію русскихъ; города и села пылаютъ; гремятъ цѣпи на дѣвахъ и старцахъ... Что жъ дѣлаютъ новгородцы? спѣшать ли на помощь къ братьямъ своимъ?... Нѣтъ! пользуясь своимъ удаленіемъ отъ мѣстъ кровопролитія, пользуясь общимъ бѣдствіемъ князей, отнимаютъ у нихъ власть законную, держатъ ихъ въ стѣнахъ своихъ, какъ въ темницѣ, изгоняютъ, призываютъ другихъ и снова изгоняютъ. Государи новгородскіе, потомки Рюрика и Ярослава, должны были слушаться посадниковъ и трепетать вѣчевого колокола, какъ трубы Суда Страшнаго! Наконецъ никто уже не хотѣлъ быть княземъ вашимъ, рабомъ мятежнаго вѣча. Наконецъ русскіе и новгородцы не узнаютъ другъ друга!“—Такою перемѣну Холмскій объясняетъ тѣмъ, что новгородцами овладѣло корыстолюбіе. „Русскіе гибнутъ (говоритъ онъ), новгородцы богатѣютъ. Въ Москву, въ Кіевъ, въ Владимиръ привозятъ трупы христіанскихъ витязей: въ Новгородъ привозятъ товары чужеземные... Русскіе считаютъ язвы свои: новгородцы считаютъ золотыя монеты. Русскіе въ узахъ: новгородцы славятъ вольность свою!“—Вслѣдъ за этимъ Холмскій оцѣниваетъ эту вольность!... „Вольность!... но вы также рабствуете. Народъ! я говорю съ тобою. Бояре честолюбивые, уничтоживъ власть государей, сами овладѣли ею. Вы повинуетесь—ибо народъ всегда повиноваться долженъ—но только не священной крови Рюрика, а купцамъ богатымъ. О стыдъ! потомки славянъ цѣнятъ златомъ права властителей! Роды княжескіе, издревле именитые, возвысились дѣлами храбрости и славы: ваши посадники, тысяцкіе, люди житые—обязаны своимъ достоинствомъ благопріятному вѣтру и хитростямъ корыстолюбія. Привыкшіе къ выгодамъ торговли, торгуютъ и благомъ народа; кто имъ обѣщаетъ злато, тому они власть обѣщаютъ. Такъ, извѣстны князю московскому ихъ дружественныя, тайныя связи

съ Литвою и Казимиромъ. Скоро, скоро вы соберетесь на звукъ вѣчевого колокола, и надменный полякъ скажетъ вамъ на лобномъ мѣстѣ: вы рабы мои!... Но Богъ и Великій Іоаннъ еще о васъ пекутся“.—Далѣе Холмскій указываетъ заслуги Іоанна Русскому государству и убѣждаетъ новгородцевъ покориться ему. „Новгородцы! земля Русская воскресаетъ. Іоаннъ возбудилъ отъ сна древнее мужество славянъ, ободрилъ унылое воинство, и берега Камы были свидѣтелями побѣдъ нашихъ. Дуга мира и завѣта возсіяла надъ могилами князей Георгія, Андрея, Михаила. Небо примирилось съ нами, и мечи татарскіе иступились. Настало время мести, время славы и торжества христіанскаго. Еще ударъ послѣдній не совершился; но Іоаннъ, избранный Богомъ, не опуститъ державной руки своей, доколѣ не сокрушитъ враговъ и не смѣшаетъ ихъ прахъ съ земною перстію. Димитрій, поразивъ Мамаю, не освободилъ Россіи: Іоаннъ все предвидитъ; и, зная, что раздѣленіе государства было виною бѣдствій его, онъ уже соединилъ всѣ княжества подъ своею державою, и признанъ властелиномъ земли Русской. Дѣти отечества, послѣ горестной долговременной разлуки, объемлются съ веселіемъ предъ очами государя и мудраго отца ихъ. Но радость его не будетъ совершенна, доколѣ Новгородъ, древній Великій Новгородъ, не возвратится подъ сѣнь отечества. Вы оскорбляли его предковъ: онъ все забываетъ, если ему покоритесь. Іоаннъ, достойный владѣть міромъ, желаетъ только быть государемъ новгородскимъ!... Помните, когда онъ былъ мирнымъ гостемъ—посреди васъ; помните, какъ вы удивлялись его величію, когда онъ, окруженный своими вельможами, шелъ по стогнамъ Новаграда въ домъ Ярославовъ; помните, съ какимъ благоволеніемъ, съ какою мудростію онъ бесѣдовалъ съ вашими боярами...; помните, какъ вы единодушно восклицали: «Да здравствуетъ князь московскій, великій и мудрый!» Такому ли государю не славно повиноваться и для того единственно, чтобы вмѣстѣ съ нимъ совершенно освободить Россію отъ ига варваровъ? Тогда Новгородъ еще болѣе украсится и возвеличится въ мірѣ. Вы будете *первыми* сынами Россіи: здѣсь Іоаннъ поставитъ тронъ свой и воскреситъ счастливыя времена, когда не шумное вѣче, но Рюрикъ и Ярославъ судили васъ, какъ отцы дѣтей, ходили по стогнамъ и вопрошали бѣдныхъ, не угнетаютъ ли ихъ богатые. Тогда бѣдные и богатые равно будутъ счастливы, ибо всѣ подданные равны предъ лицомъ владыки самодержавнаго. Народъ и граждане! да властвуетъ Іоаннъ въ Новгородѣ, какъ онъ въ Москвѣ властвуетъ! или—внимайте его

послѣднему слову—или храброе воинство, готовое сокрушить татаръ, въ грозномъ ополченіи явится прежде глазамъ вашимъ, да усмирить мятежниковъ!... Миръ или война? отвѣтствуйте!“

Молчаніе было отвѣтомъ на краснорѣчивое воззваніе Холмскаго. Вдругъ толпа заколебалась: Марѳа Борецкая, бывшая посадница, „всходитъ на желѣзныя ступени, тихо и величаво; взираетъ на безчисленное собраніе гражданъ, и безмолвствуетъ... Важность и скорбь видны на блѣдномъ лицѣ ея... Но скоро остѣненный горестію взоръ блеснулъ огнемъ вдохновенія, блѣдное лицо покрылось румянцемъ“—и она произноситъ горячую рѣчь, имѣющую цѣлью, съ одной стороны, защитить новгородцевъ отъ брошенныхъ имъ упрековъ, а съ другой—обвинить въ свою очередь тѣхъ, за кого стоялъ Холмскій, и въ концѣ концовъ возбудить энергичный отпоръ требованіямъ Іоанна.

Прежде всего она останавливается на упрекахъ новгородцамъ въ ихъ мятежномъ духѣ и неблагодарности. „Потомки славянъ великодушныхъ! (говоритъ Марѳа) васъ называютъ мятежными!.. За то ли, что вы подъяли изъ гроба славу ихъ? Они были свободны, когда текли съ востока на западъ избрать себѣ жилище во вселенной, свободны подобно орламъ, царившимъ надъ ихъ главою въ обширныхъ пустыняхъ древняго міра... Они утвердились на красныхъ берегахъ Ильменя, и все еще служили одному Богу ¹⁴⁵)... Когда Баянъ, князь аварскій, страшный для императоровъ Греціи, потребовалъ, чтобы славяне ему поддались, они гордо и спокойно отвѣтствовали: „Никто во вселенной не можетъ поработить насъ, доколѣ не выдутъ изъ употребленія мечи и стрѣлы!“... О великія воспоминанія древности! вы ли должны склонять насъ къ рабству и къ узамъ? Правда, съ теченіемъ времени родились въ душахъ новыя страсти; и неопытная юность презирала мудрые совѣты старцевъ: тогда славяне призвали къ себѣ знаменитыхъ храбростію князей варяжскихъ, да повелѣваютъ юнымъ, мятежнымъ воинствомъ. Но когда Рюрикъ захотѣлъ самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадимъ *храбрый* звалъ его предъ судъ народа... Кончина Рюрика—да отдадимъ справедливость сему знаменитому витязю!—мудраго и смѣлаго Рюрика, воскресила свободу новгородскую. Народъ, изумленный его величіемъ, невольно и смиренно повиновался; но скоро, не видя уже героя, пробудился отъ глубокаго сна, и Олегъ, испытавъ многократно его упорную непреклонность, удалился отъ Новагорода... искать побѣды, данниковъ и рабовъ между другими скиѣскими, менѣе отважными и гордыми племенами. Съ того вре-

мени Новгородъ признавалъ въ князьяхъ своихъ единственно полководцевъ и военачальниковъ: народъ избралъ власти гражданскія и, повинуюсь имъ, повиновался уставу воли своей. Въ кievскихъ и другихъ россiянахъ отцы наши любили кровь славянскую, служили имъ, какъ друзьямъ и братьямъ, разили ихъ непріятелей и вмѣстѣ съ ними славились побѣдами. Здѣсь провелъ юность свою Владимиръ; здѣсь, среди примѣровъ народа великодушнаго, образовался великій духъ его; здѣсь мудрая бесѣда старцевъ нашихъ возбудила въ немъ желаніе спросить всѣ народы земные о тайнствахъ вѣры ихъ, да откроется истина ко благу людей, и когда, убѣжденный въ святости христіанства, онъ принялъ его отъ грековъ, новгородцы, разумнѣе другихъ племенъ славянскихъ, изъявили и болѣе ревности къ новой истинной вѣрѣ. Имя Владимира священо въ Новгородѣ; священна и любезна память Ярослава: ибо онъ первый изъ князей русскихъ утвердилъ законы и вольность великаго града. Пусть дерзость называетъ отцовъ нашихъ неблагодарными, за то что они отражали властолюбивыя предпріятія его потомковъ! Духъ Ярослава оскорбился бы въ небесныхъ селеніяхъ, если бы мы не умѣли сохранить древнихъ правъ, освященныхъ его именемъ. Онъ любилъ новгородцевъ, ибо они были свободны; ихъ признательность радовала его сердце, ибо только души свободныя могутъ быть признательными: рабы повинуются и ненавидятъ!“ — Затѣмъ Борецкая переходитъ къ упреку въ богатствѣ. „Князь московскій“ — говоритъ она — „укоряетъ тебя, Новгородъ, самымъ твоимъ благоденствіемъ — и въ сей винѣ не можемъ оправдаться! Такъ конечно: цвѣтутъ области новгородскія, поля златятся класами, житницы полны, богатства льются къ намъ рѣкою; Великая Ганза гордится нашимъ союзомъ; чужеземные гости ищутъ дружбы нашей, удивляются славѣ великаго града, красотѣ его зданій, общему избытку гражданъ, и, возвратясь въ страну свою, говорятъ: «Мы видѣли Новгородъ, и ничего подобнаго ему не видали!» Такъ конечно: Россія бѣдствуетъ — ея земля обагрется кровію, веси и грады опустѣли; люди, какъ звѣри, въ лѣсахъ укрываются; отецъ ищетъ дѣтей и не находитъ; вдовы и сироты просятъ милостыни на распутіяхъ. Такъ, мы счастливы — и виновны, ибо дерзнули повиноваться законамъ своего блага, дерзнули не участвовать въ междоусобіяхъ князей, дерзнули спасти имя русское отъ стыда и поношенія, не принять оковъ татарскихъ и сохранить драгоцѣнное достоинство народное! Не мы, о россiяне несчастные, но всегда любезные намъ братья! не мы,

но вы насъ оставили, когда пали на колѣни передъ гордымъ ханомъ и требовали цѣпей для спасенія поносной жизни“. — Тутъ Марѳа, оставаясь защитницей новгородцевъ, становится въ то же время обвинительницей другихъ россиянь и говоритъ, что когда свирѣпый Батый, видя свободнымъ одинъ только Новгородъ, устремился растерзать его смѣлыхъ гражданъ, и когда эти граждане готовились къ битвѣ, — „напрасно съ высокихъ башенъ взоръ ихъ искалъ вдали дружественныхъ легионовъ русскихъ... Однѣ робкія толпы бѣглецовъ являлись на путяхъ Новаграда; не стукъ оружія, а вопль малодушнаго отчаянія былъ вѣстникомъ ихъ приближенія; онѣ требовали не стрѣлъ и мечей, а хлѣба и крова!“ — Потомъ она продолжаетъ: „Но Батый, видя отважность свободныхъ людей,... спѣшитъ удалиться. Напрасно граждане новгородскіе молили князей воспользоваться такимъ примѣромъ, и общими силами... ударить на враговъ: князья платили дань и ходили въ станъ татарскій обвинять другъ друга въ замыслахъ противъ Батые; великодушіе сдѣлалось предметомъ доносовъ, къ несчастію, ложныхъ!“ — Отплативъ такимъ образомъ упрекомъ за упрекъ, Борецкая, помня указаніе Холмскаго на то, что рускіе князья возвеличили Новгородъ, указываетъ въ свою очередь, что и Новгородъ не мало поддерживалъ славу Россіи. „Если имя побѣды“ — говоритъ она — „въ теченіе двухъ столѣтій сохранилось еще въ языкѣ славянскомъ, то не громъ ли новгородскаго оружія напоминалъ въ землѣ Русской? не отцы ли наши разили еще враговъ на берегахъ Невы? Воспоминаніе горестное! Сей витязь добродѣтельный, драгоцѣнный остатокъ древняго геройства князей варяжскихъ, заслуживъ имя безсмертное съ вѣрною новгородскою дружиною, храбрый и счастливый между нами, оставилъ здѣсь и славу и счастье, когда предпочелъ имя великаго князя Россіи имени новгородскаго полководца: не величіе, но униженіе и горесть ожидали Александра во Владимирѣ — и тотъ, кто на берегахъ Невы давалъ законы храбрымъ ливонскимъ рыцарямъ, долженъ былъ упасть къ ногамъ Сартака“. — Только что проведенная параллель между двумя различными положеніями Александра даетъ Марѳѣ поводъ сопоставить другъ съ другомъ свободный Новгородъ и униженную остальную Россію — и она произноситъ слѣдующія слова, которыя должны были сильно подѣйствовать на слушателей: „Іоаннъ желаетъ повелѣвать великимъ градомъ: не удивительно! онъ собственными глазами видѣлъ славу и богатство его. Но всѣ народы земные и будущія столѣтія не перестали бы дивиться, если бы мы захотѣли повиноваться. Ка-

кими надеждами онъ можетъ обольстить насъ? Одни несчастные легковѣрны; одни несчастные желаютъ переменъ—но мы благоденствуемъ и свободны! благоденствуемъ оттого, что свободны! Да молитъ Іоаннъ Небо, чтобы Оно во гнѣвѣ Своемъ ослѣпило насъ: тогда Новгородъ можетъ возненавидѣть счастье и пожелать гибели; но доколѣ видимъ славу свою и бѣдствія княжествъ русскихъ, доколѣ гордимся ею и жалѣемъ объ нихъ, дотолѣ права новгородскія всего святѣе намъ по Богѣ“. — Въ рѣчи Холмскаго былъ еще одинъ упрекъ: упрекъ новгородскимъ правителямъ въ корыстолюбіи. Возражая на него, Марѳа говоритъ: „Я не дерзну оправдывать васъ, мужи, избранные общео довѣренностію для правленія! Клевета въ устахъ властолюбія и зависти недостойна опроверженія. Гдѣ страна цвѣтетъ, и народъ ликуетъ, — тамъ правители мудры и добродѣтельны. Какъ! вы торгуете благомъ народнымъ? но могутъ ли всѣ сокровища міра замѣнить вамъ любовь согражданъ вольныхъ? Кто узналъ ея сладость, тому чего желать въ мірѣ? развѣ послѣдняго счастья— умереть за отечество!“ — Затѣмъ слѣдуетъ такой конецъ рѣчи: „Несправедливость и властолюбіе Іоанна не затмеваютъ въ глазахъ нашихъ его похвальныхъ свойствъ и добродѣтелей. Давно уже молва народная извѣстила насъ о его величїи, и люди вольные желали имѣть гостемъ самовластителя; искреннія сердца ихъ свободно изливались въ радостныхъ восклицанїяхъ при его торжественномъ вѣздѣ. Но знаки усердія нашего, конечно, обманули князя московскаго; мы хотѣли изъявить ему прїятную надежду, что рука его свергнетъ съ Россїи иго татарское: онъ вздумалъ, что мы требуемъ отъ него уничтоженія нашей собственной вольности! Нѣтъ, нѣтъ! да будетъ великъ Іоаннъ, но да будетъ великъ и Новгородъ! Да славится князь московскій истребленіемъ враговъ христіанства, а не друзей и братїи земли Русской, которыми она еще славится въ мірѣ! да прерветъ оковы ея, не возлагая ихъ на добрыхъ и свободныхъ новгородцевъ! Еще Ахматъ дерзаетъ называть его своимъ данникомъ: да идетъ Іоаннъ противъ монгольскихъ варваровъ, и вѣрная дружина наша откроетъ ему путь къ стану Ахматову! Когда же сокрушитъ врага, тогда мы скажемъ ему: «Іоаннъ, ты возвратилъ землѣ Русской честь и свободу, которыхъ мы никогда не теряли. Владѣй сокровищами, найденными тобою въ станѣ татарскомъ: они были собраны съ земли твоей; на нихъ нѣтъ клейма новгородскаго: мы не платили дани ни Батыю, ни потомкамъ его! Царствуй съ мудростію и славою; залѣчи глубокія язвы

Россіи; сдѣлай подданныхъ своихъ и нашихъ братій счастливыми—и если когда-нибудь соединенныя твои княжества превзойдутъ славою Новгородъ; если мы позавидуемъ благоденствію твоего народа; если Всевышній накажетъ насъ раздорами, бѣдствіемъ, униженіемъ: тогда—клянемся именемъ отечества и свободы! — тогда придемъ не въ столицу польскую, но въ царственный градъ Москву, какъ нѣкогда древніе новгородцы пришли къ храброму Рюрику, и скажемъ не Казимиру, но тебѣ: *влады нами! мы уже не умѣемъ править собою!*» Ты содрогаясь, о народъ великодушный!... Да идетъ мимо насъ сей печальный жребій! Будь всегда достоинъ свободы—и будешь всегда свободнымъ! Небеса правосудны, и ввергаютъ въ рабство одни порочные народы. Не страшись угрозъ Іоанновыхъ, когда сердце твое пылаетъ любовію къ отечеству и святымъ уставамъ его; когда можешь умереть за честь предковъ своихъ и за благо потомства! Но если Іоаннъ говоритъ истину; если въ самомъ дѣлѣ гнусное корыстолюбіе овладѣло душами новгородцевъ; если мы любимъ сокровища и нѣгу болѣе добродѣтели и славы: то скоро ударитъ послѣдній часъ нашей вольности, и вѣчевой колоколь, древній гласъ ея, падетъ съ башни Ярославовой и навсегда умолкнетъ!... Тогда, тогда мы позавидуемъ счастію народовъ, которые никогда не знали свободы. Ея грозная тѣнь будетъ являться намъ подобно мертвецу блѣдному и терзать сердце наше бесполезнымъ раскаяніемъ! Но знай, о Новгородъ, что съ утратою вольности иссохнетъ и самый источникъ твоего богатства: она оживляетъ трудолюбіе, изощряетъ серпы и златитъ нивы; она привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ сокровищами торговли; она же окрыляетъ суда новгородскія, когда они съ богатымъ грузомъ по волнамъ несутся... Бѣдность, бѣдность накажетъ недостойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ сохранить наслѣдія отцовъ своихъ! Померкнетъ слава твоя, градъ великій, опустѣютъ многолюдные Концы твои! широкія улицы зарастутъ травой, и великолѣпіе твое, исчезнувъ навѣки, будетъ баснею народовъ. Напрасно любопытный странникъ среди печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: *здѣсь была Новгородъ!*...“

Рѣчь Марѳы произвела сильное возбужденіе. „Нѣтъ, нѣтъ! мы всѣ умремъ за отечество!“ восклицають безчисленные голоса: „Новгородъ государь нашъ! да явится Іоаннъ съ воинствомъ!“—

„Итакъ, да будетъ война между великимъ княземъ Іоанномъ и гражданами новгородскими!“ говоритъ князь Холмскій въ отвѣтъ на восклицанія народа—и удаляется изъ Новгорода.

Во второй книгѣ описывается приготовленіе новгородцевъ къ войнѣ. Марѳа сама избираетъ вождя „надежнаго, смѣлаго, рѣшительнаго“—юнаго Мірослава, съ сердцемъ „благороднымъ и чувствительнымъ“, и женить его на своей дочери Ксеніи. Она же отъ имени новгородцевъ написала письмо къ союзному Пскову, прося у него помощи; но псковитяне только пожелали новгородцамъ счастья, а въ помощи отказали. Зато услуги свои предложилъ Казимиръ. Марѳа съ достоинствомъ ихъ отвергла. „Въ самую глубокую полночь Марѳа слышитъ тихій стукъ у двери; отворяетъ ее—и входитъ человекъ суроваго вида, въ одеждѣ не русской, съ длиннымъ мечомъ литовскимъ, съ золотою на груди звѣздою; едва наклоняетъ свою голову, объявляетъ себя тайнымъ посломъ Казимира, и представляетъ Марѳѣ письмо его. Она съ гордою скромностію отвѣтствуетъ: «Жена новгородская не знаетъ Казимира; я не возьму грамоты». Хитрый полякъ хвалитъ героиню великаго града, извѣстную въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, уважаемую царями и народами... Марѳа внимаетъ ему съ равнодушіемъ. Полякъ описываетъ ей величіе своего государя, счастье союзниковъ и бѣдствіе враговъ его... Она съ гордостію садится. Казимиръ великодушно предлагаетъ Новгороду свое заступленіе, говоритъ онъ: «Требуйте—и легіоны польскіе окружаютъ васъ своими щитами!» Марѳа задумалась... «Когда же спасемъ васъ, тогда...» Посадница быстро взглянула на него... «тогда благодарные новгородцы должны признать въ Казимирѣ своего благодотворителя—и властелина, который, безъ сомнѣнія, не употребитъ во зло ихъ довѣренность...» — «Умолкни!» грозно восклицаетъ Марѳа... Изумленный пылкимъ ея гнѣвомъ, посоль безмолвствуетъ; но, устыдясь робости своей, возвышаетъ голосъ и хочетъ доказать необходимую гибель Новограда, если Казимиръ не защититъ его отъ князя московскаго... «Лучше погибнуть отъ руки Іоанновой, нежели спастись отъ вашей!» съ жаромъ отвѣтствуетъ Марѳа: «Когда вы не были лютыми врагами народа русскаго?... И вы дерзаете мыслить, что народъ великодушный захочетъ упасть на колѣни передъ вами? Тогда бы Іоаннъ справедливо укорялъ насъ измѣною. Нѣтъ! если угодно Небу, то мы падемъ съ мечомъ въ рукъ предъ княземъ московскимъ: одна кровь течетъ въ жилахъ нашихъ; русскій можетъ покориться русскому, но чужеземцу—никогда, никогда! Удались немедленно; и если восходящее солнце

освѣтитъ тебя въ стѣнахъ новгородскихъ, ты будешь высланъ съ безчестіемъ. Такъ, Марѳа любима народомъ своимъ; но она велитъ ему ненавидѣть Литву и Польшу... Вотъ отвѣтъ Казимиру!»—Посолъ удалился“. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что Іоаннъ уже спѣшитъ къ Новгороду. Мірославъ вывелъ войско на равнину. Марѳа явилась посреди его и сказала: „Воины! въ послѣдній разъ да обратятся глаза ваши на сей градъ, славный и великолѣпный: судьба его написана теперь на щитахъ вашихъ! Мы встрѣтимъ васъ со слезами радости или отчаянія, прославимъ героявъ, или устыдимся малодушныхъ. Если возвратитесь съ побѣдою, то счастливы родители и жены новгородскія, которые обнимутъ дѣтей и супруговъ; если возвратитесь побѣжденные, то будутъ счастливы сирые, безчадные и вдовицы!... Тогда живые позавидуютъ мертвымъ.—О воины великодушные! вы идете спасти отечество и навѣки утвердить благіе законы его; вы любите тѣхъ, съ которыми должны сражаться: но почто же ненавидятъ они величіе Новаграда? Отрадите ихъ—и тогда съ радостію примиримся съ ними!—Грядите—не съ миромъ, но съ войною для мира! Донынѣ Богъ любилъ насъ; донынѣ говорили народы: *кто противъ Бога и Великаго Новагорода!* Онъ съ вами: грядите!“ Войско двинулось и скоро сошлось съ дружинами Іоанна. Первый гонецъ Мірослава извѣстилъ Марѳу, что войско его изъявляетъ жаркую ревность; второй привезъ извѣстіе, что новгородцы разбили отрядъ Іоанновъ и взяли въ плѣнъ 50 московскихъ дворянъ. „Съ третьимъ Мірославъ писалъ только одно слово: «сражаемся». Тутъ сердце Марѳы наконецъ затрепетало: она спѣшила на Великую площадь, сама ударила въ вѣчевой колоколъ, объявила гражданамъ о началѣ рѣшительной битвы, стала на Вадимовомъ мѣстѣ, устремила взоръ на московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило... уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣстія. Народъ ожидалъ въ глубокомъ молчаніи, и смотрѣлъ на посадницу. Уже наступалъ вечеръ... и Марѳа сказала: «Я вижу облака пыли». Всѣ руки поднялись къ небу... Марѳа долго не говорила ни слова... Вдругъ, закрывъ глаза, громко воскликнула: «Мірославъ убить! Іоаннъ побѣдитель!» и бросилась въ объятіе къ несчастной Ксеніи“.

Третья книга начинается разсказомъ о томъ, какъ блѣдный, окровавленный Михаилъ Храбрый, личный врагъ Борецкихъ, но примирившійся съ ними ради любви къ отечеству, привозитъ въ Новгородъ тѣло Мірослава. „На щитахъ посадили витязя отъ ранъ ослабѣвшаго; но онъ собралъ изнуренныя силы, поднялъ

томную голову, оперся на мечъ свой, и вѣщалъ твердымъ голосомъ: «Народъ и граждане! разбито воинство храброе, убитъ полководецъ великій. Небо лишило насъ побѣды—не славы! На берегахъ Шелони мы встрѣтились съ Іоанномъ... Я видалъ битвы, но никогда такой не видывалъ. Грудь русская была противъ груди русской, и витязи съ обѣихъ сторонъ хотѣли доказать, что они славяне. Взаимная злоба братій есть самая ужасная!.. Тысячи падали... Воины Іоанновы стояли твердынею непоколебимою: новгородцы стремились на нихъ, какъ бурныя волны. Одни сражались за честь, другіе за честь и вольность. Мы шли впередъ... за полководцемъ нашимъ... Скоро главная дружина московская замѣшалась. Новгородцы воскликнули побѣду; но въ то же мгновеніе имя Іоанново гремѣло за нами... Мы съ удивленіемъ обратили взоръ: князь Холмскій съ тылу разилъ лѣвое крыло новгородское... Димитрій *) измѣнилъ согражданамъ!.. не исполнилъ повелѣній вождя, завелъ стражу **) въ непроходимыя блата, не встрѣтилъ врага и далъ ему время окружить наше войско. Мірославъ спѣшилъ изумленныхъ шелонцевъ: онъ помогъ имъ только умереть великодушнѣ!.. Онъ увидѣлъ Димитрія среди московской дружины—послѣднимъ ударомъ наказалъ измѣнника и палъ отъ руки Холмскаго...» Тутъ ослабѣлъ голосъ Михаила; взоръ помрачился облакомъ; блѣдныя уста онѣмѣли; мечъ выпалъ изъ руки его; онъ затрепеталъ—взглянулъ на образъ Вадимовъ, и закрылъ навѣки глаза свои...» Чиновники заключились въ домъ Ярослава для совѣта съ Марѳою, а легіоны Іоанновы приближались къ Новгороду и медленно окружали его. Тысячскій отправился посломъ къ Іоанну. „Новгородцы, готовые умереть за вольность, тайно желали сохранить ее миромъ. Марѳа знала сердца народныя, душу великаго князя, и спокойно ожидала его отвѣта. Тысячскій возвратился съ лицомъ печальнымъ.—Граждане! сказалъ онъ: ваши мудрые чиновники думали, что князь московскій, хотя и побѣдитель, но самую побѣдою, трудною и случайною, увѣренный въ великодушіи новгородскомъ, можетъ еще примириться съ нами... Бояре ввели меня въ шатеръ Іоанна... Вы знаете его величіе: гордымъ взоромъ и повелительнымъ движеніемъ руки онъ требовалъ отъ меня знаковъ рабскаго униженія... «Князь московскій!» я вѣщалъ ему: «Новгородъ еще свободенъ! Онъ желаетъ мира, не рабства. Ты видѣлъ, какъ мы умираемъ за

*) Димитрій Сильный—одинъ изъ вождей новгородскихъ.

**) Авангардъ.

вольность: хочешь ли еще напраснаго кровопролитія? Пощади своихъ витязей: отечеству русскому нужна сила ихъ. Если казна твоя оскудѣла; если богатство новгородское прельщаетъ тебя— возьми наши сокровища: завтра принесемъ ихъ въ станъ твой съ родостію, ибо кровь согражданъ намъ драгоцѣннѣе злата; но свобода и самой крови намъ драгоцѣннѣе. Оставь насъ только быть счастливыми подъ древними законами, и мы назовемъ тебя своимъ благотворителемъ... Но если не хочешь мира съ людьми свободными, то знай, что совершенная побѣда надъ ними должна быть ихъ истребленіемъ: а мы еще дышимъ и владѣемъ оружіемъ; знай, что ни ты ни преемники твои не будутъ увѣрены въ искренней покорности Новаграда, доколѣ древнія стѣны его не опустѣютъ или не примутъ въ себя жителей, чуждыхъ крови нашей!»—*Покоритесь безъ условія, или гибель мятежникамъ!* отвѣтствовалъ Іоаннъ, и съ гнѣвомъ отвратилъ лицо свое. Я удался“. Начались новыя битвы. Тутъ авторъ повѣсти восклицаетъ: „Дѣла славныя и великія! Одни русскіе могли съ обѣихъ сторонъ такъ сражаться... Опытность, хладнокровіе, мужество и число благопріятствовали Іоанну; пылкая храбрость одушевляла новгородцевъ, удвояла силы ихъ, замѣняла опытность... Какъ Іоаннъ величіемъ своимъ одушевлялъ легіоны московскіе, такъ Марѳа въ Новѣгородѣ воспаляла умы и сердца“. Но когда Іоаннъ обложилъ городъ, и въ немъ сильно обнаружилась „ужасы глада“, народъ палъ духомъ: „съ изнуреніемъ тѣлесныхъ силъ, и самая душа его ослабѣла“. Марѳа на колѣняхъ молитъ новгородцевъ быть твердыми еще нѣсколько дней. „Отчаяніе да будетъ нашею силою!“— говоритъ она. „Оно есть послѣдняя надежда героевъ. Мы еще сразимся съ Іоанномъ, и Небо да рѣшитъ судьбу нашу!...“ Всѣ воины въ одно мгновеніе обнажили мечи свои, взывая: „Идемъ, идемъ сражаться!“—„Битва продолжалась три часа; она была чудеснымъ усиленіемъ храбрости... но Марѳа увидѣла наконецъ *хоругвь отечества* въ рукахъ Іоаннова оруженосца, знамя *дружны великодушныхъ* въ рукахъ Холмскаго; увидѣла пораженіе своихъ; воскликнула: *совершилось!* прижала любезную дочь къ сердцу, взглянула на лобное мѣсто, на образъ Вадимовъ и—тихими шагами пошла въ домъ свой, опираясь на плечо Ксеніи. Никогда не казалась она величественнѣе и спокойнѣе“.—Побѣжденный Новгородъ сдался. Іоаннъ вступилъ въ городъ. Тутъ слѣдуетъ описаніе двухъ сценъ: одна — посѣщеніе Іоанномъ въ глубокую полночь могилы Мірослава, другая—казнь Марѳы. По совершеніи казни, Холмскій, держа въ рукѣ хартію, прочелъ на-

роду между прочимъ слѣдующее: „Народъ и бояре! не ужасайтесь... Кровь Борецкой примиряетъ вражду единоплеменныхъ; одна жертва, необходимая для вашего спокойствія, навѣки утверждаетъ сей союзъ неразрывный. Отнынѣ предадимъ забвенію всѣ минувшія бѣдствія; отнынѣ вся земля Русская будетъ вашимъ любезнымъ отечествомъ, а государь великимъ отцомъ и главою. Народъ! не вольность, часто гибельная, но *благоустройство*, *правосудіе* и *безопасность* суть три столпа гражданскаго счастья: Іоаннъ обѣщаетъ ихъ вамъ предъ лицомъ Бога всемогущаго...“— Вѣчевой колоколъ былъ снятъ и отвезенъ въ Москву. „Народъ и нѣкоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за нимъ съ безмолвною горестію и слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ отца своего“.

Повѣсть: „Марѳа Посадница“, будучи выраженіемъ чувствъ и мыслей ея автора, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и идеализація, значительно отступающая отъ исторіи. Впослѣдствіи, излагая „Обзорніе исторіи Новгорода ¹⁴⁶⁾“ и рассказывая о его покореніи ¹⁴⁷⁾ въ историческомъ трудѣ своемъ, Карамзинъ рисуетъ картины иными красками. Во-первыхъ, историкъ усматриваетъ въ жизни Новгорода два періода: древнѣйшій и позднѣйшій. За новгородцами древнѣйшаго періода онъ дѣйствительно признаетъ ту доблесть, ту добродѣтель, которая дѣлала ихъ достойными гражданами своей республики; позднѣйшій же періодъ онъ считаетъ временемъ упадка и характеризуетъ его такими словами:

„Паденіе Новгорода ознаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства... Сей народъ... болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со времени Іоанна Калиты. Богатые новгородцы стали откупаться серебромъ отъ князей московскихъ и Литвы, но вольность спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе, и манитъ къ себѣ властелина. Ополченія новгородскія съ XV в. уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что, кромѣ нестройства и малодушнаго бѣгства, видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ государей: литовскаго или московскаго“.

Во-вторыхъ, рассказывая о покореніи Новгорода, Карамзинъ передаетъ слѣдующее. Распря у Новгорода съ Іоанномъ началась

еще въ 1469 г. Новгородцы захватили многіе доходы, земли и воды княжескіе, презирали Іоанновыхъ намѣстниковъ и пословъ, дѣлали обиды москвитянамъ. Іоаннъ только требовалъ удовлетворенія и просилъ новгородцевъ „исправиться“. Многіе желали прекратить распрю и жить съ Москвою въ мирѣ; „но скоро открылся мятежъ, какого давно не бывало въ сей народной державѣ“. Виновницею этого мятежа была Марѳа Борецкая, которую историкъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ:

„Вопреки древнимъ обыкновеніямъ и нравамъ славянскимъ, которые удаляли женскій полъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ гражданскихъ, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшаго посадника Исаака Борецкаго, именемъ Марѳа, предпріяла рѣшить судьбу отечества. Хитрость, велерѣчіе, знатность, богатство и роскошь доставили ей способъ дѣйствовать на правительство. Народные чиновники сходились въ ея великолѣпномъ домѣ пировать и совѣтоваться о дѣлахъ важнѣйшихъ... Сія гордая жена хотѣла освободить Новгородъ отъ власти Іоанновой, и, по увѣренію лѣтописцевъ, выйти замужъ за какого-то вельможу литовскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ господствовать, именемъ Казимировымъ, надъ своимъ отечествомъ... Марѳа предпріяла дѣйствовать рѣшительно. Ея сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленнымъ сонмомъ людей подкупленныхъ, явились на вѣче и торжественно сказали, что настало время управиться съ Іоанномъ... Громогласное восклицаніе: «не хотимъ Іоанна! да здравствуетъ Казимиръ!» служило заключеніемъ ихъ рѣчи“. Образовалось двѣ партіи: одна — за московскаго князя, другая — за Казимира. „Но Борецкіе превозмогли, овладѣли правленіемъ и погубили отечество, какъ жертву ихъ страстей личныхъ... Новгородъ поддался Казимиру добровольно и торжественно... Многочисленное посольство отправилось въ Литву... съ предложеніемъ, чтобы Казимиръ былъ главою новгородской державы на основаніи древнихъ уставовъ ея гражданской свободы. Онъ принялъ всѣ условія“.

Итакъ Марѳа въ „Исторіи“ не тождественна съ героиней повѣсти.

Свѣдавъ объ указанномъ посольствѣ къ Казимиру, Іоаннъ отправилъ въ Новгородъ „благоразумнаго чиновника“, но не князя Холмскаго, а Ив. Ѡ. Товаркова, съ такимъ увѣщаніемъ: „Люди новгородскіе! Рюрикъ, Св. Владимиръ и Великій Всеволодъ Юрьевичъ, мои предки, повелѣвали вами; я наслѣдовалъ сіе право; жалею васъ, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушаніе. Когда вы были подданными Литвы? Нынѣ же раболѣпствуете иновѣр-“

нымъ, преступая священные обѣты. Я ничѣмъ не отяготилъ васъ и требовалъ единственно древней законной дани. Вы измѣнили мнѣ: казнь Божія надъ вами! Но еще медлю, не любя кровопролитія, и готовъ миловать, если съ раскаяніемъ возвратитесь подъ сѣнь отечества“. Но „Марѳа съ друзьями своими дѣлала что хотѣла въ Новгородѣ... Клевреты или наемники Борецкихъ вопили: «Новгородъ государь нашъ, а Казимиръ покровитель!»... Посоль московскій возвратился къ государю съ увѣреніемъ, что не слова и не письма, а одинъ мечъ можетъ смирить новгородцевъ. Великій князь изъявилъ горестъ: еще размышлялъ, совѣтовался,... открылъ государственную думу, и предложилъ ей на судъ измѣну новгородцевъ... Отвѣтствовали единогласно: «Государь, возьми оружіе въ руки!» Тогда Іоаннъ произнесъ рѣшительное слово: «да будетъ война!»“

Началось страшное опустошеніе: съ одной стороны дѣйствовали войска самого Іоанна и князя Холмскаго, а съ другой союзные съ Москвой псковитяне. Новгородцы уже хотѣли вступить въ переговоры, но Марѳа и ея единомышленники не допустили до этого, собрали большую рать—и произошла битва на берегу Шелони. О доблести новгородцевъ говоритъ лишь ихъ лѣтописецъ; по другимъ же извѣстіямъ—они не стояли и часу, потерпѣли пораженіе, разбѣжались; нѣкоторые изъ ихъ вожаковъ были казнены, въ томъ числѣ и сынъ Марѳы—Дмитрій. Новгородъ готовъ былъ смириться; но Марѳа снова начала „дѣйствовать на умы и сердца, возбуждая ихъ противъ великаго князя“. Іоаннъ сталъ готовиться обступить Новгородъ, чтобы нанести послѣдній ударъ. Тогда только новгородцы запросили мира — и „государь изрекъ слово великодушнаго прощенія... Давъ слово забыть прошедшее, великій князь оставилъ въ покоѣ и самую Марѳу Борецкую“.—Слѣдовательно не только Марѳа, но и новгородцы въ „Исторіи“ не тѣ герои, что въ повѣсти.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ Шелонской битвы — и тогда лишь Іоаннъ посѣтилъ Новгородъ для личнаго разбирательства разныхъ дѣлъ по жалобамъ младшихъ гражданъ на старшихъ. Это было въ 1475 г. Нѣкоторые бояре—и въ числѣ ихъ другой сынъ Марѳы—Федоръ—были взяты подъ стражу. Правосудіе Іоанна многимъ понравилось — и эти люди захотѣли „видѣть судную власть въ однѣхъ рукахъ его... Сии многочисленные друзья великаго князя, можетъ быть сами собою, а можетъ быть и по согласію съ нимъ, замыслили слѣдующую хитрость. Двое изъ оныхъ... явились передъ Іоанномъ (въ Москвѣ 1477 г.) и торже-

ственно наименовали его *государемъ* Новагорода, вмѣсто *господина*, какъ прежде именовались великіе князья въ отношеніи къ сей народной державѣ. Вслѣдствіе того Іоаннъ отправилъ къ новгородцамъ боярина... спросить, что они разумѣютъ подъ названіемъ государя; хотятъ ли присягнуть ему, какъ *полному властителю*, единственному законодателю и судіи... Изумленные граждане отвѣтствовали: «Мы не посылали съ тѣмъ къ великому князю; это ложь». Сдѣлалось общее волненіе. Они терпѣли оказанное Іоанномъ самовластіе въ дѣлахъ судныхъ, какъ *чрезвычайное*, но ужаснулись мысли, что сія чрезвычайность будетъ уже *закономъ*; что древняя пословица: «Новгородъ судится своимъ судомъ» утратитъ навсегда смыслъ, и что московскіе тиуны будутъ рѣшать судьбу ихъ. Древнее вѣче уже не могло ставить себя выше князя, но по крайней мѣрѣ существовало именованіемъ и видомъ: Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ: отдать его Іоанну значило торжественно и навѣки отвергнуться оныхъ. Сіи мысли возмутили даже и самыхъ мирныхъ гражданъ, расположенныхъ повиноваться великому князю... Забвенные единомышленники Марѣины воспрянули какъ бы отъ глубокаго сна, и говорили народу, что они лучше его предвидѣли будущее; что друзья и слуги московскаго князя суть измѣнники, коихъ торжество есть гробъ отечества. Народъ остервенился. Послано было сказать Іоанну, что звать его будутъ господиномъ, а не государемъ; суда его не хотятъ, „Дворища Ярославля“ не отдають. „Но Іоаннъ не любилъ уступать, и, безъ сомнѣнія, предвидѣлъ отказъ новгородцевъ, желая только имѣть видъ справедливости въ семъ разборѣ“. Объявленъ былъ походъ; собралась сильная рать со многими военачальниками, въ числѣ которыхъ былъ и князь Холмскій. Псковитяне опять были на сторонѣ великаго князя. Іоаннъ приступилъ къ самому Новгороду и обложилъ его. Новгородцы хотя и избрали себѣ военачальника—князя Василя Шуйскаго-Гребенку, однако ужъ не сражались, а лишь вели переговоры объ условіяхъ своего подчиненія и, угрожаемые и мечомъ и голодомъ, дѣлали все большія и большія уступки твердости Іоанна — и дѣло наконецъ кончилось тѣмъ, что Іоаннъ безъ битвы „привелъ Великій Новгородъ во всю волю свою“. Въ январѣ (15-го) 1478 г. рушилось новгородское вѣче, вѣчевой колоколь былъ снятъ и отвезенъ въ Москву, куда была отправлена (а не казнена) и Марѣа Борецкая.

Разсказъ въ „Исторіи“, представляя событіе иначе, чѣмъ въ повѣсти, производитъ и иное впечатлѣніе: въ историческомъ по-

вѣствованіи сила подчиняетъ себѣ безсиліе, въ повѣсти сила одо- лѣваетъ силу же—и событіе вслѣдствіе этого получаетъ траги- ческій характеръ: Марѳа, Мірославъ, Михайль Храбрый и новго- родцы вообще—это трагическіе герои, исполненные нравственной силы и доблести въ борьбѣ за свою свободу. Повѣсть: „Марѳа Посадница“ заключаетъ въ себѣ прекрасный сюжетъ для высокой исторической трагедіи въ Шекспировскомъ духѣ; но при сравненіи ея съ историческимъ рассказомъ она должна быть названа иде- ализаціей.

Карамзинъ и самъ чувствовалъ, что его Марѳа ужъ слиш- комъ далека отъ дѣйствительной, и хотѣлъ ослабить идеализа- цію введеніемъ въ повѣсть того эпизода, въ которомъ она, откры- ваясь Ксеніи и Мірославу, объясняетъ свои дѣйствія единственно любовью къ покойному своему мужу и данной ему клятвой „быть вѣчнымъ врагомъ непріятелей свободы новгородской“. Въ со- отвѣтствіи съ этимъ эпизодомъ находится и то мѣсто предисло- вія, гдѣ Карамзинъ, выдавъ свою повѣсть за пересказъ старин- ной рукописи, говоритъ: „Тайное побужденіе, данное имъ (т.-е. авторомъ рукописи) фанатизму Марѳы, доказываетъ, что онъ ви- дѣлъ въ ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и добродѣтельную женщину“. Но эпизодъ этотъ—лишь искусствен- ная вставка, и Марѳа въ повѣсти все-таки производитъ впечатлѣ- ніе героини и великой и добродѣтельной. Достаточно вспомнить только эти слова ея: „Когда бы все небо запылало, и земля, какъ море, всколебалась подъ моими ногами,—и тогда бы сердце мое не устрашилось: если Новгороду должно погибнуть, то могу ли думать о жизни своей“¹⁴⁸).

Объ этой повѣсти Карамзина находимъ слѣдующую замѣтку у Бестужева-Рюмина: „Въ нравственномъ чувствѣ Карамзина есть одна высокая сторона, доступная немногимъ: для него не суще- ствуетъ Бреново «vae victis!»; онъ понимаетъ законность борьбы, историческое значеніе побѣды; но съ сожалѣніемъ, съ участіемъ останавливается на участи побѣжденнаго; его плачь о паденіи Новгорода, по изящному краснорѣчію высокаго нравственнаго чувства, достоинъ стать на ряду съ лѣтописнымъ плачемъ о па- деніи Пскова. Карамзинъ, какъ и лѣтописецъ (Карамзинъ, разу- мѣется, еще больше лѣтописца), понимаетъ нравственную не- правду, погубившую Новгородъ и Псковъ; но... Карамзинъ еще сверхъ того понимаетъ государственную необходимость; если сердцемъ онъ сожалѣетъ о Новгородѣ, то по разуму онъ на про- тивной сторонѣ“¹⁴⁹).

Въ повѣсти и дано преимущественное мѣсто голосу сердца, въ „Исторіи“ же—голосу разума. Тамъ, заканчивая свое „Обозрѣніе исторіи Новагорода“, Карамзинъ говоритъ:

„Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя новгородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими нѣмцами, безъ сомнѣнія, отличались благородными качествами отъ другихъ росіянъ, униженныхъ тиранствомъ моголовъ: однакожь исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то-есть, чтобы не погибла отъ ударовъ новаго Батыя или Витовта; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, государь московскій поставилъ одну грань своего царства на берегу Наровы, въ угрозу нѣмцамъ и шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ, или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная древность воображала источники богатства, и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во тѣмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями.—Императоръ Гальба сказалъ: «Я былъ бы достоинъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ воспользоваться ею». Историкъ русскій, любя и человѣческія и государственныя добродѣтели, можетъ сказать: «Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность новгородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи“¹⁵⁰).

„Марѳа Посадница“ при своемъ появленіи должна была произвести сильное впечатлѣніе, какъ своимъ величавымъ содержаніемъ, такъ и языкомъ того стиля, которымъ впоследствии написана „Исторія государства Россійскаго“. Погодинъ замѣчаетъ: „Эта повѣсть имѣла успѣхъ не менѣе «Бѣдной Лизы». Вся молодежь твердила наизусть: «Раздался звукъ вѣчевого колокола—и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ»... Характеры, положенія, встрѣчи—все это было здѣсь совершенно ново, необыкновенно, разительно.—Украшенія, преувеличенія, идеализація не бросались тогда въ глаза читателямъ такъ, какъ нынѣ“¹⁵¹).

Въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщена была и извѣстная уже отчасти намъ недоконченная повѣсть: „Рыцарь нашего времени“ (1802—1803). Она имѣетъ автобіографическое значеніе,

но не лишена и значенія историческаго: въ ней сохранены многія черты жизни старинныхъ русскихъ дворянъ, и выведено нѣсколько ихъ типовъ. Въ дополненіе къ тому, что приведено уже изъ этой повѣсти въ представленномъ нами біографическомъ очеркѣ Карамзина ¹⁵²), выпишемъ еще слѣдующій отрывокъ.

„Капитанъ Радушинъ, отецъ Леоновъ, любилъ угощать добрыхъ пріятелей, чѣмъ Богъ послалъ. Сынъ всякій разъ съ великимъ удовольствіемъ бѣжалъ сказать ему: «Батюшка! ѣдутъ гости!» а капитанъ нашъ отвѣчалъ: «Добро пожаловать!» надѣвалъ круглый парикъ свой и шелъ къ нимъ на встрѣчу съ лицомъ веселымъ... Провинціалы наши не могли наговориться другъ съ другомъ; не знали, что за звѣрь политика и литература, а разсуждали, спорили и шумѣли. Деревенское хозяйство, охота, извѣстныя тяжбы въ губерніи, анекдоты старины — служили богатою матеріею для разсказовъ и примѣчаній... Ахъ! давно уже смерть и время бросили на васъ темный покровъ забвенья, витязи С—скаго уѣзда, вѣрные друзья капитана Радушина! Лебрюнь и Лампи не сохранили для насъ вашего образа; но я не даромъ авторъ Леоновой исторіи: зеркало памяти моей ясно. Какъ теперь смотрю на тебя, заслуженный майоръ Ѡадей Громиловъ, въ черномъ большомъ парикѣ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ бархатномъ камзолѣ, съ кортикомъ на бедрѣ и въ желтыхъ татарскихъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, не привыкнувъ ходить на цыпкахъ въ комнатахъ знатныхъ господъ, стучишь ногами еще за двѣ горницы и подаешь о себѣ вѣсть издали громкимъ своимъ голосомъ, которому нѣкогда рота ландмилиціи повиновалась, и который въ яркихъ звукахъ своихъ нерѣдко ужасалъ дурныхъ воеводъ провинціи! Вижу и тебя, сѣдовласый ротмистръ Буриловъ, прострѣленный насквозь башкирскою стрѣлою въ степяхъ Уфимскихъ; слабый ногами, но твердый душою; ходившій на клюкахъ, но сильно махавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ твоего эскадрона, или омерзеніе свое къ безчестному дѣлу какого-нибудь недостойнаго дворянина въ вашемъ уѣздѣ! Гляжу и на важную осанку твою, бывшій воеводскій товарищъ Пряמודушинъ, и на орлиный носъ твой, за который не могъ водить тебя секретарь провинціи, ибо совѣсть умнѣе крючкотворства; вижу, какъ ты, рассказывая о Биронѣ и Тайной Канцеляріи, опираешься на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую подарилъ тебѣ фельдмаршалъ Минихъ... вижу всѣхъ васъ, достойные матадоры провинціи, которыхъ бесѣда имѣла вліяніе на характеръ моего героя; и чтобы предста-

вить разительно все благородство сердецъ вашихъ, сообщаю здѣсь условія, заключенныя вами между собою въ домѣ отца Леонова и написанныя рукою Прямодушина“. Слѣдуетъ уже извѣстный намъ „Договоръ братскаго общества“¹⁵³).

Автобіографическое значеніе можетъ имѣть и рассказъ: „Чувствительный и холодный“ (1803). Карамзинъ сопоставляетъ тутъ два противоположные типа людей: Эрастъ—типъ чловѣка чувствительнаго, Леонидъ—хладнокровнаго, и въ этихъ лицахъ можно узнать нѣкоторыя черты—въ первомъ—самого Карамзина, во второмъ—Петрова. Интересно, между прочимъ, вступленіе къ этому рассказу: въ немъ авторъ дѣлаетъ общую оцѣнку людей чувствительныхъ и хладнокровныхъ и указываетъ выгодныя и невыгодныя стороны чувствительности. „Первые“,—говоритъ Карамзинъ,—„безъ сомнѣнія, живѣе наслаждаются; но какъ въ жизни болѣе горестей, нежели удовольствій, то слабѣе чувствовать тѣ и другія есть выигрышъ. *Боги не даютъ, а продаютъ намъ удовольствія*, сказалъ греческій трагикъ¹⁵⁴); и слишкомъ дорого, можно примолвить, такъ что мы съ покупкою остаемся въ глупцахъ. Но чувствительный есть природный мотъ: онъ видитъ свое разореніе, борется съ собою—и все покупаетъ. Однакожъ, любя справедливость, замѣтимъ и свойственныя ему преимущества. Равнодушные люди бываютъ во всемъ благоразумнѣе, живутъ смиреннѣе въ свѣтѣ; менѣе дѣлаютъ бѣдъ и рѣже разстраиваютъ гармонію общества; но одни чувствительные приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Монтаня, нуженъ всегда *небольшой примѣсъ безразсудности*, un peu de folie! они-то блистаютъ талантами воображенія и творческаго ума: поэзія и краснорѣчіе есть дарованіе ихъ. Холодные люди могутъ быть только математиками, географами, натуралистами, антикваріями и—если угодно—философами!“...

Рассказъ объ Эрастѣ и Леонидѣ и служитъ реальнымъ подтвержденіемъ указаннаго взгляда.

Довольно крупной статьёй въ „Вѣстникѣ Европы“ была статья: „О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ“ (1802). Она заключаетъ въ себѣ біографическій очеркъ этого писателя и прекрасный разборъ его „Душеньки“, правильный взглядъ на которую выраженъ въ слѣдующихъ словахъ автора статьи: „Она не есть поэма героическая; мы не можемъ, слѣдуя правиламъ Аристотеля, съ важностію разсматривать ея *басню, нравы, характеры и выраженіе* ихъ; не можемъ, къ счастью, быть въ семъ случаѣ недантами, которыхъ боятся граціи и любимцы ихъ. Душенька

есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣтъ Аристотеля. Въ такомъ сочиненіи все правильно, что забавно и весело, остроумно выдуманно, хорошо сказано. Это кажется очень легко, и въ самомъ дѣлѣ не трудно—но только для людей съ талантомъ“.

Въ своемъ журналѣ Карамзинъ помѣщалъ и свои философскія статьи и свои стихотворенія. Такъ, онъ помѣстилъ въ немъ уже извѣстное намъ разсужденіе: „О счастливейшемъ времени жизни“ и небольшую статейку: „Мысли объ уединеніи“ (1803), въ которой подробнѣе развиваетъ то, что раньше было высказано имъ по этому предмету въ письмѣ изъ Ліона¹⁵⁵). Въ стихотворномъ отдѣлѣ встрѣчаемъ стихотворенія издателя: „Меланхолія“, „Къ Добродѣтели“, „Къ Эмилиі“ и др. Отдѣлъ этотъ разнообразился произведеніями и другихъ писателей—Державина, Дмитріева, Вл. Измайлова, В. Пушкина, Ал. Ив. Тургенева, и тутъ же впервые появилось имя Жуковскаго, подписанное подъ первымъ его напечатаннымъ произведеніемъ—переводомъ элегіи Грея: „Сельское кладбище“.

5. Дополнительный очеркъ „Вѣстника Европы“.

Указаннымъ матеріаломъ однако еще не исчерпывается содержаніе разсматриваемаго журнала, который названъ Вѣстникомъ *Европы* не только потому, что онъ долженъ былъ „содержать въ себѣ главныя европейскія новости въ политикѣ“, но еще и вотъ по какой причинѣ: объявляя о продолженіи своего изданія въ 1803 г. и указывая подробнѣе его программу, Карамзинъ говорилъ: „лучшіе авторы Европы должны быть въ нѣкоторомъ смыслѣ нашими *сотрудниками* для удовольствія русской публики, а намъ остается избирать ихъ мысли, какъ умѣемъ. Не многіе получаютъ иностранные журналы, а многіе хотятъ знать, *что и какъ* пишутъ въ Европѣ: Вѣстникъ можетъ удовлетворять сему любопытству, и притомъ съ нѣкоторою пользою для языка и вкуса. Намъ пріятно думать, что въ Грузіи или въ Сибири читаютъ тѣ самыя пѣсы, которыя (двумя или тремя мѣсяцами прежде) занимали парижскую и лондонскую публику“. Другими словами, издатель желалъ, чтобы черезъ его посредство русское общество знакомилось съ европейской литературой. И дѣйствительно, въ „Вѣстникѣ Европы“ мы находимъ статьи изъ слѣдующихъ произведеній иностранной прессы: изъ „Moniteur“, „Journal de Paris“, „Decade“, „Spectateur du Nord“, „Gazette de France“, „Philosophical Magazine“, „Univ. Chronicle“ и даже изъ одного

американскаго журнала. Нѣкоторыя статьи должны были имѣть большой современный интересъ; къ такимъ надо отнести, напри- мѣръ, слѣдующія: „Анекдоты о Бонапарте“, „Бонапарте въ пира- мидѣ“ (перев. изъ описанія египетской экспедиціи); интересны также статьи, очерчивающія личности Людовика XVI и Маріи Антуанеты (изъ „Mémoires de Soulave“ и „Maximes de Louis XVI“). Изъ беллетристическихъ писателей наибольшее мѣсто отведено г-жѣ Жанлисъ, подобно тому какъ въ „Московскомъ журналѣ“ такое же мѣсто удѣлено было Мармонтелю.

Критическаго отдѣла въ „Вѣстникѣ“ не было, такъ какъ Карамзинъ, признававшій прежде за критикою большую пользу. теперь измѣнилъ свой взглядъ, находя, что, въ виду тогдашней малочисленности у насъ авторовъ, лучше не пугать ихъ, а поощрять. Новый взглядъ свой онъ выразилъ въ первомъ же номерѣ журнала (въ формѣ безыменнаго письма къ издателю), сказавши: „Глупая книга—небольшое зло въ свѣтѣ: у насъ же такъ малс авторовъ, что не стоитъ труда и пугать ихъ. Но если выйдеть нѣчто изрядное, для чего не похвалить? Самая умѣренная похвала бываетъ часто великимъ ободреніемъ для юнаго таланта“. Въ статьѣ: „О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи“ (1802, № 9), радуясь, что въ обществѣ началъ пробуждаться замѣтный интересъ къ книгамъ,—хотя пока еще главнымъ образомъ только къ романамъ,—Карамзинъ говоритъ: „Теперь въ страшной модѣ Коцебу... Романъ, сказка, хорошее или дурное—все одно, если на титулѣ имя славнаго Коцебу!—Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь, лишь бы только читали! И романы, самые посредствен- ные, даже безъ всякаго таланта писанные, способствуютъ нѣкото- рымъ образомъ просвѣщенію. Кто плѣняется «Никаноромъ, зло- счастливымъ дворяниномъ», тотъ на лѣстницѣ умственнаго образо- ванія стоитъ еще ниже его автора, и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо, безъ всякаго сомнѣнія, чему-нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между авторомъ и читателемъ велико разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣй- ствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно вся- кому что-нибудь поближе: одному Жанъ-Жака, другому Никанора. Какъ вкусъ физическій вообще увѣдомляетъ насъ о согласіи пищи съ нашею потребностію, такъ вкусъ нравственный открываетъ человѣку вѣрную аналогію предмета съ его душою; но сія душа можетъ возвыситься постепенно—и кто начинаетъ *Злосчастливымъ дворяниномъ*, нерѣдко доходитъ до „Грандисона“.

По замѣчанію Грота, главною причиною такой перемѣны во взглядѣ Карамзина на критику „была, конечно, испытанная имъ истина, что критика раздражаетъ самолюбіе и производитъ разладъ между писателями. Достигнувъ большого вѣса въ литературѣ, вызвавъ толпу послѣдователей, онъ въ то же время нашелъ много враговъ и завистниковъ и предвидѣлъ, что критика вовлекла бы его въ нескончаемую борьбу, противную его мягкому характеру, и онъ заранѣе уклонился отъ этой щекотливой обязанности журналиста“¹⁵⁶). „То, что имъ сдѣлано внѣ области критики“, — говоритъ Гротъ далѣе, — „такъ многозначительно, что потомство не можетъ слишкомъ строго судить его за отсутствіе этого элемента въ его журналѣ; а успѣхъ молодыхъ писателей, которые вскорѣ явились на его сторонѣ и доставили ему рѣшительную побѣду надъ противниками, еще болѣе оправдываетъ его“¹⁵⁷).

Подобное же замѣчаніе дѣлаетъ и Пятковскій. „Наученный опытомъ «Московскаго журнала», Карамзинъ исключилъ рецензіи, какъ слишкомъ хлопотливое и неблагодарное дѣло. Кромѣ того, онъ могъ имѣть въ виду, что отсутствіе подобныхъ статей не будетъ потерей для большинства читателей, смотрѣвшихъ на критику, какъ на пустое пересмѣиванье и зубоскальство“. И авторъ этой замѣтки какъ бы соглашается съ мыслью Карамзина, что, при ограниченномъ количествѣ выходившихъ тогда книгъ, нечего было осуждать и плохую книгу; что бездарная книга—ничтожное зло, и что въ то время лучше было поощрять у насъ литературную дѣятельность, чѣмъ запугивать писателей жесткими приговорами¹⁵⁸).

Карамзинъ, какъ увидимъ, остался до конца вѣренъ этому взгляду: въ своей академической рѣчи, произнесенной имъ въ 1818 г., онъ совѣтовалъ нашей тогдашней критикѣ взять себѣ основнымъ правиломъ: *„болѣе хвалитъ достойное хвалы, нежели осуждаетъ, что осудить можно“*.

6. Заключение.

Изъ приведенныхъ нами очерковъ читатель, конечно, видитъ, чѣмъ отличался „Вѣстникъ Европы“ отъ „Московскаго журнала“ и несрочныхъ сборниковъ Карамзина: тамъ мысль издателя занята главнымъ образомъ человѣкомъ вообще; здѣсь, въ „Вѣстникѣ“, не упуская изъ виду ни человѣчества, ни человѣчности, издатель съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на Россіи.

Какъ органъ, посвященный интересамъ Россіи, „Вѣстникъ

Европы“ находится въ связи—съ одной стороны—съ тѣми произведеніями, которыми Карамзинъ встрѣтилъ Александровскую эпоху, а съ другой—съ его „Исторіей государства Россійскаго“, и именно вотъ какимъ образомъ.

„Похвальное слово императрицѣ Екатеринѣ“ и двѣ оды Карамзина были обращеніемъ его къ правящей власти съ цѣлю высказать свой идеалъ правленія. „Вѣстникъ Европы“ былъ обращеніемъ къ обществу съ цѣлю указать ему свой идеалъ гражданина.

Если мысли издателя „Вѣстника“ сопоставить съ мыслями тогдашней либеральной партіи, то окажется, что Карамзинъ не только не приблизился къ либераламъ, а напротивъ—разошелся съ ними еще болѣе, такъ какъ, кромѣ вопроса о формѣ правленія, его раздѣлялъ съ ними и вопросъ крестьянскій—вопросъ, разрѣшеніе котораго Карамзинымъ могло, какъ мы уже говорили, имѣть въ извѣстномъ отношеніи неблагоприятное вліяніе на современное ему общество¹⁵⁹). Новѣйшая критика главнымъ образомъ и судить Карамзина, сопоставляя его взгляды со взглядами тогдашнихъ либераловъ. Но вѣдь помимо этихъ двухъ вопросовъ—вопроса крестьянскаго и о формѣ правленія, Карамзинъ въ своемъ журналѣ говорилъ еще и о многомъ другомъ—и между этимъ другимъ было кое-что, имѣвшее, несомнѣнно, огромную важность: издатель „Вѣстника“ поднималъ въ обществѣ народное самознаніе, безъ котораго едва ли мыслимъ истинный гражданинъ въ цивилизованномъ государствѣ.

Служа этому важному дѣлу при помощи своего журнала, Карамзинъ затѣмъ продолжалъ служить ему при помощи своей „Исторіи“.

V. «Исторія государства Россійскаго».

1. Первоначальныя предположенія автора „Исторіи“ и его работа надъ нею.—Взгляды прежней критики и новѣйшей.—Выводъ.—Предисловіе къ „Исторіи“.

Еще будучи за границей, Карамзинъ высказывалъ свое сожалѣніе, что у насъ все еще не было тогда „хорошей російской исторіи“, и, какъ видно, на созданіе ея смотрѣлъ скорѣе не какъ на трудъ ученый, а какъ на произведеніе литературное, имѣющее своею цѣлю занять, заинтересовать читателя въ видахъ патриотическихъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно думать, основываясь на слѣдующемъ мѣстѣ майскаго письма его изъ Парижа, написаннаго по поводу встрѣчи русскаго путешественника съ Левекомъ.

„Больно“, — говоритъ Карамзинъ, — „но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей россійской исторіи, т.-е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить — и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ — не очень любопытны: соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойства народа русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя — описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій — Владимиръ, свой Людовикъ XI — царь Іоаннъ, свой Кромвель — Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ исторіи человѣчества: его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анжело“¹⁶⁰).

Въ виду того, что въ письмѣ, отправленномъ къ Муравьеву съ просьбой объ исторіографской пенсіи, Карамзинъ высказывалъ надежду „управиться съ исторіей“ въ пять или шесть лѣтъ, надо думать, что онъ и тогда такъ же легко смотрѣлъ на предстоящій трудъ и предполагалъ написать лишь отличающееся умомъ, вкусомъ и талантомъ историко-литературное произведеніе. Погодинъ такъ и думаетъ — и вотъ какъ представляетъ себѣ тогдашнія предположенія Карамзина:

„Объ дѣлѣ исторіи“, — пишетъ Погодинъ, — „особенно въ отношеніи къ приготовительнымъ, критическимъ работамъ, онъ имѣлъ понятія очень поверхностныя; классическаго образованія онъ не получилъ, и даже собственно-ученой подготовки въ смыслѣ Шлецера у него не было. Онъ хотѣлъ прежде всего сочинить занимательную книгу для чтенія; онъ хотѣлъ развернуть пріятную, поразительную картину предъ взорами своихъ читателей; распространить въ обществѣ, въ народѣ историческія свѣдѣнія, доступныя прежде только для немногихъ. Учености у него не было въ виду. Онъ надѣялся управиться при одномъ здоровомъ смыслѣ,

живости воображенія, при талантѣ краснорѣчія. И такіе образы, какъ Рюрикъ, неизвѣстный витязь, приплывающій изъ-за моря въ Новгородъ на княженіе, Олегъ подъ Константинополемъ, прибивающій щитъ къ вратамъ полуплѣнной столицы, Ольга, принимающая святое крещеніе отъ греческаго патріарха, Владимиръ, завоевывающій вѣру, Мономахъ съ его поученіемъ, Боголюбскій, Мстиславы — казались предметами, достойными художественной кисти. А тамъ еще Донской, св. Сергій, Іоаннъ III съ наслѣдницею греческой имперіи, Грозный, Годуновъ, самозванцы!“

„Какое раздолье для таланта могутъ представить норманскіе походы, принятіе христіанской вѣры, нашествіе дикихъ монголовъ, Куликовская битва, освобожденіе Москвы отъ поляковъ съ Пожарскимъ, Мининымъ, Гермогеномъ, Ляпуновымъ, Палицынымъ, Сусанинымъ, — и Петръ, Петръ, которому никакая исторія никого не представляетъ подобнаго!“

„Восхитительныя зрѣлища представлялись воображенію! И какъ все это легко — матеріалы готовы, подъ руками: вотъ Несторъ и его продолжатели, лѣтописи Кіевская, Суздальская, Новгородская, Курбскій, Палицынъ... Столбовая дорога проложена Татищевымъ, Щербатовымъ, Стриттеромъ, который только что вышелъ тогда въ свѣтъ. Миллеръ, Болтинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Бантышъ-Каменскій дополняютъ, поясняютъ. Наконецъ иностранные путешественники, съ которыми уже онъ познакомился и сдѣлалъ опытъ, какъ можно ими воспользоваться! — Стоитъ только прочесть, какъ говорилъ онъ, разобрать, украсить, умѣть воспользоваться оригинальными чертами, готовыми красками — и весь этотъ грубый, сырой матеріалъ приметъ совсѣмъ другой видъ, заговоритъ душѣ, взволнуетъ сердце новыхъ читателей, имъ же сотворенныхъ, друзей Писемъ русскаго путешественника, Бѣдной Лизы и Ильи Муромца, Замѣтокъ на пути къ Троицѣ!.. И онъ приступаетъ къ дѣлу!“ ¹⁶¹⁾

Однако, приступивъ къ дѣлу, Карамзинъ увидѣлъ, что и историко-литературное произведеніе на такую тему, какъ „Исторія государства Россійскаго“, написать было не легко: нужно было много работать и — волей или неволей — не отстраняться отъ учености. Онъ проработалъ не пять-шесть лѣтъ, какъ было думалъ, а слишкомъ двадцать — и не только не кончилъ своей „Исторіи“, но не довелъ ее и до Романовыхъ. И, не смотря на этотъ продолжительный срокъ, историки наши находятъ, что Карамзинъ все-таки работалъ быстро, и нѣкоторые изъ нихъ быстротѣ этой даже удивляются.

Само собой разумѣется, что удивленіе это есть слѣдствіе представленія о трудѣ Карамзина, какъ о громадной работѣ, о гигантскомъ подвигѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ вопросѣ о степени трудности его работы наши историки-критики расходятся, потому что расходятся во взглядѣ на предшествовавшее Карамзину состояніе русской исторіи. Отсюда, конечно, вытекаетъ и неодинаковое рѣшеніе вопроса о томъ, насколько Карамзинъ внесъ новаго сравнительно съ тѣмъ, что было сдѣлано до него. Въ виду того, что оцѣнка всего этого есть дѣло специалистовъ, намъ остается только привести ихъ мнѣнія—и сдѣлать изъ нихъ лишь тотъ выводъ, который очевиденъ каждому, даже и не специалисту.

Прежде всего остановимся на характеристикѣ состоянія русской исторіи до Карамзина, сдѣланной Погодинымъ.

„Библіотеки“—говоритъ онъ—„не имѣли каталоговъ; источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ, не приводилъ въ порядокъ, лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; грамоты лежали, разсыпанныя по монастырямъ и архивамъ; хронографовъ никто не зналъ; ни одна часть исторіи не была обработана—ни исторія церкви, ни исторія права, ни исторія словесности, торговли, обычаевъ; для древней географіи не было сдѣлано никакихъ приготовленій; хронологія перепутана, генеалогіей не занимались; нумизматическихъ собраній не существовало; археологіи не было въ поминѣ; ни одинъ городъ, ни одно княжество не имѣли порядочной исторіи; сношенія съ сосѣдними государствами покоились въ статейныхъ спискахъ; иностранныя лѣтописи, кромѣ греческихъ, не принимались въ соображеніе; древніе европейскіе путешественники въ Россіи едва были извѣстны по слуху; съ сочиненіями иностранныхъ ученыхъ, въ которыхъ разсѣяны разсужденія о древней Россіи, никто не справлялся; ни одного вопроса изъ тысячи не рѣшено окончательно, ни одного противорѣчія не соглашено.—Что же было сдѣлано?—Издано нѣсколько лѣтописей, коими нельзя было пользоваться по отсутствію всякой отчетливости. Написано нѣсколько исторій, удовлетворявшихъ потребностямъ своего времени; но онѣ не помогали, а увеличивали работу, приводя ученаго въ сомнѣніе своими прибавленіями, и заставляли отыскивать ихъ источники. Объяснено нѣсколько древнихъ памятниковъ, но безъ необходимыхъ строгихъ доказательствъ. Положено прочное основаніе разрѣшенію одного вопроса—о происхожденіи Руси, и Шлецеръ только что указалъ, какъ надо приниматься за лѣтописи, на-

печатавъ первую часть своихъ толкованій на Нестора. Россійская Вивліюэика, изданная Новиковымъ, и ея продолженіе, изданія Миллера: Степенная книга, Царственная книга, Родословная, Кенигсбергскій Никоновскій списокъ Нестора съ прод., Новгородская лѣтопись, сочиненія Татищева, критическія замѣчанія Болтина, опыты Мусина-Пушкина съ помощію Болтина: о Русской правдѣ, о Тмутараканскомъ камнѣ, о Мономаховомъ поученіи, о Словѣ о полку Игоревѣ. Вотъ главныя пособія Карамзина“.

Далѣе Погодинъ говоритъ уже главнымъ образомъ о положеніи Карамзина на самыхъ же первыхъ порахъ его работы. „Надо въ введеніи сказать о народахъ, проходившихъ черезъ наши страны, жившихъ тамъ по нѣскольку времени, оставившихъ слѣды въ именахъ, и даже въ нѣкоторыхъ памятникахъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ грековъ и римлянъ. Надо прочесть свидѣтелей, а сколько ихъ, начиная отъ Иродота! Какія разнорѣчивыя показанія! Сколько толкованій! Много ли приведено въ ясность, которую такъ любилъ Карамзинъ, такъ ревностно искалъ вездѣ! Стриттеръ со своими *Memoriae rerum* послужилъ ему, разумѣется, первымъ руководителемъ. Потомъ изслѣдованія Тунмана объ исторіи сѣверныхъ и восточныхъ племенъ помогли ему опознаться въ этомъ темномъ періодѣ. Наконецъ Сѣверная исторія Шлецера и Маннертъ съ своей Географіей грековъ и римлянъ. Но эти писатели должны были съ другой стороны раскрыть передъ нимъ и всю трудность предпріятія. Разумѣется, не входя въ дальнѣйшія разысканія, онъ рѣшился передать только результаты мастеровъ и указанные ими изысканія второклассныхъ дѣлателей... Такимъ образомъ въ мартѣ 1805 г. онъ кончилъ свое введеніе“.

На написаніе этого введенія Погодинъ смотритъ, какъ на трудъ хотя и научно несамостоятельный, тѣмъ не менѣе и важный и весьма нелегкій. Эта первая глава, по его отзыву, не заключала въ себѣ ничего новаго для ученыхъ, но зато представляла „ясное, полное обзрѣніе многочисленныхъ прежнихъ работъ“. Написаніе этой главы критикъ, принимая во вниманіе непродолжительный срокъ работы надъ нею, назвалъ „трудомъ и подвигомъ геркулесовскимъ“.

Но стало ли затѣмъ Карамзину работать легче? спрашиваетъ Погодинъ—и отвѣчаетъ: „Ничуть не бывало. Онъ увидѣлъ нужду, почувствовалъ необходимость останавливаться на буквахъ,... онъ увидѣлъ невозможность ступить ни шагу безъ утомительныхъ изслѣдованій объ одномъ словѣ, имени, числѣ; но желѣзная воля, но здравый смыслъ, но внутренній свѣтъ ему помогали. Онъ дѣ-

лался самъ строгимъ критикомъ, многостороннимъ ученымъ, противъ воли, самъ не примѣчая того, и доходилъ до удачныхъ результатовъ“¹⁶²).

Подобнымъ же образомъ характеризуетъ „состояніе науки русской исторіи передъ началомъ работы Карамзина“ и извѣстный историкъ нашъ—Бестужевъ-Рюминъ¹⁶³).

„Издание источниковъ“—удостоверяетъ онъ—„началось еще въ XVIII вѣкѣ; но большая часть рукописей были и прочитаны и изданы чрезвычайно небрежно. Всѣмъ извѣстно, какъ князь Щербатовъ въ изданіи такъ называемаго «Древняго лѣтописца», вмѣсто: «утечьими ловцы», читалъ: «Утечь и Миловцы», принимая эти слова за собственные имена. Львовъ, издавая «Русскій Временникъ», оговаривался въ предисловіи, что за слогъ онъ не отвѣчаетъ. «Все дѣло мое было, говоритъ онъ, привести оныя (старыя тетради; что за тетради—это объяснить издатель счелъ за лишнее) только въ порядокъ, исправить ошибки писцовъ, объяснить неупотребительныя слова и вычернить нѣкоторыя нелѣпости». Для объясненія неупотребительныхъ словъ издатель счелъ возможнымъ замѣнить ихъ въ текстѣ словами новаго времени: напримеръ, вы встрѣчаете слово «баталія» въ описаніи битвы Ярослава съ Святополкомъ, и т. д. Не считаю уже нужнымъ послѣ этого говорить о Барковѣ, исказившемъ Радзивилловскій списокъ начальной лѣтописи. Изданія были до того небрежны, что страницы, перепутанныя въ рукописи, путались и въ изданіи и даже въ изложеніи исторіи: такъ случилось съ Царственною книгой. Щербатовъ напечаталъ ее такъ, какъ нашелъ въ рукописи, и отнесъ событія, записанныя на перепутанныхъ листахъ, къ тѣмъ годамъ, куда они попали ошибкой. Самые важные списки лѣтописи оставались не только неизданными, но даже неизвѣстными; такъ, Шлецеръ, списавшій себѣ первыя страницы Ипатьевскаго списка, не подозрѣвалъ даже, что въ томъ же списокѣ заключается Кіевская лѣтопись, извѣстная только Татищеву, и Волынская, никому неизвѣстная. Впослѣдствіи Карамзинъ нашелъ этотъ списокъ въ числѣ дефектовъ академической библіотеки. Если не было хорошихъ изданій лѣтописи, то тѣмъ менѣе можно было ждать ученыхъ коментаріевъ; и дѣйствительно только Шлецеръ началъ объясненіе нашихъ лѣтописей, и въ ту пору появился одинъ первый томъ его «Нестора». Только Шлецеръ началъ отдѣлять источники, годные къ употребленію, отъ негодныхъ, сталъ добиваться, какимъ путемъ дошли извѣстія; прежде объ этомъ такъ мало думали, что даже Болтинъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и дарови-

тыхъ дѣятелей по русской исторіи, упрекалъ Щербатова за то, что онъ извѣстія Татищевскія не предпочиталъ лѣтописнымъ; коментаріи самого Татищева ограничивались по большей части соображеніями здраваго смысла. Его примѣчанія интересны главнымъ образомъ своими указаніями на нравы и обычаи XVII и XVIII вѣка, и вовсе не имѣютъ цѣны, какъ ученія объясненія самаго текста. Какъ печатали лѣтописи, такъ печатали и грамоты: печатали то, что подъ руку попадется, съ перваго попавшагося списка, и рѣдко заявляли, откуда взята грамота. Ученыхъ пособій совсѣмъ не было: генеалогическія таблицы были такъ перепутаны, что одинъ князь являлся два раза сыномъ двухъ разныхъ князей. Такъ у Щербатова случилось со Всеволодомъ Чермнымъ. Вообще, чтобы понять всю эту путаницу, происшедшую отъ неумѣнья согласить два разные источника—лѣтопись и родословныя, стоитъ взять второй томъ исторіи Щербатова. Географія древней Россіи была не въ лучшемъ состояніи: постоянно путались такіе извѣстные города, какъ Владимиръ на Клязьмѣ и Владимиръ на Волыни, такіе народы, какъ болгары Камскіе и болгары Дунайскіе. Состояніе археологіи было таково, что въ 1824 г., уже послѣ изданія «Исторіи» Карамзина, ученое общество печатаетъ въ своемъ изданіи описаніе грузинской хоругви св. Владимира. Конечно, нашелся Оленинъ, доказавшій ея поддѣльность; но тѣмъ не менѣе возможенъ ли былъ бы этотъ фактъ при другомъ состояніи науки? О миѳологіи уже и говорить не стоитъ: въ XVIII вѣкѣ миѳологію считали дѣломъ празднаго любопытства, и миѳографы, для забавы читателя, изобрѣтали не только обряды, но даже боговъ. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить огромное количество недоразумѣній; такъ, изъ Перунова *уса злата* сдѣлали бога *Услава*, и потомъ уже приписали ему разные атрибуты. Такъ писалась у насъ миѳологія; тотъ же взглядъ замѣтенъ и въ собираніи пѣсенъ, сказокъ и т. п. Въ сборникахъ постоянно являлись присочиненныя пѣсни и сказки: изслѣдователи не только не умѣли отличить ихъ отъ дѣйствительно народныхъ, но даже не считали этого нужнымъ, ибо и произведенія народной словесности считали занятіемъ празднаго любопытства, и то для черни“.

Перейдя затѣмъ къ работѣ Карамзина, Бестужевъ-Рюминъ называетъ ее „трудомъ великимъ“ и говоритъ: „хорошо было работать современнымъ ему историкамъ Запада: у нихъ Болландисты, и Бенедиктинцы, и Дюканжъ, и Муратори, и Монфоконъ; у нихъ и памятники были изданы, и библіотеки и архивы въ большемъ порядкѣ, и пособій больше“. Не таково было положеніе

Карамзина: ему приходилось многое отыскивать самому, и какъ онъ работалъ—лучше всего показываютъ его примѣчанія. Эти примѣчанія критикъ признаетъ „однимъ изъ правъ Карамзина на безсмертіе“, и такъ продолжаетъ свой отзывъ:

„Просматривая примѣчанія Карамзина, нельзя не чувствовать глубокаго уваженія къ громадной его работѣ. Едва ли можно указать большое число памятниковъ, теперь намъ извѣстныхъ, которые были бы неизвѣстны Карамзину: перечислимъ болѣе крупные. Такъ, у него не было «Домостроя», «Тверской лѣтописи», «Панонскихъ житій», Несторова «Житія Бориса и Глѣба», «Слова нѣкоего Христолюбца» и еще немногихъ; но зато какъ громадна масса памятниковъ, которые онъ въ первый разъ нашелъ, или которыми онъ впервые пользовался. Сюда принадлежитъ *Хлѣбниковскій списокъ* (можно считать и *Ипатьевскій*), *Лаврентьевскій Троицкій*, *Ростовскій*, нѣкоторыя изъ Новгородскихъ лѣтописей и едва ли не обѣ *Псковскія* (впрочемъ считаю нужнымъ оговориться: Щербатовъ цитуетъ лѣтописи по номерамъ, и потому трудно сказать, что именно было у него въ рукахъ); потомъ *Данилъ Паломникъ*, Иларіонова Похвала Владимиру, множество житій святыхъ, множество грамотъ, сказаній... И все это онъ прочелъ, изучилъ, провѣрилъ, изъ всего выписалъ самое любопытное и нигдѣ не спутался... Выписки его такъ точны, что даже имѣющіяся печатныя изданія не всегда въ равной степени удовлетворительны. До него никто (кромѣ Миллера и Успенскаго, книга котораго вышла впрочемъ въ 1813 г.) не пользовался такъ много иностранными писателями о Россіи. Встрѣтивъ указанія на неизвѣстный ему матеріалъ, онъ не успокоивался, пока не добывалъ этого матеріала; такъ, съ большимъ трудомъ досталъ онъ себѣ *Баварскаго географа*, но нашелъ его недостовѣрнымъ“...

„Каждый памятникъ онъ подвергаетъ критикѣ, и критикѣ всегда удачной; такъ, превосходно разобрано «Житіе Константина Муромскаго», «Дѣяніе собора на Мартина Армянина». Въ лѣтописяхъ онъ также нерѣдко указываетъ на ихъ составныя части: такъ, въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» онъ очень основательно подмѣтилъ одно чисто новгородское сказаніе; помощью приписки на Остромировомъ Евангеліи возстановилъ одинъ годъ въ лѣтописи; указываетъ въ Кіевской лѣтописи одно извѣстіе, записанное, вѣроятно, въ Черниговѣ и т. д. Не довольствуясь нашими бібліотеками и архивами, ищетъ возможности получать нужные для него документы и изъ архивовъ заграничныхъ: такъ, изъ Кенигсбергскаго архива ему доставляется много интересныхъ

бумагъ, между прочимъ—грамоты галицкихъ князей, о которыхъ только изъ этихъ грамотъ и можно было получить нѣкоторыя свѣдѣнія; такъ, черезъ Муравьева ищетъ онъ возможности добыть переписку папъ изъ Ватиканскаго архива и т. д.—Памятники вещественные интересуютъ его такъ же, какъ и памятники письменные: онъ собираетъ всѣ извѣстія о святыняхъ, хранимой въ ризницахъ, о раскопкахъ, кладахъ, зданіяхъ—словомъ, обо всемъ, что сохранилось отъ жизни нашихъ предковъ. Имъ помѣщены рисунки буквъ Десятинной церкви, изображеніе стариннаго рубля, буквы зырянской азбуки Стефана Пермскаго. Когда въ наличныхъ источникахъ онъ не находитъ требуемыхъ свѣдѣній, то вступаетъ въ переписку съ мѣстными жителями, и получаетъ нужное свѣдѣніе на мѣстѣ.—Все, что возбуждаетъ какой-либо вопросъ касательно древностей, не остается у Карамзина безъ изслѣдованія: какая-нибудь сомнительная дата, генеалогія того или другого князя, банное строеніе, старинный русскій счетъ, вѣсы и монеты, и т. д., и т. д. Всѣ чужія мнѣнія тщательно разсматриваются и провѣряются. Изслѣдованія Карамзина обыкновенно чрезвычайно точны и могутъ опровергаться только столь же точными изслѣдованіями или новыми памятниками.—Словомъ, на пространствѣ времени до 1611 г. немного найдется вопросовъ, которые бы онъ не предвидѣлъ и на которые нельзя было бы найти у него рѣшенія, указанія или по крайней мѣрѣ намека. Кто самъ работалъ, тотъ пойметъ, сколько трудовъ нужно было употребить, чтобы собрать такую массу свѣдѣній; тому покажется страннымъ только одно: какъ успѣлъ собрать все это Карамзинъ въ 22 года, если еще припомнимъ притомъ, что въ послѣднее время онъ уже старѣлъ и былъ часто боленъ, и что наконецъ самое изложеніе требовало много времени; много времени уходило на соображенія. Этою-то своею стороною «Исторія» Карамзина особенно сильна и въ наше время: можно утверждать, что онъ не такъ изобразилъ ту или другую эпоху, то или другое лицо—и быть правымъ; но отвергать въ немъ великаго ученаго, утверждать, что онъ былъ только литераторъ, нельзя. Сюда, въ эти примѣчанія, долженъ ходить учиться каждый занимающійся русскою исторіею, и каждому будетъ чему тутъ поучиться.“

Отъ взгляда Погодина и Бестужева-Рюмина значительно отличается взглядъ Милюкова¹⁶⁴). „Конечно,“—говоритъ этотъ критикъ въ возраженіе двумъ только что упомянутымъ историкамъ:— „занятіе лѣтописями не представляло во времена Карамзина такихъ удобствъ, какъ теперь, когда мы имѣемъ изданія архео-

графической комиссіи. Но все же къ его времени было не мало списковъ. Изъ 21-го списка, которыми пользовался Шлецеръ для своего «Нестора», только 9 было рукописныхъ. Татищеву, дѣйствительно, пришлось работать тогда, когда ни одинъ списокъ не былъ еще напечатанъ; при тѣхъ же условіяхъ и Щербатовъ началъ составленіе своей исторіи, такъ какъ изданіе лѣтописей началось не раньше 1767 г. Невѣрно и то, что изданными въ XVIII в. лѣтописями нельзя было пользоваться. Изданіе Радзивиловскаго списка, приводимое обыкновенно въ примѣръ искаженія лѣтописей ихъ издателями, прежде всего, было не такъ худо, какъ это утверждаютъ со словъ Шлецера. Во всякомъ случаѣ это и единственный примѣръ... Итакъ, по отношенію къ пользованію лѣтописями Карамзинъ имѣлъ огромное преимущество передъ своими предшественниками. Онъ не только имѣлъ въ своемъ распоряженіи печатныя изданія лѣтописей, но могъ воспользоваться и тою предварительною разработкой лѣтописнаго матеріала, какую нашель у своихъ предшественниковъ—Татищева и Щербатова: у него былъ въ рукахъ и комментированный сводъ лѣтописныхъ извѣстій и основанное на нихъ историческое изложеніе. Что касается актовъ и статейныхъ списковъ,—не только они не лежали безъ употребленія въ архивахъ, но имѣлась уже цѣлая исторія (Щербатова), по нимъ составленная; имѣлись и изданія нѣкоторой части ихъ въ подлинникѣ—въ приложеніяхъ къ исторіи Щербатова, въ «Вивлюэикѣ», а къ концу составленія Карамзинской исторіи—и въ Румянцевскомъ собраніи грамотъ и договоровъ. Конечно, это не освобождало отъ обязанности еще разъ пересмотрѣть рукописные подлинники и столбцы архива иностранной коллегіи; но перечитывать ихъ, имѣя подъ руками подробное изложеніе и получая весь матеріалъ къ себѣ на домъ,—было, конечно, гораздо легче, чѣмъ впервые доискиваться этого матеріала и приводить его въ извѣстность во время самой работы, какъ приходилось дѣлать Щербатову. Наконецъ иностранные источники и изслѣдованія о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи были, какъ мы знаемъ, не только приняты во вниманіе, но и напечатаны въ извлеченіяхъ Татищевымъ. Предшественники Карамзина не имѣли только подъ руками такой вспомогательной работы, какую получилъ исторіографъ въ *Memoriae rorilogum* Стриттера; они не могли имѣть также и тѣхъ новыхъ данныхъ, которыми обогатила древнѣйшую нашу исторію дѣятельность Румянцевскаго кружка. Средневѣковыя путешествія и сказанія иностранцевъ также уже Щербатовымъ были употреблены

въ дѣло съ такою полнотою, сравнительно съ которой «Исторія государства Россійскаго» представила немного новаго. Что касается специальной иностранной литературы о Россіи, то она только и появляться начала во второй половинѣ XVIII в. и, конечно, своевременно становилась извѣстна русскимъ специалистамъ... Остается замѣчаніе о неразработанности вспомогательныхъ наукъ ко времени Карамзина. Съ нимъ нельзя не согласиться, но нельзя не прибавить также, что рѣзкой перемены въ состояніи этихъ наукъ мы не видимъ и много времени спустя послѣ Карамзина; множество цѣнныхъ замѣтокъ по всѣмъ этимъ наукамъ разсыяно въ примѣчанія Карамзина—и все-таки родоначальникомъ русской исторической географіи мы должны считать Байера и Татищева, родоначальникомъ русской генеалогіи—Миллера и Щербатова; другія же вспомогательныя науки и до и послѣ Карамзина, нѣкоторыя даже до нашего времени остаются въ зачаточномъ состояніи¹⁶⁵).

Всѣми этими данными Милюковъ имѣетъ въ виду указать, что оцѣнка Карамзинской работы, какъ „труда исполинскаго“, есть оцѣнка невѣрная, а по отношенію къ предшественникамъ Карамзина—несправедливая, и извѣстная часть изъ того новаго, что приписывается автору „Исторіи государства Россійскаго“, должна быть засчитана за предыдущими историками, и въ особенности за Щербатовымъ, который, по словамъ критика, „былъ для Карамзина основнымъ источникомъ свѣдѣній по русской исторіи“. „Въ первомъ томѣ вліяніе Щербатова ступшевывается, въ виду богатства специальной литературы; но тѣмъ яснѣе выступаетъ это вліяніе, по мѣрѣ оскудѣнія исторической литературы, въ слѣдующихъ томахъ «Исторіи»... Конечно, Карамзинъ самостоятельно изучаетъ свои источники, но и тутъ Щербатовъ указываетъ ему, гдѣ, когда и что надо изучать. Княжескіе договоры и завѣщанія, присоединяющіеся къ лѣтописямъ съ половины XIII в., статейные списки посольствъ, присоединяющіеся съ конца XV в., иностранцы, начиная съ Плано Карпини и кончая Мартиномъ Беромъ,—всѣ эти источники уже разставлены по мѣстамъ и употреблены въ дѣло Щербатовымъ. Но не только въ указаніяхъ на источники помогаетъ Карамзину Щербатовъ: еще сильнѣе обнаруживается его вліяніе въ самомъ разсказѣ. Часто порядокъ изложенія Щербатова принимается и Карамзинымъ; еще чаще Карамзинъ принимаетъ отдѣльныя толкованія и предположенія Щербатова, его поправки и объясненія какихъ-нибудь генеалогій или недостающихъ событій. Разумѣется, нерѣдко встрѣ-

чаемъ и поправки Карамзинымъ Щербатова. Степень вліянія Щербатовскаго разсказа на Карамзинскій, конечно, вполне можетъ быть выяснена только разборомъ цѣлыхъ частей «Исторіи государства Россійскаго», какой и сдѣланъ въ статьяхъ Соловьева. Но и статьи эти не могутъ еще дать полнаго впечатлѣнія о характерѣ вліянія Щербатова: нужно самому сличить страница за страницей эти параллельныя изложенія, чтобы почувствовать, какъ повсюду, въ началѣ, въ серединѣ, въ концѣ сочиненія, на каждой страницѣ Карамзинъ имѣетъ въ виду Щербатова. Видно, что томъ Щербатовской исторіи всегда лежалъ на письменномъ столѣ исторіографа и давалъ ему постоянно готовую нить для разсказа и тему для разсужденія; и часто Карамзину оставалось только передѣлать ссылку и сдѣлать соответственную выписку изъ источника. Въ результатѣ пересказа и передѣлки тяжеловѣсныя, неуклюжія фразы Щербатова превращаются въ блестящія, закругленные и отточенные періоды Карамзина“¹⁶⁶).

Затѣмъ Милюковъ приводитъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ Карамзина и Щербатова. Вотъ одно изъ нихъ:

Щербатовъ, т. III, стр. 355.

Тогда какъ таковыя дѣла въ областяхъ новгородскихъ происходили, князь Александръ (Михайловичъ) пребывалъ въ Твери, гдѣ вскорѣ новыя ему огорченія отъ неудовольствія на него тверскихъ бояръ учинились, которые и отъѣхали отъ него въ Москву къ великому князю Іоанну (Калитѣ). Лѣтописатели наши нимало не повѣствуютъ о причинахъ сего неудовольствія, и трудно, безъ всякихъ знаковъ поступка сего князя,—его ли оправдать, или бояръ обвинить. Тако не въ утвержденіе, но токмо яко догадку, нужную для связи дѣяній и проницанія тайныхъ причинъ дѣлъ, осмѣлюсь предложить, что долговременное пребываніе князя Александра во Псковѣ и оказуемая къ нему вѣрность отъ псковитянъ, можетъ быть, склонила его и по пріѣздѣ въ Тверь взять многихъ псковскихъ бояръ съ собою и правленіе имъ препоручить; яко и точно обрѣтаемъ, что онъ учинилъ съ пріѣзжимъ къ нему нѣмцемъ Додемъ, который бояриномъ въ Твери былъ..., а не легко есть сыновьямъ отечества зрѣть пришлецовъ мѣста ихъ въ правленіи занимать, что, можетъ статья, и огорчило бояръ тверскихъ: ибо точно помянуто, что тверскіе бояре отъ него отъѣхали. Самый сей отъѣздъ боярскій требуетъ изъясненія, какимъ образомъ они могли покинуть своего природнаго князя и отъѣхать къ другому: хотя въ лѣтописцахъ и не обрѣтается изъясненія о семъ, но мнѣ, что съ основаніемъ могу приложить ко изъясненію сего найденное о правѣ бояръ въ грамотѣ духовной великаго князя Іоанна Даниловича, что тогда князья давали земли и помѣстья своимъ служителямъ, за которыя они обязаны были имъ служить; оставляя же сіи помѣстья, обязанность оставляли. Рѣдко кто въ неудовольствіи своемъ можетъ въ границахъ умѣренности остаться; тако и сіи бояре...

чаятельно не оставили усугубить причинъ, которыя ихъ понудили оставить Тверь, а, можетъ статья, дабы выслужиться передъ великимъ княземъ, сказывали на князя Александра что противное князю Иоанну Даниловичу; по крайней мѣрѣ изъ послѣдующаго его поступка то можно заключить.

Карамзинъ, т. IV, стр. 235.

Въ сіе время многіе бояре тверскіе, недовольные своимъ государемъ, переѣхали въ Москву съ семействами и слугами, что было тогда не безчестною измѣной, но дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу князя великаго или удѣльнаго, бояринъ всегда могъ оставить оную, возвративъ ему земли и села, отъ него полученныя. Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые вельможи завидовали: на примѣръ, мы знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ двора его. Сіе могло быть достаточнымъ побужденіемъ для тверскихъ бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они, безъ сомнѣнія, не старались успокоить великаго князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйствительныхъ замысловъ несчастнаго Александра Михайловича.

Въ этой помощи Карамзину со стороны Щербатова Милюковъ видитъ главную причину сравнительной быстроты созданія „Исторіи государства Россійскаго“.

Стремясь доказать, что работа исторіографа не была „египетской“, какъ назвалъ ее Погодинъ, и что многое приписываемое ему, какъ *новое*, не было *новымъ*,—Милюковъ тѣмъ не менѣе признаетъ и большія заслуги Карамзина, какъ ученаго, и очень высоко цѣнитъ его *примѣчанія*. Онъ говоритъ:

„Надо отдать справедливость исторіографу: онъ усердно хлопоталъ о подборѣ новыхъ историческихъ матеріаловъ, въ значительной степени обновилъ фактическое обоснованіе разсказа и надолго сдѣлалъ свою «Исторію» необходимою для всякаго изслѣдователя хрестоматіей источниковъ русской исторіи. Особенно чувствуются эти преимущества «Примѣчаній» при сравненіи ихъ съ тѣмъ самымъ сочиненіемъ, которому Карамзинъ такъ много обязанъ былъ при составленіи текста: съ исторіей Щербатова. Не говоримъ уже о томъ, что вся иностранная литература, относящаяся къ началу русской исторіи, является у Карамзина совершенно обновленной: мы замѣтили раньше, что эта литература, сколько-нибудь компетентная, только и появляется со второй половины XVIII вѣка; и мы знаемъ также, какъ облегчено было Карамзину знакомство и съ литературой и съ источниками русскихъ *origines*. Но далѣе—первые шаги въ области фактическаго разсказа должны были быть сдѣланы на основаніи русскихъ лѣто-

писныхъ источниковъ. Щербатовъ основалъ свое изложеніе болѣе, чѣмъ на тридцати спискахъ лѣтописей, добрая половина которыхъ была имъ заимствована изъ Патріаршей (Синодальной) и Типографской библіотекъ въ Москвѣ, а около четверти нашлось въ его собственной библіотекѣ. Изъ всего этого множества списковъ наиболѣе надежными были, однакоже, только два... Но, кромѣ этихъ двухъ списковъ, Карамзину удалось найти два лучшихъ списка Суздальскаго свода (Лаврентьевскій и Троицкій) и два списка южной лѣтописи, ранѣе извѣстной только по началу: Ипатьевскій и Хлѣбниковскій“.

„Большая часть лѣтописей Щербатова послѣ находокъ Карамзина окончательно потеряла значеніе для древнѣйшаго періода: ссылки на синодальные и типографскіе списки съ полнымъ основаніемъ могли быть замѣнены обширными выписками изъ вновь открытыхъ текстовъ, представлявшихъ крупную ученую новинку. Но для позднѣйшаго времени и второстепенные списки были важны. Рукописи, употребленныя въ дѣло Щербатовымъ, ко времени Карамзина были сосредоточены въ Синодальной библіотекѣ. Туда и обратился Карамзинъ за своими поисками: не знаемъ, все ли онъ нашелъ, чѣмъ пользовался Щербатовъ, но, несомнѣнно, онъ впервые наткнулся въ синодальномъ книгохранилищѣ на множество первостепенныхъ по важности матеріаловъ, о существованіи которыхъ Щербатовъ не имѣлъ никакого понятія. Такъ, Карамзинъ первый воспользовался синодальною рукописью Кормчей книги (XIII столѣтія), изъ которой извлекъ такіе важные памятники, какъ церковный уставъ Владимира Святого («подложный», по мнѣнію Карамзина), уставъ новгородскаго князя Святослава 1137 г., древнѣйшій списокъ Русской Правды, вопросы Кирика Нифонту, правила митроп. Іоанна и Кирилла. Не меньшую услугу, чѣмъ Синодальная библіотека, оказало Карамзину собраніе рукописей Мусина-Пушкина“... (Тоже были сдѣланы Карамзинымъ важныя находки).

„Послѣ татарскаго нашествія характеръ источниковъ русской исторіи нѣсколько мѣняется. Лѣтописи, конечно, продолжаютъ оставаться основнымъ источникомъ вплоть до княженія Ивана III; и составъ лѣтописнаго матеріала какъ у Щербатова, такъ и у Карамзина остается прежній. Но рядомъ съ лѣтописями появляются грамоты. Щербатовъ воспользовался, какъ мы знаемъ, тѣми важнѣйшими изъ грамотъ, которыя хранились въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; къ нимъ онъ присоединилъ нѣсколько ханскихъ ярлыковъ, найденныхъ имъ въ

одной рукописи Синодальной библиотеки. Карамзинъ засталъ всѣ эти документы уже напечатанными; тѣмъ не менѣе изъ нихъ какъ и изъ печатныхъ лѣтописей, онъ дѣлаетъ выписки, а иногда и сообщаетъ полный текстъ, особенно если ему удалось найти новый списокъ документа (напр. ярлыкъ Узбека и др.). Но и здѣсь къ наличному матеріалу Карамзинъ дѣлаетъ весьма существенныя добавленія. Отъ Мусина-Пушкина онъ получаетъ драгоценное собраніе Двинскихъ грамотъ... Но, кромѣ этихъ прежнихъ источниковъ своихъ находокъ, Карамзинъ отыскиваетъ и новые. Цѣлый рядъ важнѣйшихъ документовъ онъ получаетъ изъ Кенигсбергскаго архива... Публичная библиотека, Волоколамскій монастырь и нѣкоторыя другія учрежденія и лица также доставляютъ не мало интересныхъ документовъ“.

Далѣе авторъ статьи говоритъ, что и иностранная литература въ этихъ томахъ „Ист. гос. Росс.“ тоже значительно обновлена и дополнена: Карамзинъ пользуется Нарушевичемъ, Кадлубкомъ, Богуфаломъ, Длугошемъ и др., которыхъ Щербатовъ не зналъ.

Въ третій разъ измѣняется составъ историческихъ источниковъ со времени Ивана III—и Карамзинъ снова обладаетъ многимъ, чего не было у Щербатова, напр. *Судебникомъ* Ивана III и изданіями иностранныхъ сказаній о Россіи—Герберштейна, Павла Ювія, Гваньини, Одерборна, Контарини.

„За время царствованія Ивана Грознаго основнымъ источникомъ продолжаютъ оставаться грамоты и статейные списки архива иностранной коллегіи. Карамзинъ присоединяетъ къ нимъ, попрежнему, документы, полученные изъ Кенигсбергскаго архива; кромѣ того, онъ пользуется выписками изъ Ватиканскаго архива, сдѣланными Альбертранди; канцлеръ Румянцевъ снабжаетъ его также нѣкоторыми актами Мекленбургскаго архива и Британскаго музея. Къ извѣстной уже Щербатову перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ исторіографъ присоединяетъ знаменитые «синодики» Грознаго и его письмо въ Бѣлозерскій монастырь“. Онъ пользуется многими не бывшими въ рукахъ Щербатова лѣтописями и хронографами, а „исторія завоеванія Сибири, изложенная у Щербатова по Миллеру и Фишеру, получаетъ у Карамзина новое освѣщеніе съ помощью неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ лѣтописей—Саввы Есипова, Ремезова и Тобольской. По обыкновенію, вновь появляются въ «Исторіи государства Россійскаго» памятники, важные для церковной исторіи: *Стоглавъ*, свѣдѣнія о соборѣ 1554 г. противъ московскихъ еретиковъ и др. Наконецъ, и въ этомъ отдѣлѣ впервые входятъ въ ученый оборотъ сказанія иностран-

цевъ. Щербатовъ въ своемъ пятомъ томѣ знаетъ только сборникъ «Гаклюйта» въ французскомъ переводѣ и сообщаетъ оттуда одну грамоту царя Ивана Васильевича къ Эдуарду VI. Карамзинъ пользуется оригинальнымъ изданіемъ Гаклюйта и извлекаетъ оттуда свѣдѣнія о Ченслерѣ, Баусѣ, Ленѣ, Дженкинсонѣ. Помимо Гаклюйтовскаго собранія Щербатову извѣстны одни «Комментаріи» Поссевина; Карамзинъ присоединяетъ, кромѣ Бреденбаха, Таубе и Крузе, тогда еще не изданныхъ и полученныхъ имъ въ 1811 г. въ рукописи изъ Кенигсбергскаго архива—Гейденштейна, Пернштейна (Кобенцеля), Ульфельда, Горсея, Маржерета и Петрея“.

„Обращаемся къ исторіи Россіи со времени Ѳедора Ивановича до междуцарствія, на которомъ остановились оба историка. Матеріаль, заимствованный изъ дипломатическихъ документовъ, опять одинаковъ у того и другого. Главныя лѣтописи смутнаго времени—«Новый лѣтописецъ», «Лѣтопись о мятежахъ», Палицынъ, нѣкоторые хронографы—уже извѣстны Щербатову. Карамзинъ дополняетъ ихъ нѣсколькими повѣстями, нѣсколькими любопытными списками хронографа, такъ называемою рукописью Филарета. Важнымъ пособіемъ для исторіи этого періода былъ для Щербатова «Опытъ новѣйшей исторіи» Миллера... Руководимый Миллеромъ, Щербатовъ начинаетъ шире пользоваться иностранцами, чѣмъ мы это видѣли ранѣе. Переносъ въ свою «Исторію» иногда цѣлыя страницы Миллеровскаго труда, онъ передаетъ и его цитаты. Нѣкоторыми изъ нихъ онъ заинтересовывается и достаетъ самыя цитированныя сочиненія. Такимъ образомъ Щербатовъ пользуется въ VII томѣ Маржеретомъ, Страленбергомъ, Де-Ту, книжкой, подъ заглавіемъ: «Relation curieuse de l'état présent de la Russie». Однако Карамзинъ и здѣсь далеко превосходитъ его знакомствомъ съ иностранцами. Кромѣ названныхъ выше, онъ знаетъ еще Бера, полученнаго имъ отъ Румянцева, Горсея, Шиля, Мильтона, Паерле, Маскѣвича и др.; значительный польскій матеріаль даютъ ему изданія Нарушевича и Нѣмцевича, а также выписки Альбертранди (дневники Олесницкаго и Гонсѣвскаго, описаніе событій 1604—9 неизвѣстнаго автора)“.¹⁶⁷⁾

Сопоставленіе этихъ мнѣній—Погодина, Бестужева-Рюмина и Милюкова—приводитъ къ слѣдующему выводу: если на работу Карамзина и нельзя смотрѣть, какъ на „египетскую“, какъ на „подвигъ геркулесовскій“; если мы должны помнить, что онъ имѣлъ уже много потрудившихся предшественниковъ, изъ кото-

рыхъ Щербатовъ преимущественно облегчалъ его трудъ и служилъ ему путеводною нитью,—то и такое ограниченіе все-таки не мѣшаетъ считать работу исторіографа очень значительной и въ высокой степени плодотворной: онъ не только пересмотрѣлъ уже прежде извѣстные источники, но и привлекъ къ дѣлу массу новаго историческаго матеріала, которымъ до Карамзина у насъ не пользовались, и этой работой своей облегчилъ въ свою очередь труды послѣдующихъ историковъ, и не только облегчилъ, но, благодаря „Примѣчаніямъ“, надолго сдѣлалъ свою „Исторію“, какъ говоритъ Милюковъ, *необходимою для всякаго изслѣдователя хрестоматіей источниковъ.*

Далѣе: имѣя въ виду написать лишь историко-литературное произведеніе, Карамзинъ все-таки написалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сочиненіе научное. Характеръ научности за трудомъ Карамзина признаютъ и отрицательные его критики.

Выводъ, что въ авторѣ „Исторіи государства Россійскаго“ совмѣщается литераторъ и ученый, находится въ согласіи и со взглядомъ самого Карамзина на исторію, высказаннымъ имъ въ „Предисловіи“ къ своему труду. Главнѣйшее изъ того, что имъ тутъ высказано, сводится къ слѣдующему:

1) Карамзинъ смотритъ на исторію прежде всего, какъ на *художественное воспроизведеніе прошлаго.* Исторія, по словамъ его, отверзаетъ гробы, поднимаетъ мертвыхъ, влагаетъ имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидаетъ царства и представляетъ воображенію рядъ вѣковъ, съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣянiями...; *ея творческою* силою мы живемъ съ людьми всѣхъ вѣковъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ. Такое *живое, художественное* воспроизведеніе прошлаго Карамзинъ считалъ *долгомъ* историка.

2) Задачею художественнаго воспроизведенія прошлаго, по мнѣнію Карамзина, должна быть польза *моральная* и *практическая.* Моральная польза исторіи заключается въ ея воспитательномъ вліяніи. Исторія, говоритъ Карамзинъ, „питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости“. Отечественная же исторія, сверхъ того, питаетъ и чувство патріотизма. Практическая польза исторіи заключается въ томъ руководствѣ, которымъ она можетъ, какъ думалъ Карамзинъ, служить въ дѣлахъ государственныхъ. Онъ полагалъ, что политическіе опыты предъидущихъ поколѣній должны служить урокомъ для послѣдующихъ, и называетъ исторію „завѣтомъ

предковъ къ потомству“, „изъясненіемъ настоящаго и примѣромъ будущаго“.

Указанными до сихъ поръ сторонами взгляда на исторію Карамзинъ сходится еще съ древними историками Греціи и Рима, которые также смотрѣли на исторію, какъ на художественное воспроизведеніе прошлаго, съ цѣлію возбудить нравственное, или эстетическое, или патріотическое чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дать людямъ возможность пользоваться опытомъ прошедшихъ поколѣній. Такая точка зрѣнія обличаетъ гораздо болѣе художника, чѣмъ ученаго. Но для греческихъ и римскихъ писателей исторія и была болѣе искусствомъ, нежели наукою: они даже позволяли себѣ выдумывать рѣчи и влагать ихъ въ уста историческихъ лицъ. Карамзинъ же жилъ въ иную эпоху: ему уже было извѣстно и требованіе отъ исторіи достовѣрности. И исторіографъ нашъ заявляетъ, что исторія, будучи художественнымъ воспроизведеніемъ прошлаго, должна быть въ то же время *совершенно чужда вымысла и основана на историческихъ документахъ, разсмотрѣнныхъ критически*. „Нельзя“—говоритъ онъ— „прибавить ни одной черты къ извѣстному“; „историкъ обязанъ представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ и архивахъ“; „здравый вкусъ навсегда отлучилъ дѣписаніе отъ поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зеркаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ исторію“.

Такимъ образомъ, сохраняя художественную точку зрѣнія на исторію, Карамзинъ смотрѣлъ на нее въ то же время и съ точки зрѣнія научной.

Въ какой мѣрѣ въ трудѣ Карамзина художникъ и ученый мирятся—это другой вопросъ; но во всякомъ случаѣ высказанный въ „Предисловіи“ взглядъ на исторію гораздо строже взгляда автора „Писемъ русскаго путешественника“, хотя и говорившаго, что хорошая исторія должна писаться не только съ философскимъ умомъ и благороднымъ краснорѣчіемъ, но и съ *критикою*, однако въ то же время допускавшаго возможность такого обращенія съ историческими фактами, которое характеризуется словами: *выбрать, одушевить* и даже — *раскрасить*. — Большая серьезность взгляда выразилась и въ томъ обстоятельстве, что Карамзинъ въ своемъ трудѣ остановился на междоусобіяхъ нашихъ древнихъ князей гораздо подробнѣе, нежели полагалъ это нужнымъ, когда рассуждалъ о русской исторіи въ извѣстномъ парижскомъ письмѣ своемъ.

Изъ сказаннаго въ этой главѣ слѣдуетъ, что „Исторію государства Россійскаго“ надо разсматривать и какъ произведеніе литературное и какъ сочиненіе научное.

2. «Исторія государства Россійскаго», какъ литературное произведеніе.

Какъ литературное произведеніе, „Исторія государства Россійскаго“ получила очень мѣткое названіе „величественной поэмы, воспѣвающей государство“. Такъ назвалъ ее историкъ Соловьевъ не только потому, что въ трудѣ своемъ Карамзинъ занялъ преимущественно государственнымъ развитіемъ Россіи, но главнымъ образомъ потому, что въ основу его „Исторіи“ положена чисто государственная идея: идея о величій Россіи, основанномъ на самодержавіи, которое и признается кореннымъ началомъ русской государственности. Вся „Исторія“ Карамзина есть не что иное, какъ рассказъ о томъ, какъ подготовлялось, а затѣмъ развивалось и укрѣплялось это коренное начало. Россія, рожденная *единовластіемъ*, была уже при Владимирѣ и Ярославѣ I великой и сильной державой. Удѣльная система установила *разновластіе*, которое вмѣстѣ съ междоусобными войнами ниспровергло это величіе. Затѣмъ нѣкоторые князья начинаютъ мало-помалу *собирать Русь* и стремиться къ *единовластію*. Наконецъ является Іоаннъ III— и съ нимъ устанавливается *самодержавіе*, и съ этого времени подъ сѣнію самодержавной власти все болѣе и болѣе растетъ величіе Россіи.

Милюковъ говоритъ, что такое пониманіе смысла русской исторіи, т.-е. объясненіе ея хода изъ личныхъ пріемовъ княжеской политики, Карамзинъ унаслѣдовалъ отъ русскихъ историковъ XVIII вѣка ¹⁶⁸). Соловьевъ же иначе объясняетъ происхожденіе „величественной поэмы“ Карамзина. Онъ говоритъ, что исторіографа одинаково могли привести къ ней два пути: русско-славянское чувство и изученіе нашего прошедшаго. „Мысль русскаго челоуѣка, мысль славянина“—говоритъ Соловьевъ—„должна была остановиться прежде всего на томъ явленіи, что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ народъ русскій одинъ образовалъ государство, не только не утратившее своей самостоятельности, какъ другія, но громадное, могущественное, съ рѣшительнымъ вліяніемъ на историческія судьбы міра“ ¹⁶⁹). Исторія государства Россійскаго и есть отраженіе этого „сознанія единственнаго славянскаго государства, полноправнаго, пользующагося главными благами историческаго существованія: самостоятельностью и великимъ значеніемъ среди другихъ государствъ“. Далѣе Соловьевъ объясняетъ,

акъ къ тому же выводу Карамзинъ пришелъ и научнымъ путемъ. Когда вскрылись (передъ Карамзинымъ)—говоритъ онъ—памятники древности, то глазамъ историка предстала эта медленная и великая работа вѣковъ надъ государственнымъ зданіемъ, и поувествовалъ онъ благоговѣйное уваженіе къ этой работѣ и ея лѣдствіямъ“.

Впрочемъ оба объясненія—и Милюкова и Соловьева—могутъ быть легко соглашены: Карамзинъ, уже раньше расположенный къ самодержавію, могъ усвоить взглядъ предшествовавшихъ ему историковъ, но затѣмъ во время собственнаго изученія нашей исторіи могъ увидѣть оправданіе этому взгляду—и такимъ образомъ закрѣпилъ его за собою окончательно.

Тутъ укажемъ кстати, что изъ этого „благоговѣйнаго уваженія Карамзина къ вѣковой работѣ надъ государственнымъ зданіемъ“ Соловьевъ объясняетъ и его отношеніе къ возникшему при императорѣ Александрѣ вопросу о формѣ правленія, и его Мнѣніе русскаго гражданина“. Поспѣшность движенія—толкуетъ Соловьевъ—„явилась для него столь же незаконною, какъ и отсутствіе движенія: хотѣтъ лишняго и не хотѣтъ нужнаго равно вредосудительно, говорилъ онъ. И во имя исторіи заявилъ онъ протестъ противъ движеній перваго десятилѣтія XIX вѣка, бывшихъ въ его глазахъ слишкомъ быстрыми, не истекавшими изъ существенныхъ потребностей страны. Къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно, говорилъ онъ; Россія уществуетъ около тысячи лѣтъ, и не въ образѣ дикой орды, а въ видѣ государства великаго, а намъ все твердятъ о новыхъ ставахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ американскихъ. Воспитанникъ Екатерининскаго вѣка твердилъ людямъ, склоннымъ къ внѣшнимъ преобразованіямъ, что не формы, а люди нужны“.

„Чѣмъ болѣе историкъ вглядывался въ постепенное образованіе великаго государственнаго тѣла Россіи, чѣмъ болѣе внималъ онъ, какъ присоединялись кость къ кости и суставъ къ уставу, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ величіе дѣла собиранія Русской земли, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ единство русскаго народа: отъ почему такъ сильно заволновался историкъ и заявилъ горячій протестъ во имя русской исторіи и во имя Екатерины II, когда явилась мысль о возможности урѣзать живое тѣло Россіи; одобно древнимъ русскимъ дѣятелямъ, не потерпѣлъ историкъ, тобы разносили розно Русскую землю, и въ народномъ русскомъ оминаньи о Карамзинѣ напишется то же, что писалось въ лѣто-

писяхъ о людяхъ, знаменитыхъ обороной родной страны: Онъ постоялъ на сторожѣ Русской земли“.

Какъ художественная поэма, въ которой всѣ части объединены одной основной идеей, „Исторія гос. Россійскаго“ имѣетъ и своихъ героевъ. Ими являются тѣ князья, которые содѣйствовали возвеличенію Россіи — сперва только подготовленіемъ, а затѣмъ и утвержденіемъ въ ней самодержавія. Однимъ изъ первыхъ такихъ героевъ былъ Ярославъ Великій, который „сдѣлался монархомъ всей Россіи и началъ властвовать отъ береговъ моря Балтійскаго до Азіи, Венгріи и Дакии“. Но онъ же былъ и виновникомъ начавшагося послѣ него ослабленія Русской земли: онъ „ожидалъ только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть государство бѣдствіямъ удѣльнаго правленія... Какъ скоро большому сыну его, Владимиру, исполнилось 16 лѣтъ, великій князь отправился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здравая политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствию слѣпой любви родительской, которое обратилось въ несчастное обыкновеніе“¹⁷⁰).

За Ярославомъ выдвигается Андрей Боголюбскій. Онъ, „мужественный, трезвый и прозванный за его умъ *вторымъ Соломономъ*“, былъ, конечно, однимъ изъ мудрѣйшихъ князей русскіихъ въ разсужденіи политики, или той науки, которая утверждаетъ могущество государственное. Онъ явно стремился къ спасительному единовластію“¹⁷¹). Далѣе слѣдуетъ Всеволодъ III, который „хотя не могъ назваться самодержавнымъ государемъ Россіи, однакожъ, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни единовластія“¹⁷²). За нимъ выступаетъ уже крупный герой, *собиратель земли Русской* — Іоаннъ Калита, со времени котораго Москва „сдѣлалась истинною главою Россіи“. „Благоразумный Іоаннъ, видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости князей, съ самаго восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ князьями древнихъ удѣловъ Владимирскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ“¹⁷³). Онъ кончилъ жизнь, „указавъ наслѣдникамъ путь къ единовластію и къ величію“¹⁷⁴).

Но для достиженія величія надо еще было свергнуть татарское иго. Ослаблять его началъ уже Іоаннъ Калита. „Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ великаго княженія миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи; что моголы

перестали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомъ* и насилій долговременныхъ... Отечество наше сѣтовало въ уничиженіи; головы князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію хановъ: но земледѣльцы могли спокойно трудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, бояре наслаждаться избыткомъ; кони татарскіе уже не топтали младенцевъ, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоценна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славятъ Бога за оное“ ¹⁷⁵). Сынъ Калиты — Симеонъ — велъ политику отца: съ одной стороны, „строго повелѣвалъ князьями россійскими и заслужилъ имя *Гордаго*“, а съ другой — ласкалъ хановъ и тѣмъ уберегалъ отъ нихъ Россію ¹⁷⁶). Но „Калита и Симеонъ готовили свободу нашу болѣе умомъ, нежели силою: настало время обнажить мечъ“ ¹⁷⁷). Его обнажилъ Димитрій Донской на Куликовомъ полѣ. Однако, славя этого князя, какъ перваго побѣдителя татаръ, историкъ упрекаетъ его, какъ политика, за то, что онъ „имѣвъ случай присоединить Рязань и Тверь къ Москвѣ, не воспользовался онымъ“. ¹⁷⁸) Но вотъ явился наконецъ государь, который и утвердилъ самодержавіе и свергнулъ татарское иго. Государь этотъ — Іоаннъ III.

Переходя къ изложенію исторіи его царствованія, Карамзинъ оглядывается назадъ и говоритъ:

„Было время, когда Россія, рожденная, возвеличенная единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ европейскимъ державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной имперіи народами германскими; имѣя тотъ же характеръ, тѣ же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ варяжскими или нѣмецкими князьями, явилась въ новой политической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и съ важною выгодною быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной державы, не испроверженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго есть, безъ сомнѣнія, сіе счастливое для Россіи время... Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали россіянъ и въ успѣхахъ гражданского образованія... Съ половины XI вѣка состояніе Европы явно перемѣнялось въ лучшее; а Россія со времени Ярослава до самаго Батыя орошалась кровію и слезами народа. Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданского общества, непрестанно нарушались мечомъ и пламенемъ

княжескихъ междоусобій, такъ что въ XIII вѣкѣ мы уже отстали отъ державъ западныхъ въ государственномъ образованіи. — Нашествіе Батыево испровергло Россію... Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались, народъ освобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ; изобрѣтеніе компаса распространило мореплаваніе и торговлю; ремесленники, художники, ученые ободрялись правительствами; возникали университеты для высшихъ наукъ; разумъ пріучался къ созерцанію, къ правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирѣпость; дворянство уже стыдилось разбоевъ, и благородные витязи славились милосердіемъ къ слабымъ, великодушіемъ, честію; обходительность, людкость, учтивость сдѣлались извѣстны и любимы. Въ сіе же время Россія, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: намъ было не до просвѣщенія!... Отъ временъ Василя Ярославича до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій!) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство“... Съ Калиты государственный порядокъ измѣнился: не родилось еще, но уже рождалось самодержавіе. „Сія переменна, безъ сомнѣнія, непріятная для тогдашнихъ гражданъ и бояръ, оказалась величайшимъ благодѣяніемъ судьбы для Россіи. Удержавъ нѣкоторыя обыкновенія свободы, естественной только въ малыхъ областяхъ, предки наши не могли обуздывать ими воли государя единодержавнаго, каковъ былъ Владимиръ Святой или Ярославъ Великій, но пользовались оными во время раздробленія государства, и бореніе двухъ властей, княжеской съ народною, еще болѣе ослабляло силу его. Если Римъ спасался диктаторомъ въ случаѣ великихъ опасностей, то Россія, обширный трупъ послѣ нашествія Батыева, могла ли инымъ способомъ оживиться и воскреснуть въ величіи? Требовалось единой и тайной мысли для намѣренія, единой руки для исполненія: ни шумные сонмы народные ни медленныя думы аристократіи не произвели бы сего дѣйствія. Народъ и въ самомъ униженіи ободряется и совершаетъ великое, но служа только орудіемъ, движимый, одушевляемый силою правителей. Власть боярская производила у насъ *боярскія смуты*. Совѣтъ вельможъ иногда внушаетъ мудрость государю, но часто волнуется и страстями. Бояре не рѣдко питали междоусобіе князей російскихъ; не рѣдко даже судились съ ними въ Ордѣ, обнося ихъ предъ

ханами. Самодержавіе, искоренивъ сіи злоупотребленія, устранило важныя препятствія на пути Россіи къ независимости, и такимъ образомъ возникало вмѣстѣ съ единодержавіемъ до временъ Іоанна III, которому надлежало совершить то и другое“¹⁷⁹).

Такимъ образомъ самодержавіе, въ періодъ времени отъ Калиты до Іоанна III только возникавшее, при этомъ государѣ наконецъ возникло—и потому, какъ говоритъ Карамзинъ, начиная VI-ой томъ своего труда, „Отсель исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной“ — и описываетъ уже не „безсмысленныя драки княжескія, но дѣянія царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе“. Затѣмъ историкъ рисуетъ такую сжатую картину царствованія Іоанна III:

„Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще коснѣеть въ невѣжествѣ, въ грубости; но правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣщеннаго. Устраиваются лучшія воинства, призываются искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; посольства великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ дворамъ знаменитымъ; посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: императоръ, папа, короли, республики, цари азіатскіе привѣтствуютъ монарха російскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Литвы и Новгорода до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія; Италія даетъ первые плоды рождающихся въ ней художествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ содержаніе блестящей исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастье властвовать 43 года, и былъ достоинъ онаго, властвуя для величія и славы россиянь“.

Вслѣдъ за этими вступительными строками, уже дающими понять, какъ высоко ставилъ Карамзинъ Іоанна III, слѣдуетъ подробное изложеніе его царствованія, а затѣмъ—слѣдующая характеристика этого государя, съ предпосланнымъ ей очеркомъ состоянія тогдашней Европы и состоянія Россіи временъ до-Іоанновскихъ:

„Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ госу-

дарей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить надолго судьбу народовъ: онъ есть герой не только россійской, но и всемірной исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ метафизики, не дерзая опредѣлять вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого-нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго. Іоаннъ явился на театръ политическомъ въ то время, когда новая государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ государей возникала въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы феодальной или помѣстной. Власть королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія, свободная отъ ига мавровъ, сдѣлалась первостепенною державою. Португалія цвѣла, приобрѣтая богатства успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытіями. Раздѣленная Италія хвалилась по крайней мѣрѣ флотами, купечествомъ, искусствами, науками и тонкою политикою. Безпечность и равнодушіе императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германіи, волнуемой междоусобіями; но сынъ его, Максимилианъ, уже готовилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство императорское, униженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставить домъ Австрійскій на вышнюю степень величія. Венгрія, Богемія, Польша, управляемая тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну державу и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для христіанъ властолюбіе Баязета. Соединеніе трехъ государствъ сѣверныхъ, обѣщая имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій короля датскаго. Республика Швейцарская, основанная любовью къ вольности, безопасная въ оградѣ твердынь Альпійскихъ, но побуждаемая честолюбіемъ и корыстію, хотѣла славы участвовать въ распряхъ монарховъ сильнѣйшихъ, и заслуживала оную храбростію своихъ пастырей. Ганза—сей торговый и воинскій союзъ осьмидесяти пяти городовъ нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятный въ отношеніи къ древней Россіи—пользовалась всеобщимъ уваженіемъ государей и народовъ. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонскаго и Нѣмецкаго.—Кромѣ успѣховъ власти монархической и разумной политики, которая произвела сношенія между самыми отдаленными государствами—кромѣ лучшаго гражданскаго состоянія, если не всѣхъ, то по

крайней мѣрѣ многихъ державъ, вѣкъ Іоанновъ ознаменовался великими открытіями. Гуттенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе, которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и въ пользѣ изобрѣтенію буквъ. Колумбъ открылъ новый міръ, привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испытателей естества и для философа, который, видя тамъ челоѳчество въ состояніи дикой природы и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, исторіею Америки объяснилъ для себя всемірную. Драгоцѣнныя произведенія Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море Каспійское, путемъ многотруднымъ, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, художествами, скрывалась отъ европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницаемымъ, и темныя объ ней слухи рождали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкоторыхъ мореплавателей обойти Африку увѣнчались наконецъ совершеннымъ успѣхомъ, и Васко де-Гамо, оставивъ за собою мысъ Доброй Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Колумбъ Америку. Сіи два открытія, обогативъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленность, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу державъ. Политика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи государственныхъ договоровъ министры смотрѣли на географическіе чертежи, и вычисляли торговые прибитки, основывая на нихъ государственное могущество; родились новыя связи между народами; однимъ словомъ, началась новая эпоха, если не для мирнаго счастья людей, то по крайней мѣрѣ для ума, для силы правительствъ и для общественнаго духа государствъ благопріятная“.

„Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія князей московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамаю, но видѣлъ пепель столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Ви-

товту, и еще искалъ милости въ ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и, бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ удѣловъ подвергнулъ Великое Княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни, заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ“.

„Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ, и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри, и не боясь враговъ внѣшнихъ“...

„Внутри государства онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ,—но былъ и первымъ, истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя

права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владимира служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольныхъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное.... Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ *цѣлованія* монаршей руки въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ для россіянъ, которые *съ сего времени* начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго*, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ подобно своему внуку, Іоанну Василіевичу Второму, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти ко трону; что вельможи трепетали, и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ; всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго *приказа* веселить его и веселиться“...

„Исторія не есть похвальное слово, и не представляетъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Іоаннъ, какъ человекъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха ни Донского, но стоитъ, какъ государь, на вышней степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: оно не плѣняетъ насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій?—славу. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимирова, Ярославова погибла въ нашествіе

моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ сцѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ“.

Далѣе слѣдуетъ краткое сопоставленіе Іоанна III съ Петромъ Великимъ, заканчивающееся выраженіемъ той мысли, которая, какъ увидимъ, гораздо подробнѣе высказана въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“.

„Нѣмецкіе, шведскіе историки шестого-надесять вѣка согласно приписали ему (Іоанну III) имя Великаго; а нынѣшніе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба, безъ сомнѣнія, велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками: призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъяслять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, *не къ униженію* собственнаго народа. Не здѣсь, но въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества“.

Продолжателемъ Іоаннова дѣла былъ преемникъ его — Василій Іоанновичъ.

„Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи, подобно отцу, ревнителемъ самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшилъ важныя дѣла въ Совѣтѣ бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Іоанновыхъ; ихъ мнѣніемъ утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ монархической власти, но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастіемъ, болѣе опасною для враговъ хитростію; не унижилъ Россіи, даже возвеличилъ оную, и послѣ Іоанна еще казался достойнымъ самодержавія“¹⁸⁰).

Заканчивая изложеніе исторіи царствованія Василія Іоанновича, Карамзинъ останавливается на созданномъ московскими царями самодержавіи — и говоритъ:

„Ничто не удивляло такъ иноземцевъ, какъ самовластіе государя російскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. «Скажетъ — и сдѣлано», говоритъ баронъ Герберштейнъ: «жизнь, достояніе людей, мірскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависитъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ Божества: ибо русскіе увѣрены, что великій князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенное слово ихъ: *такъ угодно Богу и государю; въдаетъ Богъ и государь*. Усердіе сихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдого старца, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ, какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ текъ съ лица его. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: *ахъ, господинъ баронъ! мы служимъ государю не по-вашему!* Не знаю, свойство ли народа требовало для Россіи такихъ самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство». Безъ сомнѣнія, дали, чтобы Россія спаслась и была великою державою. Два государя, Іоаннъ и Василій, умѣли навѣки рѣшить судьбу нашего правленія и сдѣлать самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ государственнымъ, единственною основою цѣлости ея, силы, благоденствія. Сія неограниченная власть монарховъ казалась иноземцамъ *тираніею*: они въ легкомысленномъ сужденіи своемъ забывали, что *тиранія* есть только злоупотребленіе самодержавія, являясь и въ республикахъ, когда сильные граждане или сановники угѣсняютъ общество. Самодержавіе не есть отсутствіе законовъ: ибо гдѣ *обязанность*, тамъ и *законъ*: никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности монарховъ блюсти счастье народное“ ¹⁸¹).

Такъ писалъ Карамзинъ, готовясь перейти къ царствованію Грознаго, и писалъ такъ потому, что даже и это царствованіе не повліяло на взглядъ исторіографа на самодержавіе, какъ на единственную основу цѣлости Россіи, ея силы и благоденствія. Іоаннъ IV, какъ тиранъ, былъ, по взгляду историка, явленіемъ случайнымъ, исключительнымъ, и жестокія дѣла его были хотя тяжкимъ, но временнымъ зломъ, которое народъ забылъ въ послѣдствіи; дѣла же Іоанна, какъ правителя, „неуклонно слѣдовавшаго великимъ намѣреніямъ своего дѣда“ ¹⁸²), жили и живутъ вмѣстѣ съ Россіей. Карамзинъ говоритъ: „Добрая слава Іоаннова пережила его худую славу въ *народной памяти*: стенанія умолкли, жертвы истлѣли, и старыя преданія затмились новѣйшими: но имя Іоан-

ново блистало въ Судебникѣ и напоминало приобрѣтеніе трехъ царствъ могольскихъ; доказательства дѣлъ ужасныхъ лежали въ книгохранилищахъ, а народъ въ теченіе вѣковъ видѣлъ Казань, Астрахань, Сибирь, какъ живые монументы царя - завоевателя; чтить въ немъ знаменитаго виновника нашей государственной силы, нашего гражданскаго образованія; отвергнулъ или забылъ названіе *мучителя*, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой донинѣ именуеть его только *Грознымъ*, не различая внука съ дѣдомъ, такъ названнымъ древнею Россіею болѣе въ хвалу, нежели въ укоризну. Исторія злопамятнѣе народа!“¹⁸³⁾

Но хвала и современной Іоанну Россіи за то, что она вынесла грозу этого самодержца. Она „устояла съ любовью къ самодержавію, ибо вѣрила, что Богъ посылаетъ и язву, и землетрясеніе, и тирановъ; не преломила желѣзнаго скиптра въ рукахъ Іоанновыхъ, и 24 года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы, въ лучшія времена, имѣть Петра Великаго и Екатерину Вторую“¹⁸⁴⁾.

Но Карамзинъ не дошелъ до дома Романовыхъ, и въ его исторіи - поэмѣ послѣднимъ героемъ, продолжавшимъ дѣло величія Россіи, является Борисъ Годуновъ, но главнымъ образомъ не какъ царь, а какъ правитель за Θεодора Іоанновича. Заканчивая исторію царствованія этого послѣдняго монарха „варяжскаго племени“, Карамзинъ пишетъ: „Никогда *внѣшнія* обстоятельства Московской державы, основанной, изготовленной къ величію Іоанномъ III, не казались столь благопріятными для ея цѣлости и безопасности, какъ въ сіе время“¹⁸⁵⁾.

Воспѣвая государство, Карамзинъ вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ на стражѣ добродѣтели: отмѣчалъ какъ согласныя, такъ и несогласныя съ нею дѣйствія людей, выражалъ свое сочувствіе первымъ и несочувствіе вторымъ, одобрялъ и осуждалъ — и такимъ образомъ вносилъ въ свою „Исторію“ моральный элементъ — черта, которая если и вредитъ научной сторонѣ труда Карамзина, то зато возвышаетъ его литературное достоинство.

„Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной политики. Судъ исторіи — единственный для государей, кромѣ суда небеснаго — не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства: ибо отъ человека зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога“¹⁸⁶⁾.

Вотъ основное положеніе Карамзина, какъ историка-мора-

листа, положеніе, въ силу котораго многія историческія лица подверглись его строгому осужденію. Такъ, напр., похваливъ Іоанна Калиту за то, что онъ „указалъ наслѣдникамъ путь къ едино-властію и величію“, историкъ продолжаетъ: „Но справедливо хваля Іоанна за сіе государственное благодѣяніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверского, хотя она и могла утвердить власть великокняжескую?“¹⁸⁷⁾ Отдавъ Грозному должную дань хвалы, какъ правителю, Карамзинъ, какъ нравственный судія, называетъ его тираномъ, извергомъ — и, чтобы показать, какое моральное значеніе можетъ имѣть описаніе его жестокихъ дѣлъ, говоритъ: „Изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка: сіи ужасные метеоры, сіи блуждающіе огни страстей необузданныхъ озаряютъ для насъ, въ пространствѣ вѣковъ, бездну возможнаго человѣческаго разврата, *да видя содрогаемся!* Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества, но его исторія всегда полезна—для государей и народовъ: вселятъ омерзѣніе ко злу есть вселятъ любовь къ добродѣтели — и слава времени, когда вооруженный истиною дѣписатель можетъ, въ правленіи самодержавномъ, выставить на позоръ такого властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ! Могилы безчувственны: но живые страшатся вѣчнаго проклятія въ исторіи, которая, не исправляя злодѣевъ, предупреждаетъ иногда злодѣйства, всегда возможные, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣки гражданскаго образованія, веля уму безмолвствовать или рабскимъ гласомъ оправдывать свои изступленія“¹⁸⁸⁾. Далѣе Карамзинъ, какъ моралистъ, особенно ярко выступаетъ въ разсказѣ о Годуновѣ.

Еще въ X-мъ томѣ своей „Исторіи“ знакомя читателя съ Годуновымъ-правителемъ, который не имѣлъ добродѣтели, и если иногда и дѣлалъ добрыя дѣла, то они были у него не цѣлью, а лишь средствомъ къ цѣли, —¹⁸⁹⁾ Карамзинъ раскрываетъ между прочимъ слѣдующую картину внутренняго состоянія „властолюбца“:

„Годуновъ томился душевнымъ голодомъ, и желалъ, чего не имѣлъ. Надменный своими достоинствами и заслугами, славою и лестію; упоенный счастіемъ и могуществомъ, волшебнымъ для души самой благородной; кружась на высотѣ, куда не восходилъ дотолѣ ни одинъ изъ подданныхъ въ російской державѣ, Борисъ смотрѣлъ еще выше—и съ дерзкимъ вожделѣніемъ: хотя властвовалъ безпрекословно, но не своимъ именемъ; сіялъ только заимствованнымъ свѣтомъ; долженъ былъ въ самой надменности трудить себя личиною смиренія, торжественно унижаться предъ тѣнію

царя и бить ему челомъ вмѣстѣ съ рабами. Престоль казался Годунову не только святымъ, лучезарнымъ мѣстомъ истинной, самобытной власти, но и райскимъ мѣстомъ успокоенія, до коего стрѣлы вражды и зависти не досягаютъ, и гдѣ смертный пользуется какъ бы божественными правами. Сія мечта о прелестяхъ верховнаго державства представлялась Годунову живѣе и живѣе, болѣе и болѣе волнуя въ немъ сердце, такъ что онъ наконецъ непрестанно занимался ею. Лѣтописецъ рассказываетъ слѣдующее любопытное, хотя и сомнительное обстоятельство: «Имѣя умъ рѣдкій, Борисъ вѣрилъ однакожъ искусству гадателей; призвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тихій часъ ночи и спрашивалъ, что ожидаетъ его въ будущемъ. Лъстивые волхвы, или звѣздохеты, отвѣтствовали: *тебя ожидаетъ вѣнецъ...* но вдругъ умолкли, какъ бы испуганные дальнѣйшимъ предвидѣніемъ. Нетерпѣливый Борисъ велѣлъ имъ договорить; услышалъ, что ему царствовать только семь лѣтъ, и, съ живѣйшею радостію обнявъ предсказателей, воскликнулъ: *хотя бы семь дней, но только царствовать!*» Столь нескромно Годуновъ открылъ будто бы внутренность души мнимымъ мудрецамъ суевѣрнаго вѣка! По крайней мѣрѣ онъ уже не таился отъ самого себя; зналъ, чего хотѣлъ! Ожидая смерти бездѣтнаго царя, располагая волею царицы, наполнивъ думу, дворъ, приказы родственниками и друзьями, не сомнѣваясь въ преданности великоименитаго іерарха Церкви, надѣясь также на блескъ своего правленія и замышляя новыя хитрости, чтобы овладѣть сердцемъ или воображеніемъ народа, Борисъ не страшился случая безпримѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ временъ Рюриковыхъ до Θεодоровыхъ: трона упраздненнаго, конца племени державнаго, мятежа страстей въ выборѣ новой династіи, и, твердо увѣренный, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго вѣнценосца Мономаховой крови, будетъ врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени царскаго, сей алчный властолюбецъ видѣлъ между собою и престоломъ одного младенца безоружнаго, какъ алчный левъ видитъ агнца!.. Гибель Димитріева была неизбѣжна!“¹⁹⁰⁾

Затѣмъ, продолживъ рассказъ о Борисѣ въ первой главѣ XI-го тома, Карамзинъ начинаетъ вторую его главу вопросомъ чисто нравственнаго же характера: „Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты самодержца усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ величіемъ, коего алкала душа его—величіемъ, купленнымъ столь дорогою

цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества?”

И весь дальнѣйшій рассказъ служитъ разъясненіемъ этого вопроса, отвѣтомъ на него.

Сперва все,—разсказываетъ историкъ,— благопріятствовало Годунову: первые два года его царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка; она была на высочайшей степени своего внѣшняго могущества, а внутри управлялась съ мудрою твердостью и съ необыкновенною кротостью. Борисъ казался отцомъ народа, отцомъ сирыхъ и бѣдныхъ, другомъ челоуѣчества. Всѣ были довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, и Россія любила Бориса. Можно бы думать, что при такихъ обстоятельствахъ Борисъ могъ бы быть счастливымъ. Однако онъ счастливъ не былъ: какъ челоуѣкъ съ нечистою совѣстью, Годуновъ былъ недоуѣрчивъ и подозрителенъ, избѣгалъ людей и въ то же время какъ бы насильно хотѣлъ заставить народъ думать о немъ, какъ о монархѣ, котораго умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе росла подозрительность Бориса—и вотъ онъ наконецъ рѣшается возстановить бѣдственную Іоаннову систему доносовъ, за которою начинается цѣлый рядъ опалъ, ссылокъ, заключеній въ темницы, пытокъ, отнятій имущества и другихъ насилій. Все это заставило народъ разочароваться въ своемъ правителѣ—и россияне уже не любили Бориса. Но Борисъ страдалъ не только вслѣдствіе внутренней тревоги своей души: скоро судъ Божій загремѣлъ надъ державнымъ преступникомъ, и Небо за беззаконія царя начало казнить царство: сперва появился страшный голодъ, а за нимъ, какъ его слѣдствіе, моровая язва. Не успѣла еще Россія успокоиться, какъ открылось новое бѣдствіе, въ которомъ современники непосредственно винили Бориса: появился Самозванецъ. Борисъ мучился; душа его жила ужасомъ и притворствомъ. Онъ не имѣлъ чистѣйшаго утѣшенія: не могъ предаться въ волю святого Провидѣнія, служа только идолу властолюбія. Но есть—говоритъ Карамзинъ—предѣлъ мукамъ—въ бренности нашего естества земного. Борисъ умеръ. Но „сія безвременная кончина была небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта“.

Глава заканчивается строгимъ судомъ историка надъ Борисомъ.

„Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ властителей въ мѣрѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, *во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія*. Потомство видитъ лобное мѣсто, обогрѣнное кровію невинныхъ, св. Димитрія, издыхающаго подъ ножомъ убійцы, героя псковскаго въ петлѣ, столь многихъ вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемерія предъ людьми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ политикѣ мирной и здоровой. Но *сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца*, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны“.

Съ возмущеннымъ духомъ говоритъ историкъ и о „гнусномъ предателѣ“—Басмановѣ. „Сей честолюбецъ безъ правилъ чести, жадный къ наслажденіямъ временщика, ... не зналъ, что *сильные духомъ падаютъ, какъ младенцы, на пути беззаконія*“¹⁹¹). Съ такимъ же возмущеніемъ говоритъ онъ и о гнусныхъ дѣлахъ Самозванца, „*презирающаго святѣйшіе законы нравственности*“¹⁹²).

Возставая противъ тиранства и злодѣйства, авторъ „Исторіи“, какъ и авторъ „Бѣдной Лизы“ и „Острова Борнгольма“, тепло сочувствуетъ невинно страдающимъ и угнетеннымъ. Такъ напр. большимъ сочувствіемъ проникнуты тѣ строки, въ которыхъ Карамзинъ касается грустной судьбы, постигшей внука Іоанна III—Димитрія. „Василій пріялъ державу отца, но безъ всякихъ священныхъ обрядовъ, которые напомнили бы россиянамъ о злополучномъ Димитріи, пышно вѣнчанномъ и сверженномъ съ престола въ темницу. Василій не хотѣлъ быть великодушнымъ: ненавидя племянника, помня дни его счастья и своего униженія, онъ безжалостно осудилъ сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрылъ отъ людей, отъ свѣта солнечнаго въ тѣсной, мрачной палатѣ. Изнуряемый горестію, скукою празднаго уединенія, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, безъ отрады, безъ надежды въ лѣтахъ цвѣтущихъ, Димитрій преставился въ 1509 году, бывъ одною изъ умилительныхъ жертвъ лютой политики, оплакиваемыхъ добрыми сердцами и находящихъ мстителя развѣ въ другомъ мѣрѣ“¹⁹³). По-

добнымъ же сочувствіемъ проникнуты и рассказы объ убіеніи Бориса по приказанію Святополка, объ ослѣпленіи Василька и др. Вообще Карамзинъ умѣлъ изображать несчастье такъ, чтобы оно шевельнуло филантропическое чувство читателя. Но въ „Исторіи государства Россійскаго“ читатель найдетъ не однѣ только „умилительныя жертвы“ лютой политики или страстей: Карамзинъ умѣлъ изображать и *величіе страданія*, возбуждая благоговѣйное уваженіе къ страдающему. Такое чувство должны возбуждать, на примѣръ, образы двухъ замученныхъ татарами Михайловъ—Черниговскаго и Тверскаго, образъ митрополита Филиппа и др.

По Карамзину, для счастья человѣческаго нужна добродѣтель. Законы ея обыкновенно пишутся въ сердцахъ людей. Но такъ какъ существуютъ страсти, то для обузданія ихъ необходимы и „твердые законы государственныя“. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ всегда возможны несправедливость и неурядица. Наличие той и другой историкъ видитъ въ древней Руси и говоритъ: „Не имѣя твердыхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на опытѣ вѣковъ, князья и подданные въ нашемъ древнемъ отечествѣ часто дѣйствовали по внушенію страстей; сила казалась справедливостію: иногда государь, могущественный усердіемъ и мечами дружины, угнеталъ народъ; иногда народъ презиралъ волю государя слабаго. Неясность взаимныхъ правъ служила поводомъ къ мятежамъ“.¹⁹⁴⁾ Но и законовъ однихъ — мало: надо блюсти за ихъ исполненіемъ. „Нужно вѣдать государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ строгаго, бдительнаго правосудія“¹⁹⁵⁾. Словами митрополита Филиппа историкъ напоминаетъ о долгѣ державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; напоминаетъ о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятъ къ престолу, ослѣпляютъ умъ государей, хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; напоминаетъ о тлѣнности земного величія, о побѣдахъ *невооруженной любви*, которыя приобрѣтаются государственными благодѣянiami и еще славнѣе *побѣдъ ратныхъ*¹⁹⁶⁾.

Но мы должны замѣтить, что когда Карамзинъ устремляетъ свое преимущественное вниманіе на „государство“, на созданіе его величія, — въ немъ моралистъ дѣлаетъ значительныя уступки политику. Въ этомъ отношеніи интересно сопоставить приведенное нами выше основное положеніе Карамзина: „Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной политики“ съ тѣми строками „Похвальнаго

слова императрицѣ Екатеринѣ“, гдѣ говорится слѣдующее: „Правило народовъ и государей не есть правило частныхъ людей; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе думали о внѣшней безопасности: а безопасность есть могущество! Слабый народъ трепещетъ; сильный, подъ эгидою величія, свободно наслаждается политическимъ бытіемъ. Сія истина рождаетъ правила для монарховъ“. Такимъ образомъ, въ силу послѣдняго положенія, нѣкоторыя дѣянія, осуждаемыя въ частномъ челѣкѣ, могутъ въ монархѣ не только оправдываться, но даже вмѣняться ему въ заслугу. Такія уступки моралиста политику мы и встрѣчаемъ въ „Исторіи государства Россійскаго“. Ставя Годунову въ укоръ его „неусыпную хитрость“, направленную для достиженія личныхъ цѣлей, историкъ сочувствуетъ хитрости Іоанна III, направленной къ восстановленію свободы и цѣлости Россіи. На томъ же основаніи и хитрость Калиты называется „благодѣтельной“. Сочувствуя проявляемой людьми чувствительности, которая Карамзину было такъ симпатична, онъ не только не осуждаетъ Іоанна III за его суровость, а скорѣе хвалитъ его за то, что онъ не былъ чувствителенъ.

Но такое раздвоеніе морали все-таки не мѣшаетъ „Исторіи“ Карамзина въ общемъ производить впечатлѣніе труда, написаннаго авторомъ, стоящимъ на стражѣ добродѣтели, нравственныхъ принциповъ.

Какъ художественное произведеніе, имѣющее въ виду воскресить прошедшее, „Исторія государства Россійскаго“ заключаетъ въ себѣ рядъ живыхъ рассказовъ и картинъ, раскрывающихъ доблести нашихъ предковъ: ихъ геройскіе подвиги, обусловленные любовью къ родинѣ и сознаніемъ долга, ихъ мужество, ихъ умѣнье умирать, не посрамляя земли Русской. Такихъ рассказовъ и картинъ въ особенности много на тѣхъ страницахъ труда Карамзина, которыя повѣствуютъ о двухъ самыхъ тяжелыхъ эпохахъ въ нашей исторіи: объ эпохѣ татарскаго владычества и о временахъ Ваеилія Шуйскаго и междуцарствія. Тутъ, на этихъ страницахъ, изображены не только такія крупныя по своему значенію событія, какъ, на примѣръ, Куликовская битва и осада Троицкой лавры, гдѣ сидѣли люди *низкіе званіемъ, но великіе душою*, люди, „цѣловавшіе крестъ на томъ, чтобы сидѣть въ осадѣ безъ измѣны“ и „пить чашу смертнующую за отечество“, — но не забыты историкомъ и герои, хотя и менѣе популярныя, но не менѣе доблестныя. Таковы, на примѣръ,

жители Рязани, Владимира, Кіева, которые „любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно“. Таковъ и попавшій въ плѣнъ къ татарамъ герой битвы на Сити—князь Василько. „Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. «Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батыя!» говорили ему татары. «Лютые кровопійцы, враги моего отечества и Христа, не могутъ быть мнѣ друзьями», отвѣтствовалъ Василько: «о темное царство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній». Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости: великодушный князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его — Бориса и Глѣба. Татары умертвили Василько и бросили въ Шеренскомъ лѣсу“¹⁹⁷).

Подобные рассказы и картины были не результатомъ безстрастной работы ученаго, а слѣдствіемъ желанія художника и патріота заставить читателя въ такой же мѣрѣ участливо отнестись къ судьбѣ нашихъ предковъ, въ какой относился къ ней самъ авторъ „Исторіи государства Россійскаго“. А уваженіе къ предкамъ,—говоритъ Карамзинъ въ своемъ „Предисловіи“,—государственная нравственность ставитъ въ достоинство образованному гражданину.

Наконецъ, говоря объ „Исторіи государства Россійскаго“, какъ о литературномъ произведеніи, нельзя не упомянуть и о картинности, живости самаго изложенія, которое въ свое время удовлетворяло даже такихъ художниковъ, какъ Пушкинъ и Батюшковъ. Объ этой сторонѣ „Исторіи“ Карамзина находимъ слѣдующую замѣтку у Погодина:

„Карамзинъ представилъ многія событія такъ, что они именно воспроизводятся въ нашемъ воображеніи; изобразилъ многія лица такъ, что они живутъ передъ нами, если иногда не своею собственною, то по крайней мѣрѣ тою жизнію, которую сообщалъ имъ художникъ, въ разныя минуты ихъ дѣятельности. Прочитавъ, на примѣръ, внимательно 6-й томъ, вы видите передъ собою величественный образъ Іоанна III, вы слышите его тяжелые шаги, вы встрѣчаетесь съ его суровыми взглядами, отъ которыхъ женщины падали въ обморокъ... А счастливый и злосчастный Борисъ, потомокъ татарскаго мурзы Чета, между родовыми князьями, средь колѣнопреклоненій и заговоровъ, съ его

изобрѣтательностью, осторожностью, мнительностью, поражаемый непреклонною судьбою, ударъ за ударомъ, не смотря на всѣ благія предположенія и разумныя мѣры! А легковѣрный Самозванецъ, умный, веселый, живой, пирующій наканунѣ гибели, пляшущій на краю пропасти, между нѣмцами и поляками, подъ зоркими взглядами угрюмыхъ россіянъ, которые, кланяясь, выбираютъ на тѣлѣ его мѣсто, гдѣ нанести ударъ смертоноснѣе! Всѣ эти лица изображены такъ близко къ природѣ, какъ только можетъ искусство. Точно то же должно сказать о многихъ происшествіяхъ: мы присутствуемъ съ Карамзинымъ на Флорентійскомъ соборѣ, и слышимъ строгую рѣчь Марка Ефесскаго, который лучше хочетъ подвергнуться игу турковъ, нежели отступить на шагъ отъ православія. Трепетъ объемлетъ ваше сердце, когда вы видите передъ своими глазами висѣлицы, воздвигнутыя на московской площади, и смотрите украдкою на Грознаго Іоанна, пріѣхавшаго въ толпѣ опричниковъ судить и казнить своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Или, перенесясь въ Успенскій соборъ, внемлете торжественному слову св. Филиппа, угрожающаго злобному царю гнѣвомъ небеснымъ за его незаконное правленіе... Чѣмъ далѣе шелъ Карамзинъ, чѣмъ болѣе писалъ, тѣмъ болѣе талантъ его усиливался, даръ слова увеличивался“¹⁹⁸).

3. «Исторія государства Россійскаго», какъ научное сочиненіе.

Научное значеніе „Исторіи“ Карамзина опредѣляется главнымъ образомъ значеніемъ приложенныхъ къ ней „Примѣчаній“, оцѣнку которыхъ нашими историками мы уже знаемъ. Бестужевъ-Рюминъ сказалъ, что „въ эти примѣчанія долженъ ходить учиться каждый занимающійся русской исторіей“. Милюковъ тоже признаетъ, что „Примѣчанія“ сдѣлали „Исторію“ Карамзина надолго необходимою для всякаго изслѣдователя хрестоматіей источниковъ. Такимъ образомъ трудъ исторіографа есть во всякомъ случаѣ заслуга его передъ русской исторіей. Но во время Карамзинскаго юбилея въ 1866 году наши ученые юристы заявили, что и русская юридическая наука весьма многимъ обязана „Исторіи государства Россійскаго“. „Въ Москвѣ самый видный знатокъ русскихъ историческихъ законодательныхъ памятниковъ, Н. В. Калачовъ, въ своей рѣчи прошелъ черезъ всю Исторію Карамзина и раскрылъ великую его работу по этой части. Такъ, онъ между прочимъ указываетъ, что только изъ Карамзина мы знаемъ объ устройствѣ опричнины, о земскомъ постановленіи 1611 при Ляпуновѣ, о дѣйстви у насъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и въ гражданской области греческаго номоканона... Въ Казани профессоръ

Шпилевскій произвелъ подобный же пересмотръ Исторіи Карамзина, даже сопоставилъ его съ послѣдующими дѣятелями-специалистами въ области права, каковы Эверсъ, Рейцъ, К. Д. Кавелинъ, и признаетъ, что если многія мнѣнія Карамзина оказались невѣрными, то всѣ юристы ему много обязаны фактическими указаніями“¹⁹⁹).

Тѣмъ не менѣе тотъ же Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что если нельзя отвергать въ Карамзинѣ великаго ученаго и считать его только литераторомъ, то съ другой стороны „можно утверждать, что онъ не такъ изобразилъ ту или другую эпоху, то или другое лицо, и быть правымъ“²⁰⁰).

Одною изъ причинъ нарушенія исторической вѣрности было внесеніе сентиментализма въ изображеніе русской старины. Даже знаменитый своей суровой жизнью Святославъ— и тотъ изображенъ у Карамзина въ значительной степени чувствительнымъ, между тѣмъ какъ лѣтопись не даетъ права представлять этого князя способнымъ слишкомъ растрогиваться. Въ лѣтописи сказано: „То слышавъ (т.-е. о бѣдствіяхъ, причиненныхъ Кіеву печенѣгами), Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Кіеву, цѣлова (т.-е. привѣтствовалъ, а не лобызалъ) мать свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ отъ печенѣгъ“²⁰¹). Карамзинъ это мѣсто пересказываетъ такъ: „Тронутый князь съ великою поспѣшностію возвратился въ Кіевъ. Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ *нужной чувствительности* сына и родителя: лѣтопись говоритъ, что онъ *съ горячностію лобызалъ* мать и дѣтей, радуясь ихъ спасенію“²⁰²).

Карамзинъ вообще любитъ психологическую мотивировку дѣйствій—и Милюковъ находитъ ее „вредящей научному достоинству изложенія“.—„Щербатовъ“, говоритъ Милюковъ,²⁰³) „тоже любитъ психологическую мотивировку, хотя и отдѣляетъ ее отъ строго-фактическаго изложенія; но любимые мотивы обоихъ историковъ такъ же различны, какъ раціонализмъ Щербатова и сентиментализмъ Карамзина. Герои Щербатовской исторіи дѣйствуютъ преимущественно изъ политическихъ видовъ. Герои Исторіи государства Россійскаго руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ «нужною чувствительностію». Вотъ, для примѣра, рассказъ обоихъ историковъ о томъ, почему Борисъ не хотѣлъ дѣйствовать противъ Святополка Окаяннаго.

Щербатовъ: «Борисъ, *страшась неустройствъ, которыя могутъ отъ междоусобныхъ войны произой-*

Карамзинъ: «Борисъ отвѣтствовалъ: могу ли поднять руку на брата старѣйшаго; онъ долженъ быть мнѣ

тить, и почитая старѣйшаго себѣ брата, имъ на сіе отвѣтствовалъ, что онъ никогда не вооружится на своего брата, котораго вмѣсто отца намѣренъ почитать. Таковымъ отвѣтомъ доброжелательныя его войска, бывъ приведены въ уныніе и опасаясь, чтобы должайшее пребываніе съ нимъ—отъ Святополка имъ не вмѣнилось въ преступленіе, его оставя, разошлись...; однако Святополкъ, зная всенародную любовь къ Борису, послалъ къ нему нарочно объявить, что онъ желаетъ съ нимъ быть въ братской дружбѣ» и т. д.

вторымъ отцомъ. Сія *нужная чувствительность* казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто *властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ ихъ глазахъ право властвовать*. Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей» и т. д.

Какъ видимъ, дѣйствія Бориса, войска и Святополка у Щербатова представляются дѣломъ простого расчета: Борисъ боится междоусобной войны, войско боится гнѣва Святополка, Святополкъ боится народной любви къ Борису. У Карамзина тѣ же дѣйствія являются слѣдствіемъ душевныхъ движеній: братней нѣжности, уваженія къ силѣ, трусливости Святополка. Въ источникѣ обоихъ—въ лѣтописи—нѣтъ ни той ни другой мотивировки *)“.

Далѣе Милюковъ приводитъ еще нѣсколько примѣровъ литературныхъ приемовъ Карамзина и говоритъ:

„Но даже тамъ, гдѣ источникъ даетъ мотивировку, Карамзинъ предпочитаетъ иногда замѣнить ее своею, болѣе соответствующей его литературной манерѣ. По лѣтописи, князь Дмитрій Константиновичъ Суздальскій старается отнять у младшаго брата Нижегородское княженіе; во время борьбы онъ получаетъ изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе Владимирское, но поступается имъ Дмитрію Донскому съ тѣмъ, чтобы получить отъ послѣдняго помощь противъ Нижняго Новгорода. Такъ и изложено было у Щербатова. По Карамзину, Дмитрій Константиновичъ отказывается отъ Владимирскаго стола, «видя слабость свою» и «почитая дружбу Дмитрія (Донского) милости» хана,—безъ всякихъ опредѣленныхъ расчетовъ; а затѣмъ освобождается Нижегородскій столъ—и изъ «благодарности» Дмитрій помогаетъ Суздаль-

*) Лавр. подъ 1015 г.: „онъ же (Борисъ) рече: не буди ми възнати руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отда мѣсто. И се слышавше вои, разъидошася отъ него... Святополкъ же исполнився безаконья, каиновъ смыслъ примъ, посылая къ Борису, глаголаше: яко съ тобою хочю любовь имѣти..., а льстя под нимъ, како бы и погубити“. (Примѣч. Милюкова).

скому князю занять его. Такимъ образомъ отказъ Дмитрія Суздальскаго и помощь ему Дмитрія Московскаго—два факта, связанные въ источникѣ причинною связью, у Карамзина связываются только стилистическимъ оборотомъ съ сентиментально-психологическою мотивировкой: «умѣренность, вынужденная обстоятельствами (т.-е. отказъ отъ великаго княженія) не есть добродѣтель; однакожь Димитрійъ Іоанновичъ изъявилъ ему за то благодарность». Даже прямо-формальныя, юридическія выраженія княжескихъ договоровъ, въ которыхъ слабѣйшій обѣщается обыкновенно «держатъ великое княженъе честно и грозно», а сильнѣйшій обязуется держатъ слабѣйшаго «въ братствѣ, безъ обиды»,—у Карамзина превращаются въ обязательства младшаго «уважать», а старшаго—«любить» своего контрагента“.

„Стилистическою связью событій и сентиментально-психологическою мотивировкой не исчерпываются, однакоже, литературно-художественныя приемы Карамзинскаго изложенія. Предметомъ исторической живописи, вопреки скудости источниковъ, служатъ у Карамзина и въ первой части его Исторіи—и положенія и характеры. Мы не встрѣчаемъ здѣсь, конечно, вымышленныхъ рѣчей à la Фукидидъ или Ливій, какія встрѣчали у Эмина. Карамзинъ хорошо знаетъ, что историку «нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному, нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что передали намъ современники; молчимъ, если они умолчали,—или справедливая критика заградить уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ». „Мы не можемъ нынѣ»,—прямо заявляетъ Карамзинъ въ своемъ предисловіи,—«витійствовать въ исторіи... Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразить исторію, посвященную не славѣ писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама дѣлается источникомъ удовольствія и пользы»... Эта profession de foi не всегда выдерживалась исторіографомъ... Сравните, на примѣръ, съ только что цитированными заявленіями Карамзина нарисованную имъ картину смерти Александра Невскаго: «Истошнвъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству,—передъ концомъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ: постригся, принялъ схиму и, слыша горестный плачь вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности, сказалъ добрымъ слугамъ: удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію! Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда,—по

собственному выраженію одного изъ нихъ,—гораздо болѣе, нежели отца родного». Откуда взяты краски для этой картины и эти «собственные выраженія»? Формально Карамзинъ правъ: все это есть въ источникѣ, но въ такомъ источникѣ, изъ котораго никакой историкъ и даже самъ Карамзинъ не рѣшился бы взять этихъ данныхъ, если бы они не понадобились для его художественныхъ цѣлей. Въ древнемъ житіи Александра Невскаго, написанномъ «самовидцемъ возраста его», челоѣкомъ близко къ нему стоявшимъ, мы встрѣчаемъ только короткое лирическое отступление автора передъ описаніемъ кончины князя; картину же самой кончины Карамзинъ заимствовалъ изъ позднѣйшей передѣлки житія (въ XVI вѣкѣ), помѣщенной въ Степенной книгѣ“.

Затѣмъ, указавъ на невѣрность изображенія характера Олега Рязанскаго (обрисованъ слишкомъ черными красками) и Василя Темнаго, критикъ говоритъ, что особенно большая погрѣшность допущена въ изображеніи личности Іоанна Грознаго. Погрѣшность эта,—говоря словами Погодина,—состоитъ въ томъ, что исторіографъ „отложилъ все дурное объ Іоаннѣ до смерти Анастасіи, до IX тома, между тѣмъ какъ очень многое уже случилось, представляющее Іоанна совсѣмъ съ другой стороны“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Карамзинѣ-историкѣ художникъ и ученый не всегда были другъ съ другомъ въ согласіи.

4. Значеніе «Исторіи государства Россійскаго» и отношеніе къ ней современниковъ.

Значеніе историческаго труда Карамзина опредѣляется не тѣмъ, конечно, чего онъ *не далъ*, а тѣмъ, что онъ *далъ* и наукѣ и обществу.—Что сдѣлалъ Карамзинъ для науки—объ этомъ мы уже говорили въ предыдущей главѣ. Но еще важнѣе то, что далъ онъ въ своей „поэмѣ“ современному ему обществу, а отчасти и поколѣніямъ послѣдующимъ.

О состояніи современнаго Карамзину общества мы тоже уже говорили. Вотъ еще краткая его характеристика, набросанная Бестужевымъ-Рюминымъ.

„Въ концѣ XVIII, а особенно въ началѣ XIX вѣка, въ эту пору самага сильнаго разгара русскаго европеизма, въ такъ называемой образованной *средѣ* древность русская была совершенно неизвѣстна: мѣсто отцовскихъ библіотекъ, состоявшихъ изъ старыхъ рукописей, заняли въ боярскихъ палатахъ собранія французскихъ писателей XVIII вѣка и ихъ англійскихъ первообразовъ, разумѣется, во французскомъ переводѣ; старинное воспитаніе, съ

дѣтства пріучавшее слухъ къ звукамъ языка церковно-славянскаго, то воспитаніе, о которомъ съ такимъ умиленіемъ воспоминаетъ Фонвизинъ, отошло въ область преданій; русскія дѣти съ самага нѣжнаго возраста лепетали по-французски; многіе герои 12-го года и думали и говорили по-французски; самъ Ростопчинъ былъ остроумнѣе на французскомъ языкѣ, чѣмъ въ своихъ знаменитыхъ афишахъ... Въ высшихъ сферахъ дѣйствуютъ... галломаны, англomanы и даже враги Россіи. Наполеоновъ кодексъ — созданіе отвлеченнаго мышленія — переводится на русскій языкъ и назначается служить руководствомъ въ нашихъ судахъ...; поэты, въ минуту опасности отечества, чтобъ одушевить войско, взываютъ къ тѣнямъ героевъ прежнихъ лѣтъ, и встаютъ на ихъ зовъ тѣни Оссіановыхъ героевъ, только названные русскими именами; въ этихъ туманныхъ картинахъ мы не узнаемъ тѣхъ, чьи имена должны быть дороги сердцу cadaго русскаго; лица, создаваемые воображеніемъ тогдашнихъ поэтовъ, такъ же мало похожи на русскихъ людей, какъ эти герои на русскихъ героевъ: это — лица Расина или Мольера, но не живые русскіе типы. Къ памятникамъ старины не было никакого уваженія... Только тамъ, гдѣ еще живы были преданія старины, гдѣ еще читали лѣтописи и хронографы, тамъ безсознательно жилъ русскій духъ, любовь и уваженіе къ славѣ предковъ: то была сфера грамотныхъ простолюдиновъ“²⁰⁴).

Въ такую пору появилась „Исторія“ Карамзина. Какое произвела она впечатлѣніе на общество, видно изъ слѣдующихъ словъ Пушкина: „Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностію и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ) — примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили“²⁰⁵).

Сравнивая Карамзина съ Колумбомъ, Пушкинъ былъ совершенно правъ, потому что если Карамзинъ, какъ ученый, и имѣлъ предшественниковъ, то вѣдь публикой ѳни не читались, и она съ русской исторіей познакомилась впервые только благодаря художественному труду Карамзина. И самое то обстоятельство, что исторіографъ сумѣлъ заинтересовать общество, уже должно быть

вмѣнено ему въ великую заслугу. По „Исторіи государства Россійскаго“,—говоритъ Бестужевъ-Рюминъ,—общество „училось уважать свое прошлое, видѣть въ немъ не исторію варварскаго народа, а исторію народа европейскаго. Карамзинъ часто указываетъ на аналогію съ Европою... Такія аналогіи должны были убѣдительно дѣйствовать на людей, привыкшихъ смотрѣть на Европу и тамъ искать образцовъ и примѣровъ. «Стало быть, и мы тоже имѣемъ исторію, не наполненную только Аттилами и Чингисханами, какъ говорятъ о насъ въ Европѣ»—вотъ что многимъ могло придти въ голову; а Карамзина читали многіе: нельзя, онъ былъ въ модѣ“²⁰⁶).

Слова эти невольно напоминаютъ о томъ впечатлѣніи, которое Карамзинъ произвелъ на Батюшкова. Въ 1809 г. Батюшковъ писалъ къ Гнѣдичу: „Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи хладнокровно, т.-е. съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался: все напрасно. Она дѣлается интересною только со временъ Петра Великаго. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые роются въ этой пыли“²⁰⁷). И этотъ же Батюшковъ въ 1818 г. написалъ слѣдующее стихотвореніе, посвященное Карамзину:

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ исторіи читалъ,
Какъ грекъ разилъ вождей азійскихъ
И силы гордыхъ сокрушилъ,—
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ—и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной
Какъ старца слушалъ Фукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцовъ дѣянья знамениты,
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижалъ твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ;
Но я для музъ дышалъ не даромъ:
Любилъ прекрасное и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ²⁰⁸).

„Исторія“ Карамзина, знакомя общество съ родною стариною, явилась вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитывающею силой. „Не ду-

маю“,—говорить Бестужевъ-Рюминъ, — „чтобы кому-нибудь изъ людей, хорошо знающихъ «Исторію государства Россійскаго» (а кто изъ людей сколько-нибудь образованныхъ не знаетъ ея?), показалось страннымъ то мнѣніе, что трудно найти въ какой-либо литературѣ произведеніе болѣе благородное. Оно благородно сочувствіемъ ко всему великому въ природѣ человѣческой, благородно отвращеніемъ отъ всего низкаго и грубаго. 9-й томъ „Исторіи“ Карамзина служитъ лучшимъ доказательствомъ, что авторъ не останавливался ни передъ какими соображеніями, если хотѣлъ высказать все свое негодованіе: мягкій, снисходительный, любящій, Карамзинъ умѣлъ быть неумолимъ, когда встрѣчался съ явленіемъ, возмущающимъ его душу; вспомните, съ какимъ негодованіемъ онъ относится къ Грозному, съ какимъ презрѣніемъ къ его окружающимъ. Я выбралъ самый рѣзкій примѣръ, а такихъ примѣровъ можно найти множество. Карамзинъ не проходитъ ни одного позорнаго дѣянія, чтобы не выразить къ нему своего отвращенія; зато посмотрите, съ какою любовью онъ останавливается на каждомъ свѣтломъ лицѣ, на каждомъ доблестномъ подвигѣ... Въ наше время считаютъ,—и совершенно основательно,—неумѣстнымъ вмѣшательство личнаго чувства; но вспомнивъ, какое сильное воспитательное дѣйствіе имѣли эти выраженія личнаго чувства на нравственное развитіе нѣсколькихъ поколѣній, удержимся осуждать ихъ... Поколѣніе, воспитанное Карамзинымъ, уже не могло повторить Куралесова или Салтычиху; по крайней мѣрѣ оно значительно смягчило эти типы“²⁰⁹).

Наконецъ въ „Исторіи“ Карамзина чрезвычайно ярко сказалось патриотическое чувство автора — и, — какъ говоритъ критикъ,—„сказалось такъ, что невольно сообщается читателю: онъ страдаетъ во время ига татарскаго, торжествуетъ освобожденіе отъ него, тяготится временемъ Грознаго, негодуетъ на Шуйскаго. Высокій художественный талантъ Карамзина не подлежитъ никакому сомнѣнію; но никакой талантъ не въ состояніи увлечь до такой степени, если бы писатель самъ не чувствовалъ того, что онъ внушаетъ. Только любви дается эта способность живого представленія, только живя сердцемъ въ изображаемую эпоху, можно перенести въ нее другого“²¹⁰).

Свой патриотизмъ исторіографъ подчеркнул и въ „Предисловіи“. „Чувство: *мы, наше*“ — сказалъ онъ тамъ — „оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабого или души слабой, несносно въ историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви — нѣтъ и души“.

Такъ какъ авторъ „Исторіи государства Россійскаго“ въ политическихъ своихъ взглядахъ расходился съ либеральной партіей, то естественно, что партія эта не могла быть удовлетворена „поэмой“ исторіографа. Выразителемъ мнѣнія этой партіи былъ Никита Мих. Муравьевъ, сынъ извѣстнаго намъ товарища министра народнаго просвѣщенія. Разбирая „Предисловіе“, онъ сдѣлалъ многія возраженія, и въ особенности напалъ на то мѣсто, гдѣ Карамзинъ говоритъ, что исторія *миритъ* насъ съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей ²¹¹). Но большинство ничего не имѣло противъ политической тенденціи Карамзина, видѣло въ немъ художника, моралиста и патріота — и благоговѣло передъ нимъ. Выразителемъ этого чувства былъ Жуковскій, внесшій въ свое посланіе къ Ив. Ив. Дмитріеву (1831) слѣдующіе стихи:

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будить въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ ²¹²).

Кромѣ того, были люди, которые хотя и не раздѣляли *всѣхъ* убѣжденій Карамзина, тѣмъ не менѣе высоко цѣнили и его „Исторію“ и его самого. Представителемъ такихъ людей былъ Пушкинъ, всегда умѣвшій видѣть и цѣнить въ людяхъ и явленіяхъ ихъ свѣтлыя стороны. Увлеченный желаніемъ кинуть острое слово въ духъ окружавшей его либеральной молодежи, онъ сочинилъ двѣ злыя эпиграммы на трудъ исторіографа, но тотчасъ же снова вернулся къ своему обычному благоговѣнію предъ Карамзинымъ. Онъ съ восторгомъ читалъ его „Исторію“ и назвалъ ее „не только созданіемъ великаго писателя, но и подвигомъ честнаго чловѣка“ ²¹³). Въ другомъ мѣстѣ сказавъ, что „Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабomyслия), къ несчастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удалствомъ“, онъ продолжаетъ: „Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый чловѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему въ дани уваженія глубокаго и благодарности“ ²¹⁴).

VI. Записка о древней и новой Россіи ²¹⁵).

1. Записка, какъ дополненіе къ „Исторіи государства Россійскаго“.

Записка о древней и новой Россіи распадается на двѣ части: первая представляетъ собою очень сжатый очеркъ политическаго

и гражданского состоянія Россіи до восшествія на престолъ императора Александра I; вторая заключаетъ въ себѣ критику того, что совершалось при этомъ императорѣ во внѣшней политикѣ и во внутреннемъ управленіи. Мы остановимся сперва только на одной первой части, которая, заканчиваясь очеркомъ царствованія дома Романовыхъ отъ Михаила Ѳеодоровича до Александра I, тѣмъ между прочимъ и интересна, что служитъ до нѣкоторой степени дополненіемъ къ „Исторіи государства Россійскаго“, обрѣвавшейся на 1611 годѣ.

Изложивъ самымъ сжатымъ образомъ то, что подробно разсказано въ 12-ти томахъ „Исторіи“, Карамзинъ говоритъ: „Князья московскіе учредили самодержавіе, отечество даровало его Романовымъ... Дуга небеснаго мира возсіяла надъ трономъ россійскимъ; отечество (послѣ бѣдствія междуцарствія), подъ сѣнію самодержавія, успокоилось, извергнувъ чужеземныхъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ; возвеличилось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ гражданскомъ порядкѣ, творя, обновляя и дѣлая *только необходимое, согласное съ понятіями народными и ближайшее къ существующему*“. Послѣднія слова обращаютъ на себя вниманіе: они, заключая въ себѣ похвалу предшественникамъ Петра Великаго, уже заранѣе даютъ понять, какъ отнесется историкъ къ преобразователю.—Затѣмъ Карамзинъ указываетъ, *что* именно и *какъ* было сдѣлано новаго при первыхъ Романовыхъ. „Дума боярская осталась на древнемъ основаніи, т.-е. совѣтомъ царей во всѣхъ дѣлахъ важныхъ—политическихъ, гражданскихъ, казенныхъ. Прежде монархъ рядилъ государство чрезъ своихъ намѣстниковъ или воеводъ: недовольные ими прибѣгали къ нему: онъ судилъ дѣло съ боярами. Сія *восточная простота* уже не соотвѣтствовала государственному возрасту Россіи, и множество дѣлъ требовало посредниковъ между царемъ и народомъ: учредились въ Москвѣ *Приказы*, которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но еще судъ не имѣлъ устава полнаго, ибо Іоанновъ оставлялъ много на совѣсть или произволь судящаго“. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „Россія получила *Уложение*... Оно, послѣ хартіи Михайлова избранія, есть донынѣ важнѣйшій государственный завѣтъ нашего отечества“. Далѣе авторъ Записки говоритъ о томъ, какъ при царяхъ Михаилѣ, Алексѣѣ и Ѳеодорѣ Россія продолжала сближаться съ Европой, заимствовать у нея и измѣняться; но „сіе измѣненіе дѣлалось *постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія*;

мы заимствовали, но какъ бы не хотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ“.

„Явился Петръ... Онъ сквозь бури и волны устремился къ своей цѣли, достигъ—и все перемѣнилось. Сею цѣлю было не только новое величіе Россіи, но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ европейскихъ“.

Въ виду того, что взглядъ Карамзина на Петра, подъ вліяніемъ историческихъ занятій, значительно измѣнился, мы на этомъ мѣстѣ Записки должны остановиться и рассмотреть его подробнѣе.

Воздавъ хвалу необыкновенной энергіи Петра, который „исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ, завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, Академію, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы“, имѣлъ дарованіе „почти важнѣйшее для самодержцевъ: дарованіе употреблять людей по ихъ способностямъ,—историкъ говоритъ: „Но мы, россияне, имѣя передъ глазами свою исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли князей московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и,—что не менѣе важно,—учредили въ ней твердое правленіе единовластное? Петръ нашелъ средство дѣлать великое, князья московскіе приготавливали оное, и, славя славное въ семь монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія *вредную сторону* его блестящаго царствованія?“

Стоя въ до-Александровскую эпоху между космополитизмомъ и западничествомъ—съ одной стороны, и народничествомъ—съ другой, Карамзинъ, какъ мы знаемъ уже, не умѣлъ еще въ ту пору примирить эти противоположныя начала и увлекался то въ одну, то въ другую сторону. Два раза онъ высказывалъ тогда свой взглядъ на Петра, какъ преобразователя Россіи—и оба раза взглядъ этотъ высказанъ имъ подъ сильнымъ вліяніемъ космополитизма и благоговѣнія предъ западной культурой, при чемъ онъ подчеркнул и свое пренебрежительное отношеніе къ народности—къ народности, къ которой въ другихъ случаяхъ онъ умѣлъ отнестись и съ уваженіемъ ²¹⁶). Впослѣдствіи Карамзинъ нашелъ наконецъ для себя формулу, въ которой оба боровшіяся другъ съ другомъ начала примирились. Формула эта слѣдующая: Россія должна была идти за Европой, но измѣненія въ русской жизни

должны были происходить „постепенно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія“. Съ точки зрѣнія этой формулы, реформы Петра, въ которыхъ Карамзинъ прежде, говоря о нихъ два раза, не отмѣтилъ ничего темнаго, теперь оказались не безукоризненными: онѣ имѣли и „вредную сторону“. Вредная сторона ихъ, по мнѣнію автора Записки, заключалась въ слѣдующемъ.

Страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ (въ Петрѣ) границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ... Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореня древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ россиянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго... Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различныя. Государство можетъ заимствовать отъ другого полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе незаконное и для монарха самодержавнаго“...

„Петръ ограничилъ свое преобразование дворянствомъ. Дотолѣ, отъ сохи до престола, россияне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ. Со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго, народнаго единоклюбія государственныхъ состояній“.

„Въ теченіе вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ... Петръ уничтожилъ достоинство бояръ: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! вмѣсто древней славной Думы явился Сенатъ, вмѣсто Приказовъ—Коллегіи, вмѣсто дьяковъ—секретари и проч. Та же бессмысленная для россиянъ переменна въ воинскомъ чиноначаліи: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали изъ нашей рати воеводъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и проч. Честію и достоинствомъ россиянъ сдѣлалось подражаніе“.

„Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ... Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людкости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабли связи родственныя: имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія“.

„Не говорю и не думаю, чтобы древніе россіяне, подѣ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ были вообще лучше насъ; не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ мы превосходнѣе..., однакожъ должно согласиться, что мы, съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія. Имя русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде?... Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи. Виною Петръ“.

„Онъ великъ, безъ сомнѣнія; но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ россіянь безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей. Къ несчастію, сей государь, худо воспитанный, окруженный молодыми людьми, узналъ и полюбилъ женева Лефорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву, и весьма естественно, находя русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все европейское возвышалъ до небесъ. Вольныя общества Нѣмецкой слободы, пріятныя для необузданной молодости, довершили Лефортovo дѣло, и пылкій монархъ, съ разгоряченнымъ воображеніемъ, увидѣвъ Европу, захотѣлъ Россію сдѣлать Голландіею“.

Къ темнымъ сторонамъ реформы Карамзинъ относитъ и то обстоятельство, что для проведенія ея въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно было „прибѣгнуть ко всѣмъ ужасамъ самовластия“. „Тайная канцелярія день и ночь работала въ Преображенскомъ; пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразования государственнаго. Многіе гибли за одну честь русскихъ кафтановъ и бороды“, ибо „симъ бѣднымъ людямъ казалось, что царь, вмѣстѣ съ древними привычками, отнимаетъ у нихъ самое отечество“.

Затѣмъ историкъ останавливается на дѣлахъ церковныхъ. „Церковь россійская искони имѣла главу, сперва въ митрополитѣ, наконецъ въ патріархѣ. Петръ объявилъ себя главою Церкви, уничтоживъ патріаршество, какъ опасное для самодержавія неограниченнаго. Но замѣтимъ, что наше духовенство никогда не боролось противъ мірской власти, ни княжеской ни царской, служило ей полезнымъ орудіемъ въ дѣлахъ государственныхъ и совѣстью въ

ея случайныхъ уклоненіяхъ отъ добродѣтели. Первосвятители имѣли у насъ одно право: вѣщать истину государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать,—право, благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастье состоитъ въ справедливости. Со временъ Петровыхъ упало духовенство въ Россіи. Первосвятители наши уже только были угодниками царей, и на кафедрахъ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя. Для похвалъ мы имѣемъ стихотворцевъ и придворныхъ; главная обязанность духовенства есть учить народъ добродѣтели; а чтобы сіи наставленія были тѣмъ дѣйствительнѣе, надобно уважать оное. Если государь предсѣдательствуетъ тамъ, гдѣ засѣдаютъ главные сановники Церкви; если онъ судить ихъ или награждаетъ мірскими почестями и выгодами, то Церковь подчиняется мірской власти и теряетъ свой характеръ священный; усердіе къ ней слабѣетъ, а съ нимъ и вѣра; а съ ослабленіемъ вѣры государь лишается способовъ владѣть сердцами народа въ случаяхъ чрезвычайныхъ, гдѣ нужно все забыть, все оставить для отечества, и гдѣ пастырь душъ можетъ обѣщать въ награду одинъ вѣнецъ мученическій. Власть духовная должна имѣть особенный кругъ дѣйствія, внѣ гражданской власти, но дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ съ нею: говорю о законѣ, о правѣ“...

Наконецъ историкъ говоритъ и объ основаніи новой столицы. „Утаимъ ли отъ себя еще одну блестящую ошибку Великаго Петра? Разумѣю основаніе новой столицы на сѣверномъ краѣ государства, среди зыбей болотныхъ, въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ“...

Критика Петровской реформы заканчивается словами: „Но великій мужъ самыми ошибками доказываетъ свое величіе; ихъ трудно или невозможно изгладить; какъ хорошее, такъ и худое дѣлаетъ онъ навѣки; сильною рукою дано новое движеніе Россіи; мы уже не возвратимся къ старинѣ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ прежнемъ панегирикѣ Петру, такъ и въ позднѣйшемъ осужденіи его есть и доля правды и доля увлеченія. Но вопросъ, который же изъ этихъ двухъ противоположныхъ взглядовъ Карамзина вѣрнѣе такъ и остается вопросомъ. Наши такъ называемые „западники“, съ Пыпинымъ во главѣ, мыслятъ подобно тому, какъ мыслилъ Карамзинъ, когда писалъ свое письмо изъ Парижа. Противоположная имъ партія „славянофиловъ“, къ которой принадлежали Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, семейство Елагиныхъ, Аксаковыхъ, „находили несостоятельнымъ русское общество новѣйшихъ, послѣ-Петровскихъ вре-

мень потому главнымъ образомъ, что оно стало жить жизнью, чужою для своего простого народа“²¹⁷). Историкъ Соловьевъ — поклонникъ реформы: „дѣло Петра онъ представляетъ дѣломъ русскаго народа и величіе Петра величіемъ русскаго народа“²¹⁸). У профессора Сергѣевича опять встрѣчаемъ такія слова, которыя не говорятъ въ пользу насильственныхъ преобразованій: „Насильственное введеніе чужихъ порядковъ, соединенное съ презрѣніемъ къ своему народному, наноситъ народности величайшій вредъ... Оскорбляя народный духъ неумѣлымъ заимствованіемъ, какъ бы ни было хорошо это заимствование само по себѣ, подавляютъ ту силу, которая одна способна творить все великое въ исторіи“²¹⁹).

Для характеристики взгляда Карамзина на время отъ смерти Петра Великаго до восшествія императрицы Екатерины II — довольно привести слѣдующія мысли Записки. „Россія текла путемъ, предписаннымъ ей рукою Петра, болѣе и болѣе удаляясь отъ своихъ древнихъ нравовъ и сообразуясь съ европейскими. Замѣчались успѣхи свѣтскаго вкуса. Уже дворъ нашъ блисталъ великолѣпіемъ и, нѣсколько лѣтъ говоривъ по-нѣмецки, началъ употреблять языкъ французскій. Въ одеждѣ, въ экипажахъ, въ услугѣ вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною“. Но истинно-великаго было не много: даже „царствованіе Елисаветы не прославилось никакими блестящими дѣянiami ума государственнаго. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостію воиновъ, нежели дарованіемъ военачальниковъ, Московскій университетъ и оды Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени“. Зато „ужасныя монополіи долго жили въ памяти народа, утѣсняемаго для выгоды частныхъ людей и ко вреду самой казны; многія изъ заведеній Петра Великаго пришли въ упадокъ отъ небреженія“. Кромѣ того, при Аннѣ Іоанновнѣ „воскресла Тайная канцелярія съ пытками“ и продолжала существовать и при Елисаветѣ. „Грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей“.

Наконецъ явилась Екатерина. Взглядъ Карамзина на ея правленіе намъ уже извѣстенъ изъ его „Похвальнаго слова“; но въ виду того, что представитель западниковъ — Пыпинъ — такъ часто упрекаетъ Карамзина въ приверженности къ „абсолютизму“, мы не можемъ не привести слѣдующихъ строкъ Записки:

„Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной монархини состоитъ въ томъ, что ею *смягчилось*

самодержавіе, не утративъ силы своей. Она ласкала такъ называемыхъ философовъ XVIII вѣка и плѣнялась характеромъ древнихъ республиканцевъ, но хотѣла повелѣвать, какъ земной Богъ — и повелѣвала. Петръ, насильствуя обычаи народные, имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ. Екатерина могла обойтись безъ оныхъ,... ибо не требовала отъ россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное ей Небомъ отечество или славу свою побѣдами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа, гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣніемъ — и страхи Тайной канцеляріи исчезли; съ ними вмѣстѣ исчезъ у насъ и духъ рабства, по крайней мѣрѣ въ высшихъ гражданскихъ состояніяхъ. Мы пріучились судить, хвалить въ дѣлахъ государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась съ собою, но побѣждала желаніе мести — добродѣтель, превосходная въ монархинѣ! Увѣренная въ своемъ величій, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ, объявленныхъ ею, будучи единственною душою всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ, безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца министровъ, полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей негоднымъ и пламенное усердіе заслужить ея милости, — Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе; а гдѣ искренность говорила правду, тамъ монархиня думала: «Я властна требовать молчанія россіянъ-современниковъ, но что скажетъ потомство? И мысль, страхомъ заключенная въ сердце, менѣе ли слова будетъ для меня оскорбительна?» Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34-лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой россійской исторіи, т.-е. Екатерина *очистила* самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства; слѣдствіемъ были спокойствіе сердець, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума“.

Далѣе слѣдуетъ краткій очеркъ свѣтлыхъ сторонъ царствованія императрицы, выразившихся въ пересмотрѣ и исправленіи внутреннихъ частей государственнаго зданія; въ ея внѣшней политикѣ, доставившей Россіи одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ державъ; въ ея умѣньи избирать вождей и правителей, и наконецъ еще вотъ въ чемъ: „Петръ III, желая угодить дворянству, далъ ему свободу служить или не служить; умная Екатерина, не отмѣнивъ сего закона, отвратила его вредныя для государства слѣдствія. Любовь къ святой Руси, охлажденную въ

насъ переменами Великаго Петра, монархиня хотѣла замѣнить гражданскимъ честолюбіемъ: для того соединила съ чинами новыя прелести или выгоды, вымышляя знаки отличія, и старалась поддержать ихъ цѣну достоинствомъ людей, украшаемыхъ оными. Крестъ св. Георгія не рождалъ, однакожь усиливалъ храбрость. Многіе служили, чтобы не лишиться мѣста и голоса въ дворянскихъ собраніяхъ; многіе, не смотря на успѣхъ роскоши, любили чины и ленты гораздо болѣе корысти; симъ утвердилась нужная зависимость дворянства отъ трона“.

Но въ Запискѣ указаны не однѣ свѣтлыя стороны царствованія Екатерины: отмѣчены и „нѣкоторыя пятна“, а именно: *„Нравы болѣе развратились въ палатахъ и хижинахъ“*: тамъ — отъ роскоши, здѣсь — отъ выгоднаго для казны умноженія питейныхъ домовъ. *„Правосудіе не цвѣло въ сіе время: вельможа, чувствуя несправедливость свою въ тяжбѣ съ дворяниномъ, переносилъ дѣло въ Кабинетъ. Тамъ засыпало оно и не пробуждалось. Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности; избиралось не лучшее по состоянію вещей, но красивѣйшее по формамъ. Таково было новое учрежденіе губерній, изящное на бумагѣ, но худо примѣненное къ обстоятельствамъ Россіи... Екатерина хотѣла умозрительнаго совершенства въ законахъ, не думая о легчайшемъ, полезнѣйшемъ дѣйстви оныхъ: дала намъ суды, не образовавъ судей; дала правила безъ средствъ исполненія. — Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также яснѣе открылись при сей государынѣ: чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ; дворъ забылъ языкъ русскій; отъ излишнихъ успѣховъ европейской роскоши дворянство одолжало; дѣла безчестныя, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали обыкновеннѣе; сыновья бояръ нашихъ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для приобрѣтенія французской или англійской наружности. У насъ были академіи, высшія училища, народныя школы, умные министры, пріятные свѣтскіе люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флотъ и великая монархиня, — не было хорошаго воспитанія, твердыхъ правилъ и нравственности въ гражданской жизни.*

Однако, сопоставляя „Похвальное слово императрицѣ Екатеринѣ“ съ очеркомъ ея царствованія, представленнымъ въ „Запискѣ“, мы видимъ, что послѣдній отличается отъ перваго не только тѣмъ, что въ немъ къ свѣтлымъ сторонамъ прибавлены и темныя, но и тѣмъ, что самый взглядъ Карамзина на нѣкото-

рыя явленія *измѣнился*: что казалось прежде совершенно свѣтлымъ, послѣ оказалось не безупречнымъ. Положимъ, что жалобы „Записки“ на отсутствіе хорошаго воспитанія и на то, что правосудіе не процвѣтало въ судахъ, не противорѣчатъ похваламъ „Слова“: тамъ говорилось лишь о стремленіи императрицы создать хорошее воспитаніе и правосудіе, слѣдовательно рѣчь шла о теоріи; въ „Запискѣ“ же рѣчь идетъ о практикѣ. Но, напри- мѣръ, два отзыва Карамзина объ Учрежденіи для губерній трудно примирить другъ съ другомъ: въ „Запискѣ“ оно признается „худо примѣненнымъ къ обстоятельствамъ Россіи“; въ „Словѣ“ же наоборотъ: вполне соответствующимъ потребностямъ. Тамъ говорится: „Едва умолкли громы войны, въ самый первый годъ счастливаго мира Екатерина обнародовала новое Учрежденіе для губерній, которое составляетъ вторую важную эпоху въ ея правленіи, и которое, мало-помалу, удивительнымъ образомъ пере- мѣнило Россію какъ въ умахъ, такъ и во нравахъ. Государства, подобно человѣку, имѣютъ разные нравственные возрасты: муд- рый законодатель слѣдуетъ взоромъ своимъ за ихъ измѣненіями, и отъ времени до времени обновляетъ систему свою, прибавляя или иначе располагая части ея. Что въ вѣкъ Петра Великаго было достаточно для скорого производства дѣлъ, то во дни Ека- терины уже не отвѣтствовало новымъ потребностямъ россіянъ“²²⁰).

Но, не смотря на „нѣкоторыя пятна“, Карамзинъ все-таки царствованіе императрицы Екатерины считалъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ дотолѣ пережитыхъ Россіей. Онъ говоритъ: „сравни- вая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина россійскаго; едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда, а не въ иное время“.

Первая часть Записки оканчивается очеркомъ правленія Павла, существенная часть котораго нами уже приведена выше²²¹).

2. Записка, какъ критика того, что совершалось въ правленіе императора Александра I.

Однако главная цѣль Записки заключалась не въ томъ, чтобы охарактеризовать различные періоды нашей исторіи, а въ томъ, чтобы указать императору Александру на тѣ современныя ему явленія какъ во внѣшней политикѣ Россіи, такъ и во внутреннемъ управленіи ею, которымъ Карамзинъ не сочувствовалъ. На этомъ основаніи и главное значеніе Записки состоитъ именно въ томъ,

что она явилась критикой мнѣній и дѣяній въ первое десятилѣтіе царствованія Александра. Критикѣ этой посвящена вторая часть Записки, а первая примыкаетъ къ ней—отчасти, какъ основаніе для нѣкоторыхъ выводовъ, отчасти, какъ изъясненіе настоящаго прошедшимъ, на что указываетъ и самъ авторъ, начавши эту часть такими словами: „Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее. Одно другимъ, такъ сказать, дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе“.

Главное, въ чемъ расходился Карамзинъ съ либеральной партіей, и что болѣе всего его заботило—это былъ вопросъ о формѣ правленія. Уже вступая въ Александровскую эпоху, Карамзинъ, какъ мы знаемъ, былъ на сторонѣ монархіи. Унаслѣдовалъ ли онъ, какъ думаетъ Милюковъ, свой взглядъ на развитіе русскаго государства отъ предшествовавшихъ историковъ²²²), или пришелъ къ нему самостоятельно—это все равно; но во всякомъ случаѣ то представленіе, которое онъ имѣлъ о ходѣ государственнаго развитія Россіи, убѣждало его, что она „основалась единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась самодержавіемъ“. Эта мысль и приведена въ Запискѣ, какъ основное положеніе, которое Карамзинъ и старается доказать раскрытіемъ историческаго хода развитія нашего государства.

Онъ говоритъ: уже „въ XI вѣкѣ государство Россійское могло, какъ бодрый, пылкій юноша, обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность... Къ несчастію, Россія въ сей бодрой юности не предохранила себя отъ государственной общей язвы тогдашняго времени“—удѣльной системы... Она раздѣлилась... „Открылось жалкое междоусобіе малодушныхъ князей... Открылось и другое зло, не менѣе гибельное: народъ утратилъ почтеніе къ князьямъ. Владѣтель Торопца или Гомеля могъ ли казаться ему столь важнымъ смертнымъ, какъ монархъ всей Россіи? Народъ охладѣлъ въ усердіи къ князьямъ, видя, что они, для ничтожныхъ личныхъ выгодъ, жертвуютъ его кровію, и равнодушно смотрѣлъ на паденіе ихъ троновъ, готовый всегда взять сторону счастливейшаго, или измѣнить ему вмѣстѣ съ счастіемъ... Итакъ, съ ослабленіемъ государственнаго могущества, ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властію. Въ такихъ обстоятельствахъ удивительно ли, что варвары покорили наше отечество?“ Но вотъ явилась Москва—и Русь стала собираться вокругъ нея. „Глубокомысленная политика князей московскихъ не удовольствовалась

собраниемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо— и единовластіе усилить самодержавіемъ“... Тогда „столица ханская на берегу Ахтубы, гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, исчезла навѣки“. Россія снова явилась могущественной. „Сіе великое твореніе князей московскихъ было произведено... единственно умною политическою системою, согласною съ обстоятельствами времени... Европа устремила глаза на Россію: государи, папы, республики вступили съ нею въ дружелюбныя сношенія... Политическая система государей московскихъ заслуживала удивленія своею мудростію, имѣя цѣлю одно благоденствіе народа. Они воевали только по необходимости, всегда готовые къ миру; уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, болѣе пріятнаго для суетности монарховъ, нежели полезнаго для государства, и, возстановивъ Россію въ умѣренномъ, такъ сказать, величій, не алкали завоеваній невѣрныхъ или опасныхъ, желая сохранять, а не пріобрѣтать“.

Въ послѣднихъ словахъ императоръ Александръ долженъ былъ, конечно, видѣть упрекъ себѣ за вмѣшательство въ дѣла Европы и за завоеваніе Финляндіи.

Далѣе Карамзинъ пишетъ: „Внутри самодержавіе укоренилось: никто, кромѣ государя, не могъ ни судить ни жаловать; всякая власть была изліяніемъ монаршей... Наконецъ царь сдѣлался для всѣхъ россіянь земнымъ богомъ“. Чтобы показать, какъ смотрѣлъ русскій народъ на царскую власть и какъ чтилъ ее, Карамзинъ останавливается на Грозномъ. „Тщетно Іоаннъ IV, бывъ до 35 лѣтъ государемъ добрымъ и по какому-то адскому вдохновенію возлюбивъ кровь, лилъ оную безъ вины и сѣкъ головы людей славнѣйшихъ добродѣтелями. Бояре и народъ, во глубинѣ души своей, не дерзая что-либо замыслить противъ вѣнца носца, только смиренно молили Господа, да смягчитъ ярость цареву, сію казнь за грѣхи ихъ. Кромѣ злодѣевъ, ознаменованныхъ въ исторіи названіемъ опричнины, всѣ люди, знаменитые богатствомъ или саномъ, ежедневно готовились къ смерти и не предпринимали ничего для спасенія жизни своей. Время и расположеніе умовъ достопамятное! Никогда и нигдѣ грознѣе самовластіе не предлагало столько жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности или повиновенія; но сія добродѣтель даже не усомнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ“. Но вынесши Грознаго, россіяне не могли вынести Лжедмитрія, „презирающаго русскіе обычаи и вѣру“: они „возложили руку на Самозванца“.— „Сіе происшествіе имѣло ужасныя слѣдствія для Россіи;

могло бы имѣть еще и гибельнѣйшія. Самовольныя управы народа бывають для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей или заблужденій государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти; одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея, которая есть уваженіе нравственное къ сану властителей“.

Шуйскій, принявъ скипетръ отъ Боярской Думы, „измѣнилъ самодержавію“: онъ уступилъ часть своей власти боярамъ. „Случилось, чему необходимо надлежало случиться. Бояре видѣли въ полу-монархѣ дѣло рукъ своихъ, и хотѣли, такъ сказать, продолжать оное, болѣе и болѣе стѣсняя власть его. Поздно очнулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ порывами великодушія утвердить колеблемость трона. Воскресли древнія смуты боярскія, и народъ, волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ вельможъ, толпами стремился къ дворцу Кремлевскому предписывать законы государю“. Наконецъ Шуйскій палъ, „сверженный вельможами недостойными“. Владычествовать начала „многоглавая гидра аристокраціи“. Что же было слѣдствіемъ?—„Правительство рушилось, государство погибало“. Но скоро „бѣдствія мятежной аристокраціи просвѣтили гражданъ и самихъ аристократовъ: тѣ и другіе единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержавцемъ, монархомъ неограниченнымъ; тѣ и другіе, воспламененные любовью къ отечеству, вzywали только: Богъ и Государь! Написали хартію и положили оную на престоль; сія грамота, внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею бояръ и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій“.

Итакъ, Михаилу самодержавіе было дано самимъ народомъ. Преемники его продолжали править самодержавно, и только въ небольшой сравнительно промежуткъ времени, когда „пигмеи спорили о наслѣдіи великана“—Петра, „аристокрація, олигархія губили отечество“, пока снова не явилась неограниченная власть въ лицѣ Анны Іоанновны.

Слѣдя за развитіемъ у насъ самодержавія, Карамзинъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ и самый характеръ его. Грознымъ было оно въ рукахъ московскихъ князей—и не утрачивало этого характера до самой Екатерины, которая его смягчила и „очистила отъ примѣсовъ тиранства“, не умаливъ однако его силы и достоинства. Послѣ Екатерины новый Іоаннъ IV вызвалъ къ себѣ уже не тѣ отношенія, какія были къ Іоанну московскому.

Такъ подготовилъ Карамзинъ почву, на которой онъ хотѣлъ дѣйствовать на императора Александра относительно возникшаго

тогда вопроса о формѣ правленія—вопроса, съ котораго авторъ Записки и начинаетъ вторую ея часть.

Онъ говоритъ, что тогда были два мнѣнія въ умахъ: „одни хотѣли, чтобъ Александръ, къ вѣчной славѣ своей, взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ, другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатеринина царствованія, столь счастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла. Стоя на сторонѣ послѣдняго мнѣнія, котораго онъ и былъ представителемъ, Карамзинъ возражаетъ противъ перваго: „Самодержавіе основало и воскресило Россію; съ переменною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей машинѣ производить единство дѣйствія?“ „Самодержавіе есть палладіумъ Россіи“.—Что же касается вопроса объ „обузданіи самовластія“, то,—говоритъ авторъ Записки,—„нашъ государь (Александръ) имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіи власти: да царствуетъ благодѣтельно, да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бранныхъ формъ удержи́тъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ?—страхомъ возбудить всеобщую ненависть, въ случаѣ противной системы царствованія.—Тиранъ можетъ иногда безопасно господствовать послѣ тирана; но послѣ государя мудраго—никогда! «Сладкое отвращаетъ насъ отъ горькаго», сказали послы Владимировы, извѣдавъ вѣры европейскія“.

Покончивъ съ вопросомъ о формѣ правленія, Карамзинъ переходитъ къ другимъ—и говоритъ, что хотя Александръ преисполненъ ревности къ общему благу,—правительство все-таки совершаетъ „важныя ошѣбки“.

Прежде всего авторъ Записки указываетъ на ошѣбки во внѣшней политикѣ. Въ виду выгоднаго для насъ,—по его мнѣнію,—взаимнаго отношенія между державами послѣ обращенія французской республики въ монархію, „основаніемъ россійской политики долженствовало быть желаніе всеобщаго мира, ибо война могла измѣнить состояніе Европы“. Между тѣмъ „Россія привела въ движеніе всѣ силы свои, чтобы помогать Англии и Вѣнѣ, т.-е

служить имъ орудіемъ въ ихъ злобѣ на Францію, безъ всякой особенной для себя выгоды“. Россія потерпѣла при Аустерлицѣ и Фридландѣ и кончила войну Тильзитскимъ миромъ, которому Карамзинъ не сочувствовалъ, ибо миръ этотъ имѣлъ „непосредственное вліяніе на внутреннее состояніе государства“. И въ этомъ отношеніи Карамзинъ также былъ выразителемъ чувства и мнѣнія большинства. Шильдеръ, считающій Тильзитскій миръ „дѣломъ разумнаго политическаго расчета“, говоритъ: „Въ тяжелыя минуты, послѣдовавшія послѣ Фридландскаго сраженія, императоръ Александръ не поколебался принести въ жертву долгу и Россіи свои личныя чувства и дорогія сердцу привязанности; примиреніемъ съ Наполеономъ онъ обезпечилъ отечество отъ непріятельскаго вторженія и приобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ для имперіи существенныя выгоды. Но то, что было ясно и осязательно для государя, не могло быть усвоено въ той же мѣрѣ современниками этихъ происшествій. Искусственно возбужденная ненависть противъ Наполеона и политическое недомысліе принялись подтачивать дѣло разумнаго политическаго расчета. На Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, коихъ наиболѣе коснулось просвѣщеніе, Тильзитъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе. Проигранныя сраженія, какъ Аустерлицъ и Фридландъ, не оскорбили народной чести; это были неудачи, какъ выразился современникъ, но не пятно; а Тильзитскій миръ Россія признала постыднымъ для себя. Когда же послѣдовалъ въ томъ же 1807 году разрывъ съ Англіею, вызвавшій остановку въ торговлѣ, затрудненія въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ ассигнацій, то союзъ съ Франціей сдѣлался предметомъ единодушнаго осужденія всѣхъ сословій государства“²²³). И Карамзинъ далѣе упрекаетъ правительство и за разрывъ съ Англіею и за наступившія финансовыя затрудненія, а также и за войну со Швеціей, на которую современники смотрѣли, какъ на желаніе Александра дѣйствовать въ угоду Наполеону. „Мы завоевали Финляндію“,—говоритъ авторъ Записки:— „пусть «Монитеръ» славить сіе приобрѣтеніе! Знаемъ, чего оно намъ стоило, кромѣ людей и денегъ. Государству, для его безопасности, нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честію, справедливостію, вредимъ послѣднему. Мы взяли Финляндію, заслуживъ ненависть шведовъ, укоризну всѣхъ народовъ,— и я не знаю, что было горестнѣе для великодушія Александра: быть побѣжденнымъ отъ французовъ или принужденнымъ слѣдовать ихъ хищной системѣ“.—Разъясненіе значенія этихъ словъ Карамзина находимъ у Шильдера. „Враж-

дебное настроеніе“,—говорить онъ,—„съ которымъ относились въ Россіи къ союзу съ Наполеономъ, привело къ странному явленію: наступательная война противъ шведовъ, этихъ старинныхъ враговъ имперіи, была громко осуждаема всѣми русскими, и успѣхи нашихъ войскъ почитались безславіемъ. Современникамъ этихъ событій казалось, что Александръ вооружился противъ слабаго сосѣда во исполненіе не своей собственной, а чужой воли, исходящей отъ ненавистнаго завоевателя и притѣснителя народовъ: въ новомъ приобрѣтеніи усматривали одно только незаконное насиліе“²²⁴).

Отъ внѣшней политики авторъ Записки переходитъ къ внутреннему управленію—и, подобно тому, какъ упрекалъ Петра, такъ упрекаетъ и Александра въ излишней любви къ заимствованію.—Рѣчь идетъ объ учрежденіи, по иностраннымъ образцамъ, министерствъ и Государственнаго Совѣта и, какъ выразился Кояловичъ, о „безцеремонномъ пересаживаніи на нашу русскую почву Кодекса Наполеона“²²⁵).

Отчего происходятъ заимствованія? — Оттого, — объясняетъ Карамзинъ,—что слишкомъ полагаются на *формы* и забываютъ *людей*. „Главная ошибка законодателей сего царствованія состоитъ въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности: оттого изобрѣтеніе разныхъ министерствъ и учрежденіе Совѣта и проч. Дѣла не лучше производятся только въ мѣстахъ и чиновниками другого названія. Послѣдуемъ иному правилу и скажемъ, что *не формы, а люди важны*... Итакъ, первое наше доброе желаніе есть—да способствуетъ Богъ Александру въ счастливомъ избраніи людей! Такое избраніе, а не учрежденіе Сената съ коллегіями, ознаменовало величіемъ царствованіе Петра во внутреннихъ дѣлахъ имперіи“.

По поводу идеи: „не формы, а люди важны“ Порфирьевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „совершенно справедливо, что самыя хорошія учрежденія не принесутъ пользы, если не будетъ хорошихъ исполнителей; но также справедливо и то, что хорошихъ дѣятелей могутъ создать только хорошія свободныя учрежденія и могутъ дать имъ возможность безпрепятственно исполнять законъ и достигать предуставленныхъ цѣлей“²²⁶).

Итакъ, по мнѣнію Карамзина, прежде всего слѣдуетъ заботиться о приисканіи хорошихъ дѣятелей. Но если бываютъ нужны реформы, то, какъ мы уже знаемъ, измѣненія—по взгляду автора Записки—должны происходить постепенно, какъ естественное воз-

растаніе, безъ порывовъ и насилія, такъ, чтобы новое соединялось со старымъ. Въ силу этого принципа Карамзинъ предлагалъ, въ случаѣ надобности, не заимствованіе чужихъ формъ, не перенесеніе ихъ цѣликомъ на нашу почву, а лишь улучшеніе, усовершенствованіе своихъ, старыхъ, или, какъ онъ сказалъ, *исправленіе ихъ по основательному разсмотрѣнію*. Въ силу этого же принципа Карамзинъ, отнесшійся въ „Вѣстникъ“ такъ сочувственно къ учрежденію министерствъ, теперь не одобрялъ его, равно какъ не одобрялъ и учрежденіе Государственнаго Совѣта, а тѣмъ болѣе заимствованія изъ Наполеонова Кодекса.

Но къ этому принципу наши ученые относятся не одинаково: Пыпинъ предложенную Карамзинымъ мѣру уподобилъ „*штюпанью стараго хлама*“²²⁷); Сергѣевичъ же, профессоръ русскаго права, упрекнулъ Петра именно за то, что онъ, устраивая у насъ судопроизводство, „*вмѣсто того, чтобы выяснитъ основныя начала нашего стараго порядка, развитъ то, что въ немъ было хорошаго, и положить конецъ дурному*,—обратился къ переводамъ съ нѣмецкаго“²²⁸).

Очевидно послѣ этого, что въ данномъ случаѣ вся суть въ вопросѣ: какъ же слѣдуетъ отнестись къ тому обстоятельству, что реформы Александра, а также и Петра, были основаны на заимствованіи? чего въ этомъ обстоятельствѣ было больше: худого или хорошаго?—Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ въ значительной степени осужденіе или оправданіе и Карамзина, какъ автора Записки. Разрѣшать же этотъ вопросъ есть дѣло специалистовъ: историковъ, юристовъ, администраторовъ. Наше же дѣло—указать лишь мысль Записки.

Политическая философія въ ней имѣла, слѣдовательно, такой видъ: важны государственные дѣятели, а не государственныя формы; на этомъ основаніи и нѣтъ надобности гнаться за чужими формами, а если нужно преобразование, то совершать его на исторической почвѣ, т.-е. удерживать старыя учрежденія и исправлять ихъ по основательному разсмотрѣнію, „*ибо*“—говоритъ Карамзинъ—„мы болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ, и все дѣлаемъ лучше отъ привычки“.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи Карамзинъ, безспорно, является консерваторомъ, но отнюдь не проповѣдникомъ застоя, косности, какъ то видитъ въ немъ новѣйшая критика. Но дѣло въ томъ, что Карамзинъ, какъ человѣкъ чувствительный, увлекающійся, вносилъ въ свою Записку такія выраженія, аргументировалъ ее такими мыслями, которыя дѣйствительно бросаются въ глаза, какъ

величайшія крайности, въ особенности, если брать ихъ отдѣльно внѣ связи съ цѣлымъ. Приведемъ для примѣра слѣдующія строки: „Вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ, исправлять по основательному разсмотрѣнію,—совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правила мудрыхъ, что *всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ которому надо прибѣгать только въ необходимости*“. Отмѣченная курсивомъ фраза, будучи взята отдѣльно, конечно, можетъ казаться проповѣдью застоя; однако въ связи съ требованіемъ „отмѣнить излишнее, прибавлять нужное, исправлять по основательному разсмотрѣнію“ она получаетъ свой истинный смыслъ и теряетъ характеръ указанной проповѣди.

Вообще надо замѣтить, что Карамзинъ значительно затемнилъ свою Записку внесеніемъ въ нее неясныхъ и противорѣчивыхъ выраженій. Такъ, на примѣръ, онъ, очевидно, недоволенъ современнымъ ему положеніемъ дѣлъ, въ особенности недоволенъ губернаторами. „Каковы нынѣ большею частію губернаторы? Люди безъ способностей и даютъ всякою неправдою наживаться секретарямъ своимъ, или безъ совѣсти и сами наживаются“.—Какую же мѣру предлагаетъ онъ? Онъ предлагаетъ найти хорошихъ людей. „Дѣла пойдутъ, какъ должно, если вы найдете въ Россіи 50 мужей умныхъ, добросовѣстныхъ, которые ревностно станутъ блюсти ввѣренное каждому изъ нихъ благо полумилліона россіянъ, обуздають хищное корыстолюбіе нижнихъ чиновниковъ и господъ жестокихъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа“. Выходитъ, что дѣло дѣйствительно не въ формахъ, а въ людяхъ. Но дальше сказано: „Если губернаторы не умѣютъ или не хотятъ дѣлать того, виною худое избраніе лицъ; *если не имѣютъ способа, виною худое образованіе губернскихъ властей*“ (т.-е. худая административная постановка ихъ). Выходитъ, что возможны и такіе случаи, когда дѣло не въ людяхъ, а въ формахъ. Еще примѣръ. Карамзинъ говоритъ, что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, и рядомъ съ этимъ признаетъ, что заведенная Петромъ новость—Сенать и коллегіи, благодаря умѣлому выбору людей, не только не оказалась „зломъ“, но и нисколько не помѣшала „величію царствованія Петра во внутреннихъ дѣлахъ имперіи“.

Такая неотчетливость Записки даетъ отрицательной критикѣ возможность сильно сгущать темныя краски — и вотъ причина,

почему въ то время, какъ одни видятъ въ Запискѣ „одно изъ правъ Карамзина на почтительную признательность потомства“²²⁹), другіе, основываясь на ней же, такъ легко развѣнчиваютъ его и выставляютъ проповѣдникомъ застоя²³⁰), а третьи даже прямо отказываются понимать ее. Баронъ Корфъ говоритъ: „Карамзинъ, какъ человѣкъ умный и добросовѣстный, не могъ... не желать улучшеній. Но чего именно онъ желалъ, то остается, для насъ по крайней мѣрѣ, неразгаданнымъ“²³¹).

Но какъ бы ни было, для исторіи нашей общественной мысли въ Александровскую эпоху Записка Карамзина важна не менѣе проектовъ Сперанскаго. Если эти послѣдніе свидѣтельствуютъ о стремленіи извѣстной части общества примѣнить къ русской жизни европейскія государственныя формы, то первая свидѣтельствуесть о томъ, что другая часть общества усиленно сопротивлялась этому стремленію.

Для полноты очерка Записки, мы должны остановиться еще на нѣкоторыхъ мѣстахъ ея.

Карамзинъ и въ Запискѣ затронулъ крестьянскій вопросъ. Точно такъ же, какъ и въ „Письмѣ сельскаго жителя“, онъ боится дать свободу людямъ раньше, чѣмъ они подготовлены къ ней воспитаніемъ. „Не знаю“,—говоритъ онъ,—„хорошо ли сдѣдалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу (ибо тогдашнія обстоятельства не совершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратитъ оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу, къ которой надобно готовить человѣка нравственнымъ исправленіемъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства служатъ ли къ тому спасительнымъ приготовленіемъ?“—Но въ Запискѣ выставлена Карамзинымъ и еще одна причина его страха въ вопросѣ объ освобожденіи: вопросъ *земельный*. Рѣчь тогда шла лишь объ освобожденіи личномъ; до освобожденія съ землею додумались позднѣе—и потому Карамзинъ пишетъ: „Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть и спора) есть собственность дворянская. Они или останутся у помѣщиковъ съ условіемъ платить имъ оброкъ, обрабатывать господскія поля, доставлять хлѣбъ,

куда надобно, — однимъ словомъ, для нихъ работать, какъ и прежде; или, недовольные условіями, пойдутъ къ другому, умѣреннѣйшему въ требованіяхъ владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь челоука къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность: тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ его: тяжбы, вѣчныя тяжбы! Во второмъ случаѣ, буде крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей? не потерпитъ ли и земледѣліе?“

Безземелье крестьянъ, тяжбы, „навыки рабовъ“, отсутствіе надзора помѣщика—все это „какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности... Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость государства; благотворить сословіямъ и лицамъ—есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливые свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? И будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ?“

Но разсматриваемое мѣсто Записки болѣе всего замѣчательно тѣмъ, что Карамзинъ тутъ интересы государства ставитъ выше не только интересовъ частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ сословій. Уваженіе къ „государству“ высказывалось Карамзинымъ и въ первые годы его литературной дѣятельности, но тогда оно заслонялось его любовью къ „человѣчеству“: Въ Запискѣ же челоучество, общество уступило первенствующее мѣсто государству. Въ общемъ взглядѣ на крестьянскій вопросъ автора Записки явился болѣе сухимъ, чѣмъ въ „Письмѣ сельскаго жителя“: повидимому, Карамзинъ и тутъ не безусловный врагъ освобожденія, ибо говоритъ не просто о свободѣ, а о свободѣ, данной не во-время, но остальные его рѣчи парализуютъ эту условность. Тутъ есть какое-то противорѣчіе, есть что-то недосказанное.

Критикуя различныя правительственныя мѣры, Карамзинъ коснулся и министерства народнаго просвѣщенія. „Всѣ намѣренія Александровы клонятся къ общему благу. Гнушаясь безсмысленнымъ правиломъ держать умы въ невѣжествѣ, чтобы властвовать тѣмъ спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для основанія универ-

ситетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію, видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества. Выписали профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ латинскій, и число ихъ такъ не велико, что профессора теряютъ охоту ходить въ классы. Вся бѣда оттого, что мы образовали свои университеты по нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства... вмѣсто 60 профессоровъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи въ Москву и другіе города, я вызвалъ бы не болѣе 20 и не пожалѣлъ бы денегъ для умноженія числа казенныхъ питомцевъ въ гимназіяхъ; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призрачная бѣдность черезъ 10 или 15 лѣтъ произвела бы въ Россіи ученое состояніе. Смѣю сказать, что нѣтъ иного дѣйствительнѣйшаго средства для успѣха въ семъ намѣреніи. Строить, покупать дома для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ—есть пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ, даже въ Харьковѣ и Казани? А въ Москвѣ съ величайшимъ трудомъ можно найти учителя для языка русскаго, а въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе“.

Положимъ, что для своей критики Карамзинъ имѣлъ нѣкоторое основаніе: дѣйствительно были слушатели, которые „не разумѣли иноземныхъ учителей“, о чемъ говоритъ и Сухомлиновъ въ своемъ очеркѣ; примемъ во вниманіе и то, что въ 1811 году еще нельзя было видѣть то огромное значеніе тогдашнихъ университетовъ, о которомъ мы узнаемъ изъ того же очерка: но и при всемъ томъ нельзя не сочувствовать негодованію Пыпина, высказанному имъ по поводу этого мѣста Записки. „Вся тирада о министерствѣ народнаго просвѣщенія“ — говоритъ Пыпинъ — „есть одно изъ самыхъ жалкихъ мѣстъ въ Запискѣ. Въ словахъ Карамзина слышится такое недоброжелательство, которое даже нелегко себѣ объяснить, и которое производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, если вспомнить, что эти слова говорились однимъ изъ первыхъ людей тогдашней литературы и образованнаго общества... Чѣмъ же онъ недоволенъ? Основаніе университетовъ кажется ему только прискорбнымъ убыткомъ для казны! У него нѣтъ и мысли о томъ, что если бы даже были какія ошибки въ дѣйствіяхъ министерства, то онѣ были бы весьма извинительны при первыхъ опытахъ и особенно, когда эти опыты надо было дѣлать въ странѣ,

къ сожалѣнію, слишкомъ невѣжественной. Въмѣсто доброжелательнаго совѣта, у Карамзина нашлись только раздражительныя осужденія. Не говоря о томъ, что человѣку, истинно любящему просвѣщеніе, не пришло бы въ голову жаловаться на *такія* траты правительства, Карамзинъ забываетъ, что если бы тутъ и въ самомъ дѣлѣ иныя траты оставались на первое время непроизводительными, *этотъ* убытокъ все-таки не могъ быть такъ великъ и вреденъ, какъ другого рода убытки, къ которымъ издавна привыкла русская казна — убытки отъ всякаго чиновческаго грабежа и воровства, убытки въ родѣ тѣхъ, на какіе жалуется Карамзинъ, говоря о временахъ Екатерины и т. д., наконецъ, что этотъ убытокъ долженъ былъ вознаграждаться полезнымъ дѣйствіемъ на общество правительственной заботы о просвѣщеніи (какъ это и было) и тѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ, какого можно было ожидать отъ ученыхъ заведеній впослѣдствіи. Онъ жалуется, что правительство основало университеты, но не приготовило учениковъ; но, во-первыхъ, рядомъ съ университетами основаны были приготовительныя школы и гимназіи, которыя открывали путь въ университетъ; во-вторыхъ, правительство могло рассчитывать на прежнія учебныя заведенія... И все это говорилъ тотъ же человѣкъ, который съ чувствительностью и жаромъ толковалъ бывало о просвѣщеніи, которое должно привести людей къ благополучію“ ²³²).

Но Карамзинъ все-таки не сошелъ со сцены, не загладивъ своего проступка: въ 1818 г. въ торжественномъ собраніи Императорской Россійской Академіи произнесена была имъ рѣчь, въ которой онъ снова явился прежнимъ поклонникомъ наукъ, искусствъ и вообще—просвѣщенія.

Есть однако въ Запискѣ Карамзина и такія мысли, къ которымъ даже отрицательные его критики не могутъ не отнестись сочувственно. Такова, на примѣръ, мысль объ отыскиваніи и возвышеніи способныхъ людей. Петръ „имѣлъ страсть къ способнымъ людямъ, искалъ ихъ въ кельяхъ монастырскихъ и въ темныхъ каютахъ: тамъ нашелъ Теофана и Остермана... Обстоятельства иныя, и скромныя, тихія свойства души отличаютъ Александра отъ Петра, который вездѣ былъ самъ, со всѣми говорилъ, всѣхъ слушалъ—и бралъ на себя по одному слову, по одному взору, рѣшить достоинство человѣка; но да будетъ то же правило: *искать людей*. Кто имѣетъ довѣренность государя, да замѣчаетъ ихъ вдали для самыхъ первыхъ мѣстъ. Не только въ республи-

кахъ, но и въ монархіяхъ кандидаты должны быть назначены единственно по способностямъ. Всемогущая рука единовластителя одного *ведетъ*, другого *мчитъ* на высоту; медленная постепенность есть законъ для множества, а не для всѣхъ. Кто имѣетъ умъ министра, не долженъ посѣдѣть въ столоначальникахъ или секретаряхъ. Чины унижаются не скорымъ ихъ пріобрѣтеніемъ, но глупостію и безчестіемъ сановниковъ.

VII. Характеръ и значеніе Карамзина, какъ литературнаго дѣятеля въ Александровскую эпоху.

Мы уже имѣемъ представленіе о Карамзинѣ, какъ литературномъ дѣятелѣ до-Александровской эпохи. Это былъ писатель, у котораго на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о нравственномъ бытіи челоуѣка, о его счастіи, наслажденіи, страданіи. Въ Александровскую эпоху Карамзинъ останавливаетъ почти все свое вниманіе на Россіи: теперь главнымъ предметомъ его чувствительности является ужъ не *человѣчество*, а *Россія*, или, какъ онъ любилъ выражаться, „любезное отечество“.—Но что измѣнилось съ такою перемѣною объектовъ чувствительности? - Измѣнилось, конечно, многое, но далеко не все: Карамзинъ изъ литератора превратился въ политика, публициста, историка, измѣнилъ нѣкоторыя свои взгляды, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ очень многомъ остался вѣренъ тому, съ чѣмъ вошелъ въ новую эпоху.

Мы думаемъ, что для уясненія Карамзина, какъ писателя Александровской эпохи, прежде всего слѣдуетъ разобратъся въ различныхъ его мысляхъ и чувствахъ и указать, что въ нихъ еще прежнее и что новое.

Мы знаемъ, что Карамзинъ былъ энтузіастомъ умственнаго и нравственнаго достоинства челоуѣка: стоялъ за просвѣщеніе, за добродѣтель, за справедливость. Эта свѣтлая сторона его отразилась и въ произведеніяхъ Александровской эпохи. Соберемъ факты.

Одной изъ господствующихъ мыслей Карамзина, какъ писателя до-Александровской эпохи, была: „просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія“. Эта же мысль повторена имъ и въ статьѣ: „Пріятные виды...“, гдѣ сказано, что просвѣщеніе есть „источникъ благородной нравственности“. Мысль, что счастье зависитъ отъ просвѣщенія, сохранена и въ первой одѣ императору Александру, въ стихѣ: „Наукой счастливъ челоуѣкъ“. Далѣе видимъ, что Ка-

рамзинъ и счастье государства ставить въ зависимость отъ просвѣщенія: въ одной изъ статей „Вѣстника Европы“ онъ говоритъ, что безъ просвѣщенія государство не можетъ наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, ибо недостатокъ просвѣщенія рождаетъ злоупотребленія, несправедливости²³³). Безъ просвѣщенія,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — „люди служатъ только одному идолу подлой корысти“²³⁴). На основаніи всего этого Карамзинъ въ своемъ „Вѣстникѣ“ радуется, что Александръ размножаетъ университеты, гимназіи, и въ особенности радуется желанію императора: „да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ“. Заботы издателя „Вѣстника“ о просвѣщеніи доходятъ даже до того, что онъ рекомендуетъ правительству мѣры „имѣть въ Россіи довольно учителей“. Въ виду того, что наши дворяне того времени, „учась не доучивались“, Карамзину поневолѣ пришлось остановиться на низшихъ слояхъ и совѣтовать правительству создать ученое сословіе, въ особенности педагоговъ, путемъ „призрѣнія бѣдности“; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремился возвысить это сословіе въ глазахъ общества. Въ статьѣ объ учителяхъ читаемъ такіа слова автора: „если въ другихъ земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и старѣйшихъ въ гражданскомъ образованіи, ученый дворянинъ есть нѣкоторая рѣдкость, то можемъ ли въ Россіи ждать благородныхъ на профессорскую кафедру? Хотя—признаюсь—я душевно бы обрадовался первому феномену въ семь родѣ. Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человекъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человека. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленія: какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно и приближать счастливую эпоху порядка, мира, благоденствія!“²³⁵). Не забылъ Карамзинъ нравственно возвысить и народнаго учителя. Этотъ скромный труженикъ,—по его словамъ,— „можетъ скорѣе возгордиться нежели унизиться въ своихъ чувствахъ“²³⁶). Съ удовольствіемъ привѣтствуя открытіе публичныхъ лекцій при Московскомъ университетѣ, Карамзинъ высказываетъ надежду, что лекціи эти современемъ умножатъ у насъ число „любителей учености“²³⁷). Правда, дисгармонію съ такимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ просвѣщенію составляетъ странное мѣсто „Записки“ объ университетахъ²³⁸); но это—лишь временный диссонансъ: въ академической рѣчи Карамзина 1818 г., о которой

будемъ говорить еще, мы видимъ въ немъ все того же поклонника просвѣщенія, возлагающаго на него великія надежды. „Вѣкъ Перикловъ, Августовъ“—говоритъ ораторъ—„еще впереди для Россіи: да настанетъ онъ въ благословенное царствованіе Александра I, и да назовется его великимъ именемъ. По крайней мѣрѣ желаемъ того. Видимъ новыя училища, новыя средства воспитанія, новыя ободренія для наукъ и талантовъ; видимъ счастливыя дарованія, любовь ко знаніямъ и къ изящному, несомнительныя успѣхи языка и вкуса, сильнѣйшее движеніе въ умахъ — и слѣдственно можемъ надѣяться“. Что Карамзинъ не сочувствовалъ крайностямъ реакціоннаго движенія при Голицынѣ — объ этомъ можно судить по письму его къ Дмитріеву отъ 9 февраля 1822 г., гдѣ рѣчь идетъ о строгости цензуры и объ увольненіи профессоръ Петербургскаго университета за „вольномыслие“. Въ письмѣ этомъ читаемъ: „Наконецъ явился Жуковскій, съ любовью къ Берлину... Говоритъ, будто въ Берлинѣ сердца теплѣе и умы дѣятельнѣе: чего добраго! Здѣсь тепла только зима, а наши литераторы жалуются на лѣнь и цензуру. — Ты слышалъ о судѣ профессоровъ: говорятъ, что дѣло кончилось въ комитетѣ министровъ отрѣшеніемъ Германа, Раупаха и Арсеньева, но безъ дальнѣйшей казни. Ожидаютъ конфирмаціи. Еще неизвѣстно, получить ли Руничъ награжденіе блестящее, котораго требуетъ для него министръ просвѣщенія, какъ сказываютъ... Нашъ почтенный Шишковъ говоритъ: „поздно хватились, я давно обнаруживалъ нечестіе!“ Другіе думали, что надлежитъ закрыть классы, гдѣ преподавалось якобинство и атеизмъ, т.-е. исторія и статистика; но люди благоразумные не согласились съ ними“²³⁹). Министерство же Шишкова, не сочувствовавшаго распространенію грамотности, Карамзинъ, какъ знаемъ, называлъ министерствомъ затменія — и 30 дек. 1824 г. не безъ ироніи писалъ тому же Дмитріеву: „Читалъ ли ты рѣчи министра просвѣщенія? Возставать противъ грамоты есть умножать къ ней охоту: слѣдственно дѣйствіе хорошо и достойно цѣли министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится объ ту и другую, а все плыветъ. Я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ: т.-е. увѣренъ въ милости Божіей“.

Явившись въ первую половину своей литературной дѣятельности энтузіастомъ нравственнаго достоинства челоѣка, Карамзинъ является таковымъ и въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ. Уже не говоря о его стихотвореніи: „Къ Добродѣтели“ и другихъ разсѣянныхъ тамъ и сямъ выраженіяхъ, свидѣтельствую-

щихъ о томъ, что имъ не забыта его прежняя этика, его прежняя идея о „небесномъ санѣ“ человѣка,—вспомнимъ его „Исторію“ и въ особенности слѣдующія слова его: „правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ“. Далѣе вспомнимъ его гуманныя требованія, высказанныя имъ и въ „Похвальномъ словѣ императрицѣ Екатеринѣ“, и въ „Вѣстникѣ“, и въ „Запискѣ“. Чѣмъ велика Екатерина?—Тѣмъ, что она „уважила въ подданномъ санѣ человѣка, нравственнаго существа, рожденнаго для счастья въ гражданской жизни“, смягчила самодержавіе, очистила его отъ примѣсовъ тиранства. И рядомъ съ этимъ вспомнимъ его рѣчи объ ужасахъ при Грозномъ, о Тайной канцеляріи при Аннѣ, Елисаветѣ и Петрѣ, и вспомнимъ его отзывъ о правленіи Павла, а затѣмъ—его благоговѣйное отношеніе къ императору Александру, какъ къ „красѣ человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ“. Наконецъ, по взгляду Карамзина, подобно тому, какъ просвѣщеніе нужно не только отдѣльному человѣку, но и всему государству,—такъ и добродѣтель нужна и отдѣльнымъ людямъ и государству. „Государству нужно не только физическое, но и нравственное могущество“, говоритъ онъ въ „Запискѣ“ по поводу завоеванія Финляндіи.

Еще въ „Письмахъ“ своихъ, касаясь политическихъ вопросовъ, Карамзинъ требовалъ справедливости, законности²⁴⁰). Это требованіе безпрестанно повторяетъ онъ и послѣ. Въ „Исторіи“ онъ указываетъ какъ на одну изъ слабыхъ сторонъ древней Руси именно то, что въ ней была „несправедливость и неурядица“²⁴¹). Желаемой степени справедливости не достигла и Екатерина: „правосудіе не цвѣло въ сіе время“, жалуется авторъ „Записки“²⁴²). Между тѣмъ „государь долженъ быть отцомъ подданныхъ, блюсти справедливость“²⁴³). Отсюда неоднократные совѣты Карамзина правительству обратить вниманіе не только на изданіе законовъ, ясныхъ и систематическихъ, но и на „истребленіе злоупотребленій“.

Во всемъ указанномъ здѣсь Карамзинъ рисуется намъ такимъ же, какимъ мы видѣли его и въ до-Александровскую эпоху. Но рядъ другихъ фактовъ обнаруживаетъ въ немъ и нѣчто новое, а именно: сильное увлеченіе *государствомъ, какъ величественнымъ политическимъ тѣломъ*, увлеченіе, вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ съ нѣкотораго времени сталъ обращать особенное вниманіе на Россію и ея исторію—и подобно тому, какъ прежде поражался величіемъ вселенной, такъ теперь поразился

величіемъ огромнаго Русскаго государства, и въ своей одѣ на коронованіе уже назвалъ Россію „почтеннымъ и величавымъ колоссомъ, вѣнцомъ земныхъ царствъ“.

Какъ только Карамзинъ остановился передъ этимъ могущественнымъ колоссомъ, должны были, разумѣется, всплыть и всѣ тѣ мысли и чувства, которыя уже раньше связывались у него съ мыслью о государствѣ—и вотъ у него мало-помалу образуется цѣлая сѣть понятій, представленій и чувствъ, въ сотканіи которой принимаютъ участіе многіе элементы. Прежде всего играетъ роль оптимистическое воззрѣніе Карамзина на государство, воззрѣніе, о которомъ мы уже говорили подробно въ своемъ мѣстѣ ²⁴⁴); далѣе—вынесенное имъ еще изъ пансіона Шадена уваженіе къ монархіи; затѣмъ—впечатлѣнія отъ французской революціи, отъ анархіи, и выводы, сдѣланные имъ изъ наблюденія надъ республиками ²⁴⁵); потомъ—такое представленіе о ходѣ государственнаго развитія Россіи, по которому она „основалась единовластіемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась самодержавіемъ“; наконецъ—удивленіе предъ величіемъ современной Карамзину Россіи. Кромѣ того, занятія исторіей внушаютъ Карамзину мысль, что нравственное могущество государствъ опирается на „духъ народный“, или иначе, по объясненію Карамзина, на уваженіе гражданъ къ своему народному достоинству ²⁴⁶).

Подъ вліяніемъ всего этого слагается такая политическая теорія Карамзина. Государство есть нѣчто священное; „гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ“. „Власть есть для народа не тиранство, а защита отъ тиранства“. Государство сильно „нравственнымъ уваженіемъ къ сану властителя“ и „духомъ народнымъ“. Недостатки исправляются временемъ: просвѣщеніемъ и „благою волею законныхъ правительствъ“. Реформы должны совершаться на исторической почвѣ, „какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія“ и „по основательному разсмотрѣнію“. Частные люди должны „имѣть довѣренность къ дѣйствию времени и мудрости властей“—и „жить спокойно, повиноваться охотно“. Самыя счастливыя государства—самодержавныя, ибо „нѣтъ порядка безъ власти самодержавной“. Для Россіи же самодержавіе необходимо вдвойнѣ: и потому, что имъ держится порядокъ (ибо „что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія?), и потому, что имъ создалось величіе Россіи, этого могучаго „колосса“. „Самодержавіе есть полладіумъ Россіи“.

Такимъ образомъ мы находимъ у Карамзина двѣ сѣти понятій, представленій и чувствъ, изъ которыхъ въ одной главнымъ предметомъ были *люди, общество*, а въ другой—*государство*. Въ одной Карамзинъ являлся *либеральнымъ и гуманнымъ философомъ*, въ другой—*консервативнымъ политикомъ*, подчасъ *жесткимъ*. Эта жесткость является у него новою чертою, какъ результатъ его увлеченія государствомъ.

Въ чемъ же выразилась эта новая черта? — Политическая теорія Карамзина сама по себѣ не мѣшала ему быть гуманнымъ, стоять за справедливость, хвалить императрицу Екатерину за то, что она уважила въ подданномъ санъ человѣка, и вообще не мѣшала ему высказываться въ такомъ духѣ, который и самая недружелюбная къ нему критика находитъ болѣе или менѣе согласнымъ съ новыми вѣяніями Александровской эпохи. Карамзинъ даже, какъ авторъ „величественной поэмы, воспѣвающей государство“, остается вообще человѣкомъ очень гуманнымъ, и, думая о пользѣ государства, сердцемъ сочувствуетъ и новгородцамъ. Но съ другой стороны — и гуманныя философія его иногда нисколько ему не мѣшала увлечься государствомъ до того, что политикъ въ немъ становился въ противорѣчіе съ философомъ: тогда мягкость чувства смѣнялась значительной жесткостью.

Самымъ рѣзкимъ примѣромъ жесткости служить то мѣсто „Записки“, гдѣ Карамзинъ по поводу крестьянскаго вопроса говорить, что „для твердости бытія государственнаго безопаснѣе *поработитъ* людей, нежели дать имъ не во-время свободу“, и говорить это сухо, не смягчая никакой оговоркой въ родѣ той, какая сдѣлана имъ въ „Исторіи“ относительно покоренія Новгорода ²⁴⁷) (о „Марѣѣ Посадницѣ“ мы ужъ и не упоминаемъ).—Другое рѣзкое противорѣчіе обнаруживается при сопоставленіи отношенія Карамзина къ Екатеринѣ и къ Іоанну III. Императрица Екатерина не только въ „Похвальному слову“, но и въ „Запискѣ“ изображена идеальной правительницей потому между прочимъ, что была преисполнена гуманныхъ идей и чувствъ, „не хотѣла повелѣвать, какъ земной богъ“, внушала къ себѣ не страхъ, а любовь, и хотя „царскимъ долгомъ побѣждала нѣжность своего сердца“, однако „служила совершеннѣйшимъ образцомъ той высокой добродѣтели, которую могутъ имѣть одни Небеса: милосердія!“ Іоаннъ III представленъ также идеальнымъ правителемъ, и именно потому между прочимъ, что онъ, „разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ для россиянь“, который хотя и восхищаль милостію, но и „ужасаль гнѣвомъ“.—Найдутся у Карамзина и еще случаи

противорѣчія, какъ слѣдствіе его увлеченія государствомъ. Такъ, на примѣръ, онъ, являясь обыкновенно консерваторомъ умѣреннымъ и вовсе не проповѣдникомъ застоя, не противникомъ реформъ въ принципѣ, а лишь противникомъ способа ихъ введенія,—вдругъ обмолвится такой фразой, какъ „всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло“.

Изъ всего сказаннаго нами о Карамзинѣ ясно, почему въ нашей литературѣ существуютъ о немъ столь противоположныя представленія и отзывы. И дѣйствительно, критиковъ Карамзина раздѣляетъ на два лагеря не только солидарность или несолидарность съ нимъ въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ, на примѣръ, вопросъ объ историческомъ ходѣ развитія нашего государства или вопросъ о заимствованіи изъ Запада государственныхъ учреждений, но раздѣляетъ ихъ и самая, такъ сказать, двойственная личность этого писателя, у котораго одинаково легко набрать фактовъ какъ для панегирика ему, въ родѣ сочиненія Погодина, такъ и для развѣнчанія его, въ томъ родѣ, какъ это сдѣлано Ивановымъ. Конечно, ни то ни другое не можетъ соответствовать истинѣ. Панегиристы Карамзина обходятъ его увлеченія; развѣнчивающая критика слишкомъ на нихъ налегаетъ. Притомъ же послѣдняя болѣе всего останавливается на „Запискѣ“. Между тѣмъ она не была заключительнымъ словомъ Карамзина: право считается таковымъ словомъ имѣеть не „Записка“, а академическая рѣчь Карамзина 1818 года. А изъ этой рѣчи видно, что къ этому времени многое въ немъ улеглось, сгладилось, со многимъ онъ примирился: его опасенія за народность,—можетъ быть, нѣсколько излишнія,—исчезли; его любовь къ государству является уже вполне примиренною съ любовью къ человѣчеству; его патриотизмъ выражается въ желаніи видѣть Россію не только могущественнымъ государствомъ, но и страной, слава которой „да будетъ славою человѣчества“.

Рѣчь, о которой мы говоримъ теперь, посвящена словесности. Обращаясь къ членамъ Россійской Академіи, Карамзинъ ставитъ одною изъ задачъ ихъ—„посвятить часть досуговъ своихъ критическому обозрѣнію россійской словесности“. Сказавъ (о чемъ мы уже знаемъ ²⁴⁸), что критика должна быть снисходительной и ободряющей, ораторъ далѣе говоритъ, что хотя послѣ реформъ Петра мы стали европейцами, однако не перестали быть и русскими. „Петръ Великій, могущею рукою своею преобразивъ отечество, сдѣлалъ насъ подобными другимъ европейцамъ. Жалобы

безполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ россіянъ прервалася навѣки... Съ другой стороны, Петръ Великій, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего коренного русскаго... Сіи остатки, дѣйствіе ли природы, климата, естественныхъ или гражданскихъ обстоятельствъ, еще образуютъ народное свойство россіянъ... Сходствуя съ другими европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ что хотя и не можно иногда отличить россіянина отъ британца, но всегда отличимъ россіянъ отъ британцевъ: во *множествѣ* открывається *народное*. Сію истину отнесемъ и къ словесности“. Она тоже стала европейскою, но не перестала быть и русскою. „Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ; ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго ихъ просвѣщенія“... Но, „будучи зеркаломъ ума и чувства народнаго“, словесность наша „также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ французовъ, имѣемъ и свой собственный: хвалимъ, чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть *звуки сердца русскаго*, есть *игра ума русскаго* въ произведеніяхъ нашей словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ“.

Рѣчь заканчивается такими строками, изъ которыхъ ясно видно, что у Карамзина опять всплыла мысль объ умственныхъ и нравственныхъ успѣхахъ человѣчества. Но теперь эта мысль соединена и съ другой важной мыслью: Россія можетъ и должна принять въ этихъ успѣхахъ участіе. „Для того ли образуются“, — говоритъ ораторъ, — „для того ли возносятся державы на земномъ шарѣ, чтобы единственно изумлять насъ грознымъ колоссомъ силы и его звучнымъ паденіемъ; чтобы одна, низвергая другую, чрезъ нѣсколько вѣковъ обширною своею могилою служила вмѣсто подножія новой державѣ, которая въ чреду свою падеть неминуемо? Нѣтъ! и жизнь наша и жизнь имперій должны содѣйствовать раскрытію великихъ способностей души человѣческой; *здѣсь все для души, все для ума и чувства; все бессмертно въ ихъ успѣхахъ!* Сія мысль, среди гробовъ и тлѣнія, утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ. Возвеличенная, утвержденная побѣдами, да сіяетъ Россія всѣми блестящими дарами ума бессмертнаго; да умножаетъ богатства наукъ и словесности; да слава Россіи будетъ славою человѣчества“.

Въ этой же рѣчи сказано о нашихъ писателяхъ: „Хорошо писать для Россіи; еще лучше писать для всѣхъ людей“.

Такимъ образомъ, бросая общій взглядъ на тотъ путь, который пройденъ Карамзинымъ отъ написанія „Похвальнаго слова Екатеринѣ“ до произнесенія рѣчи въ Академіи, мы видимъ, что указанныя нами двѣ сѣти его понятій, представленій и чувствъ наиболѣе расходились именно въ серединѣ этого пути, а наиболѣе примиренными являются въ его началѣ и въ концѣ. Если Карамзина характеризовать не на основаніи только одного промежуточнаго періода его дѣятельности, къ которому относится между прочимъ и „Записка“, а на основаніи того, что имъ высказывалось болѣе или менѣе постоянно, и въ особенности—на основаніи того, что имъ говорилось въ самые зрѣлые его годы,—то придется сказать о немъ слѣдующее. Это былъ писатель, убѣжденный, что Россія должна оставаться государствомъ самодержавнымъ. Характеръ самодержавія долженъ быть такимъ, какимъ его опредѣлила императрица Екатерина II. При такомъ положеніи дѣла Россія, сдѣлавшись величавымъ колоссомъ, какъ государство, можетъ и должна, не утрачивая своей народности, идти рядомъ съ Европой и принимать наравнѣ съ ней участіе въ умственномъ и нравственномъ прогрессѣ человѣчества.

До сихъ поръ мы занимались опредѣленіемъ общаго характера Карамзина, какъ писателя Александровской эпохи. Среди этого общаго было много такого, что вызывало и вызываетъ къ себѣ—у однихъ сочувствіе, а у другихъ несочувствіе, при чемъ многіе вопросы и до сихъ поръ остаются спорными. Спорными называлъ ихъ и Пыпинъ²⁴⁹). Но вмѣстѣ съ тѣмъ была въ дѣятельности Карамзина и такая сторона, которая *безспорно* признается его заслугой передъ русскимъ обществомъ. Сторона эта заключается въ слѣдующемъ.

Карамзинъ и въ Александровскую эпоху продолжалъ воспитывать въ русскомъ человѣкѣ „человѣка“. Вспомнимъ отзывъ Бестужева-Рюмина о нравственномъ значеніи „Исторіи государства Россійскаго“, которую онъ называетъ произведеніемъ „благороднымъ“ какъ вслѣдствіе сочувствія автора „ко всему великому въ природѣ человѣческой“, такъ и вслѣдствіе его „отвращенія отъ всего низкаго и грубаго“²⁵⁰). Даже въ крестьянскомъ вопросѣ, въ которомъ Карамзинъ былъ наименѣе чувствителенъ, слова его въ „Вѣстникѣ Европы“ могли имѣть для многихъ важное зна-

ченіе: онъ напоминалъ помѣщикамъ объ ихъ обязанности не только заботиться объ улучшеніи быта своихъ крѣпостныхъ, но и считать ихъ „людьми и братьями по человѣчеству и христіанству“. „Вѣстникомъ“ и „Исторіей“ продолжалось то великое дѣло смягченія нравовъ, которое началось переводомъ Геснеровой идилліи, — и Бестужевъ-Рюминъ, какъ мы видѣли, замѣчаетъ, что „поколѣніе, воспитанное Карамзинымъ, уже не могло повторить Куралесова или Салтычиху“²⁵¹).

Содѣйствуя смягченію нравовъ, Карамзинъ въ то же время вліялъ на общество и какъ патріотъ. Говоря о Россіи всегда съ особеннымъ жаромъ; питая благоговѣйное уваженіе къ предкамъ, „изготовившимъ наше величіе;“ дорожа всякимъ воспоминаніемъ, связаннымъ съ какимъ-нибудь великодушнымъ ихъ подвигомъ, онъ пробуждалъ эти чувства и въ читателяхъ — чувства, которыя, какъ онъ указывалъ, отличаютъ самые образованнѣйшіе народы міра. Но особенно полезенъ былъ Карамзинъ для тѣхъ членовъ общества, которые ужъ слишкомъ далеко заходили въ своемъ критическомъ отношеніи къ Россіи и ко всему русскому. Онъ стремился обратить вниманіе этихъ людей на Россію, показать имъ, что она — страна все же не варварская, имѣетъ много славнаго въ своемъ прошломъ и можетъ надѣяться на славное въ будущемъ; говорилъ, что будущее Россіи во многомъ зависитъ отъ самого же общества — и указывалъ ему на необходимость благотворной дѣятельности какъ въ сферѣ общественной, такъ и семейной жизни; совѣтовалъ быть разумнымъ въ подражаніи и заимствованіи, позаботиться о самобытности, о національномъ воспитаніи; укорялъ за небрежное отношеніе къ отечественной словесности, за предпочтеніе чужого языка родному, за отсутствіе интереса къ родной старинѣ. Наконецъ нельзя не согласиться съ Пушкинымъ, что Карамзинъ открылъ тогдашнему обществу русскую исторію, какъ Колумбъ открылъ свѣту Америку. Каковы бы ни были научныя ошибки въ „Исторіи государства Россійскаго“, во всякомъ случаѣ она важна ужъ тѣмъ, что съ появленіемъ ея сталъ невозможнымъ такой взглядъ на до-Петровскую Русь, какой прежде высказывали Завадовскій и Батюшковъ.

Свободу Карамзинъ понималъ не такъ, какъ понимали ее современные ему либералы. Но и при своемъ пониманіи онъ высказывалъ много такихъ гуманныхъ идей, на которыхъ мирились съ нимъ и самые передовые либералы. Таковы, на примѣръ, его рѣчи о просвѣщеніи, о законности, о справедливости, о нестѣснительной цензурѣ.

Если, подводя итоги дѣятельности Карамзина, надо считаться съ отрицательными его критиками, то нельзя не принимать во вниманіе и мнѣнія такихъ лицъ, которыя, какъ напр. Гротъ, полагаютъ, что „близкое знакомство съ Карамзинымъ сдѣлалось навсегда необходимымъ элементомъ образованія для каждаго русскаго“²⁵²).

Наконецъ нельзя забывать и великія литературныя заслуги Карамзина. О нихъ мы уже говорили, когда подводили итоги его дѣятельности въ до-Александровскую эпоху²⁵³). Въ послѣдующіе затѣмъ годы заслуги эти, не смотря на то, что Карамзинъ отказался отъ критики, росли все болѣе и болѣе — и самая важная изъ нихъ не та, конечно, которая касается какого-нибудь отдѣльнаго рода произведеній, а та, которая имѣла значеніе для всей нашей послѣдующей литературы. Заслуга эта состоитъ въ томъ, что Карамзинъ придалъ нашей литературѣ то *изящество языка*, какого она до него, говоря вообще, не имѣла. На этой сторонѣ его дѣятельности намъ теперь и остается остановиться.

VIII. Преобразование Карамзинымъ нашего литературнаго языка.

Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ статьѣ академика Грота: „Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка“, помѣщенной въ первомъ томѣ его „Филологическихъ разысканій“ (Спб. 1885 г. изд. 3-е, стр. 61—132). Здѣсь же мы извлечемъ изъ этой статьи только самое существенное.

Въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ, — говоритъ Гротъ, — и улучшенія въ русской письменной рѣчи начались еще до Карамзина; но они никѣмъ не были проведены въ общее сознаніе, не сознавались даже самими писателями, у которыхъ встрѣчаются. Хорошее является у нихъ вмѣстѣ съ дурнымъ, нѣтъ выдержанности, нѣтъ системы. Въ то время, къ которому относится изданіе „Московскаго журнала“, только „у одного Карамзина мы видимъ рѣчь вездѣ ровную, свидѣтельствующую о ясномъ пониманіи условій чистоты и изящества языка, о разумной строгости въ выборѣ словъ и ихъ расположеніи“. Такимъ образомъ только „въ трудахъ Карамзина совершилось рѣшительное вступленіе языка въ новый періодъ его литературнаго развитія“.

Въ чемъ же именно состояла заслуга Карамзина въ этомъ отношеніи?

Въ рѣчи Карамзина прежде всего слѣдуетъ отдѣлить то, что составляетъ индивидуальную особенность автора, и что профессоръ Лавровскій назвалъ „совершенно органическимъ продуктомъ врожденныхъ способностей Карамзина, духовной организаци и всего его образованія, всей совокупности образовательныхъ элементовъ, вошедшихъ въ его душу и участвовавшихъ въ окончательной выработкѣ его общаго душевнаго настроенія“²⁵⁴). Эта индивидуальная особенность опредѣлится всего лучше, если мы языкъ Карамзина назовемъ *языкомъ сердца*. Подражать этой индивидуальной особенности безнаказанно, не будучи вторымъ Карамзинымъ, невозможно—и потому не удивительно, что писатели, желавшіе усвоить себѣ этотъ „языкъ сердца“, такъ легко доходили до непріятной приторности, до смѣшныхъ крайностей.

Но, помимо индивидуальнаго, въ новомъ языкѣ Карамзина было еще много такого, что могло быть усвоено всѣми, и что дѣйствительно скоро сдѣлалось общимъ достояніемъ всего русскаго образованнаго класса, и чѣмъ собственно и было произведено преобразование. Въ этомъ отношеніи Гротъ указываетъ слѣдующее.

Въ противоположность стилистическимъ началамъ Ломоносова, Карамзинъ сталъ:

1) писать недлинными, не утомительными предложениями;

2) располагать слова сообразно съ теченіемъ мыслей и съ особыми законами языка.

Это относится къ синтаксису, котораго упрощеніе, такимъ образомъ, совершилось въ сочиненіяхъ Карамзина „вовсе не въ силу подражанія французскому или англійскому языку, а въ силу потребности русскаго ума и вкуса“.

Далѣе къ синтаксической сторонѣ Гротъ относитъ и введеніе Карамзинымъ новыхъ выраженій, оборотовъ—и приводитъ такіе примѣры:

«Пришла весна, и благодѣтельные *вліянія* сего прекраснаго времени года *возвратили* мнѣ друга; бальзамическія *испаренія* зеленѣющихъ травъ *освѣжили* его сердце; вмѣстѣ съ цвѣтами *расцвѣтала* душа его, и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый духъ его *оперялся*».—«Знанія разливаются, какъ волны морскія».—«Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда... *ловили* въ исторіи всѣ благородныя *черты* души человѣческой».—«Доказательство, что сердца ихъ *отверзались* *впечатлѣніямъ* изящнаго».—«Такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще

не мертваго душою челоуѣка». — «Видимъ людей, углубленныхъ въ свою личность и холодныхъ для всего народнаго».

Наконецъ важной чертой Карамзинскаго синтаксиса было „установленіе твердыхъ началъ въ словоуправленіи“. Какъ на характерный примѣръ, Гротъ указываетъ на фразу (изъ статьи: „О нов. образ. народн. просв.“): „слѣдовалъ ихъ воля и за ихъ знаменами“.

Въ отношеніи къ лексическому составу литературнаго языка Гротъ отмѣчаетъ у Карамзина слѣдующіе элементы рѣчи:

1) Весьма значительное ограниченіе славянизмовъ.

2) Введеніе иностранныхъ словъ для новыхъ понятій, но введеніе чрезвычайно осторожное. У Карамзина встрѣчаются слова: *моральный, эстетическій, эпоха, гармонія, энтузіазмъ, катастрофа, серьезно, меланхолія, мифологія, религія, рецензія, героизмъ*, выраженія: *быть на сценѣ, выходить на сцену* и т. п.; но употреблявшіеся у прежнихъ писателей галлицизмы, каковы напр. у Фонвизина: *резонъ, эстима, консидерація, универсальный, апробація*, Карамзинымъ отвергнуты. Притомъ же въ нѣкоторыхъ случаяхъ на ряду съ иностранными словами онъ употреблялъ и русскія, напримѣръ: *моральный и нравственный; интересный и любопытный, занимательный; натура и природа*.

3) Сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія, напримѣръ словамъ: *потребность* (души), *развитіе* (характера), *образъ* (поэтическій), *положеніе* (въ драмѣ), *выработанный* (слогъ), *вкусы* (во мн. ч.).

4) Составленіе новыхъ словъ, частію самостоятельно, напримѣръ: *промышленность, общественность, усовершенствовать, челоуѣчный, общепользныи*; частію путемъ перевода съ иностраннаго, напримѣръ: *трогательный, сосредоточить, представитель, начитанность, обдуманность, оттънокъ*, и мн. др.

Всѣ эти черты Карамзинскаго языка въ отдѣльности суть только частности; но важно то, что въ своей совокупности онѣ направлялись къ тому, чтобы придать языку впечатлѣніе рѣчи изящной, удовлетворяющей эстетическому чувству. Насколько Карамзинъ достигъ этой цѣли, можно видѣть изъ сравненія его рѣчи съ рѣчью писателей старой, не Карамзинской школы. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ Бюффона въ переводахъ Малиновскаго (1783), Лепехина (1792) и Карамзина (1798, въ Пант. иностр. слов.): ²⁵⁵⁾

Малиновскаго. Я вспоминаю о той исполненной веселія и смущенія минутѣ, въ которую въ первый разъ возчувствовалъ отмѣнное мое бытіе:

тогда я не могъ себѣ представить, что я, гдѣ былъ и откуда взялся. Я открылъ глаза; коль превосходное чувствованіе! свѣтъ, небесная твердь, зеленѣющая земля, прозрачныя воды—все меня занимало, одушевляло и несказаннымъ образомъ чувства мои увеселяло. Изъ чего я заключилъ, что всѣ сіи предметы находились во мнѣ и составляли часть самого меня.

Ленехина. Исполненъ веселія и смущенія, привожу я на память ту минуту, въ которую я первый разъ ощутилъ чудное бытіе мое; я не зналъ, что я такое былъ, гдѣ находился и откуда пришелъ. Открывъ глаза, какое приращеніе ощутилъ я въ чувствованіяхъ! Свѣтъ, сводъ небесный, зеленѣющая земли поверхность, кристалловидныя воды—всего меня занимали, оживляли и возбуждали во мнѣ неизреченное чувствованіе удовольствія; въ началѣ мнилъ я, что всѣ сіи предметы, во мнѣ находяся, составляли существенную моего сложенія часть.

Карамзина. И теперь еще живо помню ту минуту радости и смятенія, какъ въ первый разъ ощутилъ я чудное бытіе свое. Не зная, что я, гдѣ, откуда взялся, открываю глаза: какое неописанное чувство! Свѣтъ, небесный сводъ, зелень травы, кристаллъ воды—все занимаетъ, трогаетъ, веселитъ меня несказанно. Мнѣ кажется, что всѣ предметы во мнѣ и составляютъ часть моего существа.

„Слогъ Карамзина“—замѣчаетъ Гротъ—„былъ новъ по своей пластичности, по богатству образовъ и живописи выраженій, въ которыхъ слова являлись въ новой связи, въ новыхъ счастливыхъ сочетаніяхъ. Такъ возникла въ первый разъ на русскомъ языкѣ проза ровная, чистая, блестящая и музыкальная, въ выразительности и изяществѣ не уступающая прозѣ самыхъ богатыхъ литературъ Европы. Эта проза имѣла еще свои недостатки: иногда ей вредила нѣкоторая искусственность, имѣвшая цѣлю удовлетворить особеннымъ, своенравнымъ требованіямъ слуха. Но эти недостатки не умаляютъ великой заслуги Карамзина, давшего русскому литературному языку рѣшительное направленіе, въ которомъ онъ еще и нынѣ продолжаетъ развиваться“.

Языкъ далеко не маловажная сторона въ литературномъ произведеніи. Бѣлинскій сказалъ: „Карамзинъ первый родилъ въ обществѣ *потребность чтенія, размножилъ читателей, создалъ русскую публику;... безъ той публики не было бы и теперешней.* Поэтому дѣло Карамзина — великій подвигъ; вполне достойный того, чтобы наше время обезсмертило его монументомъ“²⁵⁶). Нѣтъ сомнѣнія, что въ совершеніи указаннаго Бѣлинскимъ подвига не малую роль игралъ и преобразованный Карамзинымъ литературный языкъ нашъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза“. Рига, 1886 г., т. I, 13.

2) „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Спб. 1885 г., изд. 2-ое, стр. 20.

3) Надлеръ: „Императоръ Александръ I...“ I, 15.

4) „Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе“. Спб. 1897 г., т. I, 40.

5) Тамъ же, II, 18.

6) „Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, т. I, заключающій въ себѣ „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I“. Спб. 1889 г., стр. 398 и 414—415.

7) Тамъ же, стр. 419.

8) Свѣдѣнія объ университетахъ, какъ тутъ, такъ и далѣе, заимствуемъ изъ упомянутаго уже выше (примѣч. 6-ое) сочиненія академика Сухо-млинова.

9) „Общественное движеніе въ Россіи...“, стр. 111.

10) Эти свѣдѣнія заимствуемъ не прямо у Шторха, а изъ упомянутой уже книги Пыпина, стр. 109—110.

11) Шильдеръ, I, 116.

12) Шильдеръ, I, 164.

13) II, 22.

14) Въ письмѣ къ княгинѣ Маріи Григ. Голицыной, обратившейся къ государю съ незаконной просьбой и говорившей ему, что государь выше закона.

15) Шильдеръ, II, 249—250.

16) Такъ современное общество называло тѣсный дружескій союзъ, который образовали между собою Новосильцевъ, Строгановъ и Чарторижскій.

17) Свѣдѣнія о „планѣ“ Сперанскаго заимствуемъ изъ кн. Пыпина („Общественное движеніе...“, 148—172), который въ изложеніи этого плана основывается на данныхъ, сообщенныхъ Н. И. Тургеневымъ въ изданномъ имъ за границей сочиненіи: „La Russie et les Russes“.

18) Шильдеръ, I, 191 и II, 128.

19) Шильдеръ, I, 129.

20) Шильдеръ, II, 100—104.

21) Шильдеръ, III, 38.

22) Шильдеръ, III, 244.

- 23) Шильдеръ, III, 322.
- 24) Сухомлиновъ: „Изслѣдованія и статьи...“, I, 160.
- 25) Гр. Завадовскій былъ первымъ у насъ по времени министромъ народнаго просвѣщенія.
- 26) Пыпинъ: „Общественное движеніе...“, 113.
- 27) Сухомлиновъ: „Изслѣдованія и статьи...“, I, 419.
- 28) Тамъ же, 108—110.
- 29) Тамъ же, 157.
- 30) Тамъ же, 119.
- 31) Тамъ же, 121.
- 32) Факты эти заимствуемъ изъ той же кн. Сухомлинова (стр. 132, 133 и 118).
- 33) „Изслѣдованія и статьи...“, I, 184—186.
- 34) Тамъ же, 163.
- 35) Тамъ же, 163—165.
- 36) Подробное изложеніе столкновенія Жуковскаго съ цензурою по поводу указанной баллады помѣщено у Сухомлинова („Изслѣдованія и статьи...“ I, 436—447).
- 37) „Императоръ Александръ I...“, I, 185.
- 38) Соловьевъ: „Императоръ Александръ Первый. Политика—дипломатія“. Спб. 1877 г., стр. 13.
- 39) „Императоръ Александръ I...“, I, 14—15.
- 40) Пыпинъ: „Общественное движеніе...“, 75.
- 41) Письма Батюшкова цитируемъ по пятому „общедоступному“ изд. его сочиненій 1887 г., Спб.
- 42) См. письмо Батюшкова къ Гнѣдичу отъ 1 ноября 1809 г.
- 43) „Исторія рус. словесности“ Порфирьева, ч. II, отд. 3-й, стр. 10.
- 44) „Императоръ Александръ I...“, I, 63—64.
- 45) Сухомлиновъ: „Изслѣдованія и статьи...“, I, 171.
- 46) „Императоръ Александръ I...“, II, 13.
- 47) См. „Письма изъ Москвы въ Новгородъ“ (въ Нижній Новгородъ) Муравьева-Апостола, въ „Рус. Архивъ“ 1876 г., кн. 3.
- 48) „Императоръ Александръ I...“, II, 9.
- 49) Такъ выразился Державинъ въ своихъ запискахъ (Сочин. Державина, VI, 758).
- 50) Шильдеръ, II, 41.
- 51) „Общественное движеніе...“, 356—357. Въ приведенномъ мѣстѣ Пыпинъ цитируетъ замѣтку Муравьева-Апостола, помѣщенную въ „Русской Старинѣ“ 1873 г., т. VIII, 109.
- 52) Тутъ Муравьевъ-Апостолъ намекаетъ, главнымъ образомъ, на то мѣсто рѣчи импер. Александра, въ которомъ онъ заявлялъ о своемъ намѣреніи ввести свободныя учрежденія и во всей имперіи.
- 53) Шильдеръ, I, 172.
- 54) Хотя мысли въ этомъ письмѣ весьма близки къ мыслямъ Карамзина, но во всякомъ случаѣ написано оно не Карамзинымъ, такъ какъ этотъ писатель и самъ былъ предметомъ оцѣнки автора письма. Говоря о современной ему литературѣ нашей, относящейся къ отдѣлу прозы, авторъ письма осуждаетъ отсутствіе въ ней серьезности и исключеніемъ считаетъ лишь „Теорію налоговъ“ Н. И. Тургенева, немногія страницы у Батюшкова и „Исторію“ Карамзина.

- 55) Шильдеръ, III, 50.
- 56) Пыпинъ: „Общественное движеніе...“, 401.
- 57) Шильдеръ, III, 231.
- 58) См. выше, стр. 6.
- 59) Перечень этихъ указовъ есть у Пыцина („Общ. движеніе...“, 62—64) и у Шильдера (II, 16—19).
- 60) Погодинъ: „Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“, I, 325.
- 61) См. выше, стр. 34.
- 62) Сентябрьское письмо изъ Лондона. (Сочин. Карамз. II, 778).
- 63) „Н. М. Карамзинъ...“, I, 326.
- 64) „Карамзинъ, какъ историкъ“. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета 2-го дек. 1866 г.—Впослѣдствіи эта рѣчь вошла въ составъ книги того же автора: „Біографіи и характеристики“. Спб. 1882.
- 65) См. выпускъ I, 118.
- 66) „Н. М. Карамзинъ...“, 326.
- 67) „Общественное движеніе...“, 211.
- 68) „Н. М. Карамзинъ...“, I, 327.
- 69) См. выпускъ I, 217—218.
- 70) Письма эти собраны въ книгѣ Погодина, I, 382—388.
- 71) Въ статьѣ: „Карамзинъ, какъ оптимистъ“. (Отеч. Записки 1858 г. № 1).
- 72) См. выпускъ I, 218.
- 73) „De senectute“ (О старости).
- 74) Мысли эти собраны въ III-мъ т. Смирдинскаго изд. соч. Карамзина, подъ заглавіемъ: „Нѣскольکو мыслей“ (стр. 703—704).
- 75) См. выпускъ I, ст. о повѣсти: „Наталья, боярская дочь“.
- 76) Едва ли можно согласиться съ Милюковымъ („Главныя теченія русской исторической мысли“, Русск. Мысль, 1894, январь, стр. 54), будто слова эти относятся не къ Исторіи, а къ Пантеону иностранной словесности. Сомнительно, чтобы Карамзинъ мечталъ, хотя и робко, объ этомъ сборникѣ, какъ о „памятникѣ для потомства“.
- 77) Погодинъ: „Н. М. Карамзинъ...“, II, 17, и Дмитріевъ: „Взглядъ на мою жизнь“, 82.
- 78) „Главныя теченія русской исторической мысли“. („Русск. Мысль“ 1894, январь, май и д.
- 79) „Н. М. Карамзинъ...“, II, 27.
- 80) Пыпина, Пятковскаго, Милюкова, Иванова (автора статьи: „Исторія русской критики“).
- 81) Милюковъ, Русск. Мысль, май, 106.
- 82) Сочин. В. А. Жуковскаго, I, 306—307, изд. 7-ое, 1878 г.
- 83) В. Л. Пушкина, дяди знаменитаго поэта.
- 84) Въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 26 ноября 1812 г. (См. академич. изд. „Писемъ Н. М. Карамзина къ Дмитріеву“).
- 85) Въ п. къ нему же отъ 28 октября.
- 86) Въ п. къ нему же отъ 26 ноября.
- 87) Въ п. къ нему же отъ 18 декабря.
- 88) Въ статьѣ: „О письмахъ Карамзина“, тоже помѣщенной въ „Торжественномъ собраніи Императ. Ак. Наукъ 1-го дек. 1866 г.“, стр. 67—69).

⁸⁹⁾ См. выше, стр. 8—9.

⁹⁰⁾ „Н. М. Карамзинъ...“, II, 76—77.

⁹¹⁾ См. у Надлера, I, 97 и у Шильдера, III, 64.

⁹²⁾ Погодинъ: „Н. М. Карамзинъ...“, II, 112—113.

⁹³⁾ Катерины Ѳеодоровны. Муравьевъ умеръ 1807 г.

⁹⁴⁾ „Письма Карамзина къ супругѣ (1816 г.)“ собраны въ книгѣ „Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина“, ч. I. Тутъ же помѣщена и „Переписка съ императоромъ Александромъ I (1822—25 г.)“ и переписка съ имп. Елисаветой Алексѣевной, съ в. кн. Екатериной Павловной и съ имп. Николаемъ I.

⁹⁵⁾ Въ письмѣ къ Тургеневу отъ 30 марта.

⁹⁶⁾ „Взглядъ на мою жизнь“, 239.

⁹⁷⁾ Т.-е. у вдовствующей импер. Маріи Ѳеодоровны.

⁹⁸⁾ Алексѣй Ѳеодоровичъ Малиновскій, членъ многихъ ученыхъ обществъ, извѣстенъ между прочимъ своимъ „Собраніемъ російскихъ государственныхъ грамотъ“.

⁹⁹⁾ Въ той же статьѣ: „О письмахъ Карамзина“.

¹⁰⁰⁾ Тамъ же.

¹⁰¹⁾ Въ Царскомъ селѣ Карамзинъ жилъ въ Китайскомъ домикѣ, или вѣрнѣе—въ двухъ домикахъ, такъ какъ кабинетъ его находился въ отдѣльномъ флигелѣ.

¹⁰²⁾ Въ сдѣланной 18 дек. 1825 г. припискѣ къ „Мнѣнію русскаго гражданина“, о которомъ рѣчь идетъ у насъ ниже.

¹⁰³⁾ Гурьевъ—тогдашній министръ финансовъ.

¹⁰⁴⁾ При Шишковѣ.

¹⁰⁵⁾ Въ той же статьѣ: „О письмахъ Карамзина“.

¹⁰⁶⁾ Выписана изъ книги „Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина“, ч. I.

¹⁰⁷⁾ „Общественное движеніе...“, 401.

¹⁰⁸⁾ Приписка помѣщена въ той же книгѣ: „Неизданныя сочиненія...“, ч. I. Часть приписки озаглавлена: „Для потомства“ (29 дек. 1819), а еще болѣе поздняя часть ея названа „Новымъ прибавленіемъ“ (18 дек. 1825).

¹⁰⁹⁾ Въ припискѣ (въ „Новомъ прибавленіи“) есть между прочимъ слѣдующія слова: „Правда, Россія удержала свои польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго: по крайней мѣрѣ, такъ сказалъ онъ мнѣ въ ноябрѣ 1824 г.“

¹¹⁰⁾ Письмо государя къ Карамзину отъ 16 февр. 1825 г.

¹¹¹⁾ Письмо къ Дмитріеву отъ 19 марта 1825 г.

¹¹²⁾ Въ „Новомъ прибавленіи“ къ ней.

¹¹³⁾ См. письмо Карамзина къ государю, приведенное выше, на стр. 77.

¹¹⁴⁾ „Н. М. Карамзинъ...“, II.

¹¹⁵⁾ Съ 1820 г. Карамзинъ поручалъ Сербиновичу, тогда еще очень молодому человѣку, переводъ изъ латинскихъ и польскихъ писателей, большею частію о временахъ самозванцевъ и междуцарствія.

¹¹⁶⁾ Карамзинъ въ Петербургѣ жилъ сперва на Фонтанкѣ у Аничкова моста, въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой, а потомъ на Моховой ул., въ домѣ Межуева.

¹¹⁷⁾ Погодинъ: „Н. М. Карамзинъ...“, II, 157.

- 118) „Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина“, 29.
- 119) „Неизданныя сочиненія...“, I, 9.
- 120) Погодинъ: „Н. М. Карамзинъ...“, II, 430—435.
- 121) Письма Карамзина къ бурмистру собраны у Погодина: „Н. М. Карамзинъ...“, II, 437 и далѣе.
- 122) А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ своему брату Николаю назвалъ болѣзнь Карамзина: *fièvre lente*. (Русск. Архивъ 1895 г., № 9).
- 123) Оскаръ Іегеръ: „Новѣйшая исторія“, изд. Маркса, Спб., т. IV, 148.
- 124) Тамъ же.
- 125) Въ статьѣ: „Паденіе Швейцаріи“.
- 126) „Ист. рус. словесности“, II, 38 (изд. 1880 г.).
- 127) См. письмо Мелодора къ Филалету (вып. I, 191).
- 128) См. выше, стр. 5.
- 129) Шильдеръ, II, 58 и 60.
- 130) Государемъ былъ уже подписанъ рескриптъ къ гр. Завадовскому о составленіи полнаго и методическаго собранія гражданскихъ законовъ.
- 131) Упомянутое о „Терпсихориныхъ группахъ“ и вообще вся эта рѣчь Карамзина о „безразсудной, разорительной роскоши“ дворянъ того времени заставляетъ вспомнить слѣдующіе стихи изъ монолога Чацкаго:
- Или вонъ тотъ еще, который для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ;
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!
- 132) См. выше, главу I, отд. 4, б.
- 133) Мѣсто это приведено въ переводѣ Шишкова и взято изъ „Ист. рус. словесности“ Галахова, II, 130.
- 134) „Вѣстн. Европы“ 1802 г., № 19, въ отдѣлѣ „Извѣстій и замѣчаній“.
- 135) Пятковскій: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, II, 89—90.
- 136) Тамъ же, 94—96.
- 137) См. выше, стр. 93.
- 138) См. выше, стр. 45—46.
- 139) См. выпускъ I, 194.
- 140) Относительно этого вывода мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку. Въ „Письмѣ сельскаго жителя“ есть слова: „главное право русскаго дворянина—быть помѣщикомъ“. Если на нихъ смотрѣть, какъ на гордое и настойчивое требованіе сохранить за дворянами это право навсегда,—то въ такомъ случаѣ авторъ „Письма“ окажется принципиальнымъ и рѣшительнымъ врагомъ освобожденія. Но такому толкованію мѣшаютъ многія другія выраженія въ „Письмѣ“, напр. признаніе „системы мудрыхъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ головъ“ *хорошей*; далѣе: совѣтъ законодателю не совершенно устраняться либеральныхъ мѣръ, а только лишь *не облетать* время; наконецъ выраженіе увѣренности, что просвѣщеніе со временемъ сдѣлаетъ все *хорошее возможнымъ*. На этомъ основаніи мы слова Карамзина: „главное право русскаго дворянина—быть помѣщикомъ“ толкуемъ не въ

смыслѣ требованія сохранить это право навсегда, а лишь въ смыслѣ простого констатированія наличнаго факта—и потому выводимъ, что Карамзинъ, какъ авторъ „Письма сельскаго жителя“ не былъ безусловнымъ врагомъ освобожденія, по крайней мѣрѣ не отрицалъ его возможности въ будущемъ. Въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“ онъ высказался противъ освобожденія гораздо сильнѣе.

Для сопоставленія приведемъ мнѣніе Пушкина о крестьянскомъ вопросѣ, высказанное имъ въ 1834 г. въ статьѣ: „Мысли на дорогѣ“. „Судьба крестьянина“—говоритъ Пушкинъ,—улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; и говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ,—и это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ. Конечно, должны еще произойти великія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества...“ (Сочин. А. С. Пушкина, изд. общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ т. V, стр. 240).

¹⁴¹⁾ Пыпинъ: „Общественное движеніе...“, 396—397.

¹⁴²⁾ „Исторія рус. словесности“ Галахова, II, 58.

¹⁴³⁾ „Н. М. Карамзинъ...“, II, 5.

¹⁴⁴⁾ См. выпускъ I, 156.

¹⁴⁵⁾ Въ письмѣ: „Въ каретѣ дорогою“ точно такъ же выразился русскій путешественникъ о швейцарцахъ. (См. вып. I, 152).

¹⁴⁶⁾ „Исторія государства Россійскаго“, т. VI, стр. 133—139. Изд. Смирдина, 1852 г.

¹⁴⁷⁾ Тамъ же, стр. 24—50 и 99—133.

¹⁴⁸⁾ Сочин. Карамзина, III, 189.

¹⁴⁹⁾ „Карамзинъ, какъ историкъ“, отдѣльный оттискъ 1866 г., стр. 13.

¹⁵⁰⁾ „Ист. госуд. Россійскаго“, VI, 138—139.

¹⁵¹⁾ „Н. М. Карамзинъ...“, II, 15.

¹⁵²⁾ См. выпускъ I, 5—11.

¹⁵³⁾ Тамъ же, стр. 11.

¹⁵⁴⁾ Подобное выраженіе есть, но не у трагика, а у комика Эпихарма: τῶν πόων πῶλον πῶλον ἡμῖν πάντα τ' ἀγαθ' οἱ θεοί.

¹⁵⁵⁾ См. выпускъ I, 120.

¹⁵⁶⁾ „Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина“, стр. 24.

¹⁵⁷⁾ Тамъ же, стр. 40.

¹⁵⁸⁾ „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, II, 49.

¹⁵⁹⁾ См. выше, стр. 126.

¹⁶⁰⁾ Сочин. Карамзина, II, 511—512.

¹⁶¹⁾ „Н. М. Карамзинъ...“, II, 22—24.

¹⁶²⁾ Тамъ же, II, 24—26, 29 и 31.

¹⁶³⁾ Въ статьѣ: „Карамзинъ, какъ историкъ“.

¹⁶⁴⁾ Онъ изложенъ въ статьѣ, упомянутой у насъ въ 78-мъ примѣчаніи.

¹⁶⁵⁾ Русская Мысль, январь, 51—52.

¹⁶⁶⁾ Тамъ же, 59—60.

¹⁶⁷⁾ Тамъ же, май, 116—122.

¹⁶⁸⁾ Тамъ же, 127.

- 169) Эти слова Соловьева, равно какъ и приводимыя нами далѣе, мы приводимъ по Кояловичу („Исторія русскаго самосознанія“, 189—190), который беретъ ихъ изъ Москов. университет. извѣстій 1866—7 г., № 3, стр. 179 и 183—4.
- 170) „Ист. гос. Росс.“, изд. Смирдина (6-ое), т. II, 27—28.
- 171) Тамъ же, III, 32—33.
- 172) Тамъ же, III, 141.
- 173) Тамъ же, IV, 232.
- 174) Тамъ же, IV, 244.
- 175) Тамъ же, IV, 218—219.
- 176) Тамъ же, IV, 258.
- 177) Тамъ же, V, 8.
- 178) Тамъ же, V, 110.
- 179) Тамъ же, V, 364—367 и 371, 373, 374
- 180) Тамъ же, VII, 9.
- 181) Тамъ же, VII, 200—202.
- 182) Тамъ же, IX, 441.
- 183) Тамъ же, IX, 471—472.
- 184) Тамъ же, IX, 437.
- 185) Тамъ же, X, 222—223.
- 186) Тамъ же, IV, 244.
- 187) Тамъ же, IV, 244.
- 188) Тамъ же, IX, 439.
- 189) Тамъ же, X, 13.
- 190) Тамъ же, X, 118—120.
- 191) Тамъ же, XI, 179.
- 192) Тамъ же, XI, 217.
- 193) Тамъ же, VII, 7—8.
- 194) Тамъ же, III, 87.
- 195) Тамъ же, III, 32.
- 196) Тамъ же, IX, 100.
- 197) Тамъ же, III, 289—290.
- 198) „Н. М. Карамзинъ...“, II, 190—192.
- 199) „Исторія русскаго самосознанія“ Кояловича, 190—191.
- 200) „Карамзинъ, какъ историкъ“. (Отдѣльн. оттискъ 1866 г., стр. 30).
- 201) „Лѣтопись по Лаврентіевскому списку“ .Изданіе Археографической комиссіи. Спб. 1872 г., стр. 66.
- 202) „Исторія гос. Росс.“, I, 176—177.
- 203) „Главные теченія русской исторической мысли“, Русск. Мысль 1894 г., май, 109.
- 204) „Карамзинъ, какъ историкъ“, 2—3.
- 205) „Остатки автобіографіи“. Сочин. А. С. Пушкина, изд. общ. для пособія нуждающимся литер. и ученымъ, т. V, 40. (Спб. 1887).
- 206) „Карамзинъ, какъ историкъ“, 16.
- 207) Пятое общедоступное изд. сочин. К. Н. Батюшкова, стр. 438.
- 208) Тамъ же, 144. Стихотвореніе озаглавлено: „Н. М. Карамзину“.
- 209) „Карамзинъ, какъ историкъ“, 12—13.
- 210) Тамъ же, 14.
- 211) Погдинъ: „Н. М. Карамзинъ...“, II, 198—203.
- 212) Сочин. В. А. Жуковскаго, изд. 7-ое, 1878 г., т. III, 87.

- ²¹³⁾ Сочин. А. С. Пушкина, изд. общ. для пособія нужд. лит. и уч., V, 41.
- ²¹⁴⁾ Тамъ же, V, 304.
- ²¹⁵⁾ Напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 г., стр. 2230—2350.—
Впрочемъ, первая часть Записки была напечатана еще раньше — въ концѣ XII-го тома „Ист. гос. Росс.“, изд. Смирдина.
- ²¹⁶⁾ См. выпускъ I, стр. 25, 136—142 и 175—176.
- ²¹⁷⁾ Кояловичъ: „Исторія русскаго самосознанія“, 279.
- ²¹⁸⁾ Тамъ же, 358.
- ²¹⁹⁾ Тамъ же, 272—273.
- ²²⁰⁾ Сочин. Карамзина, I, 330.
- ²²¹⁾ См. выше, стр. 37.
- ²²²⁾ См. выше, стр. 172.
- ²²³⁾ „Императоръ Александръ Первый“, II, 209—210.
- ²²⁴⁾ Тамъ же, II, 227.
- ²²⁵⁾ „Исторія русскаго самосознанія“, 191.
- ²²⁶⁾ „Исторія рус. словесности“, ч. II, отдѣлъ 3-й, стр. 74. (Казань, 1891).
- ²²⁷⁾ „Общественное движеніе...“, 233.
- ²²⁸⁾ „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“ Спб. 1883, стр. 988.
- ²²⁹⁾ Слова издателя Русскаго Архива. (См. его предисловіе къ Запискѣ).
- ²³⁰⁾ Пыпинъ, Пятковскій, Ивановъ.
- ²³¹⁾ „Жизнь Сперанскаго“, I, 141.
- ²³²⁾ „Общественное движеніе...“, 235—236.
- ²³³⁾ Въ статьѣ: „О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“.
- ²³⁴⁾ См. выше, стр. 98.
- ²³⁵⁾ Сочин. Карамзина, III, 343—344.
- ²³⁶⁾ См. выше, стр. 115.
- ²³⁷⁾ См. выше, стр. 116.
- ²³⁸⁾ См. выше, стр. 219—220.
- ²³⁹⁾ Подробности о дѣлѣ этихъ профессоровъ см. у Сухомлинова („Изслѣдованія и статьи...“, т. I, гл. VI).
- ²⁴⁰⁾ См. выпускъ I, 155.
- ²⁴¹⁾ См. выше, стр. 189.
- ²⁴²⁾ См. выше, стр. 208.
- ²⁴³⁾ См. выше, стр. 189.
- ²⁴⁴⁾ См. выпускъ I, 150—151.
- ²⁴⁵⁾ См. на примѣръ, въ „Похвальномъ словѣ“ на стр. 45—46.
- ²⁴⁶⁾ См. выше, стр. 203.
- ²⁴⁷⁾ См. выше, стр. 148.
- ²⁴⁸⁾ См. выше, стр. 152—153.
- ²⁴⁹⁾ „Общественное движеніе...“, 187.
- ²⁵⁰⁾ См. выше, стр. 199.
- ²⁵¹⁾ См. выше, стр. 199.
- ²⁵²⁾ „Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина“, 31.
- ²⁵³⁾ См. выпускъ I, 261—262.
- ²⁵⁴⁾ „Карамзинъ и его литературная дѣятельность“, 41. Цитата изъ Лавровскаго приведена нами по Гроту (стр. 100—101).
- ²⁵⁵⁾ Отрывки эти приводимъ по Гроту (127—128).
- ²⁵⁶⁾ „Систематическое собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“, изд. Николая Зинченко, вып. III, стр. 5.